Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ *).

Далѣе, новозавѣтныя посланія, при всемъ томъ глубокомъ уваженіи, которыми они съ самаго начала пользовались, однако также еще не пріобрѣли строго каноническаго, повсемѣстно признаннаго значенія въ послѣ-апостольскую пору. Ссылки на нихъ раннихъ отцовъ и учителей Церкви, вообще не частыя, отличаются неточностью, носятъ иногда характеръ скорѣе вольнаго пересказа, нежели точной цитаціи, приличествующей тексту каноническому. О Татіанѣ извѣстно, что онъ, какъ говоритъ Евсевій, «осмѣлился выразить другими словами нѣсколько апостольскихъ изреченій, съ намѣреніемъ будто бы исправить въ нихъ языкъ» [44]). Но то, что считалось дерзостью во времена Евсевія, не казалось таковою въ эпоху Іустина, отличавшагося, по отзыву Цана, не только неумышленною небрежностью въ ссылкахъ на евангельскіе тексты [45]), но и смѣлостью, съ которою онъ нерѣдко ихъ передѣлывалъ и расширялъ, сообразно со своими цѣлями [46]). Несмотря на несомнѣнные слѣды знакомства Іустина съ посланіями ап. Павла [47]), фактъ полнаго умолчанія о немъ и отсутствіе пря-

---

*) Продолженіе. См. январь.

[44]) Евсевій. Ц. И. IV, 29.

[45]) Вполнѣ точная, буквальная передача евангельскаго историческаго повѣствованія (изъ Матѳ. III, 11—12) встрѣчается во всемъ Іустинѣ только однажды: Разгов. съ Трифон. гл. 49.

[46]) Zahn. G. d. N. T. Canons. I, 2; 558.

[47]) Zahn. I, 2, 563 ff., въ противоположность неосновательно отрицательному выводу Овербека: „gründlicher... und jedenfalls feindselig... kann man Paulus nicht ignoriren“—тамъ же. 563. Anm. Очень основательно въ

мыхъ ссылокъ на этотъ источникъ, по преимуществу, казалось бы, пригодный для полемическихъ цѣлей апологета, показываютъ, что даже столь авторитетныя, уже и въ эту пору, апостольскія посланія еще не всегда и не всюду возводились въ высшую норму христіанскаго сознанія *въ каноническомъ смыслѣ*, еще не вполнѣ приравнивались въ этомъ смыслѣ по авторитетности къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ и къ евангелію, а составляли какъ бы особую, хотя и въ высокой степени вліятельную, категорію книгъ [48]).

Очень неравномѣрно и разновременно совершалось признаніе каноничности соборныхъ посланій. Многозначительнымъ

противоположномъ (положительномъ) смыслѣ—Engelhardt. Das Christenthum Justins. 1878, 352 ff.

[48]) Такое разграниченіе замѣчается въ первоначальной редакціи „Актовъ Сциллитанскихъ Мучениковъ" (ок. 200 г.): на вопросъ проконсула: „что за вещи хранятся у васъ въ ящикѣ?" мученики отвѣчали: „Книги (т. е. Ветх. Завѣтъ и Евангелія) и посланія Павла, мужа праведнаго". Ausgewählte Märtyreracten, herausg. v. Knopf. Tübingen, 1901, 35 по тексту, изданному Робинзономъ: Texts and Studies. I, 2 (1891 г.) 112—116. Позднѣйшая редакція замѣнила первоначальный отвѣтъ слѣдующимъ: „Четыре евангелія Господа Нашего Іисуса Христа и Посланія святого апостола Павла и все боговдохновленное Писаніе". Acta proconsularia martyrum Scillitanorum у Ruinart. Acta Martyrum. Ratisbonae, 1859, 132.—У Гайя, писавшаго около 200 г. (отрывки его въ Hippolytus Werke, herausg. v. Bonwetsch u. Achelis. Leipzig, 1897. I, 2, 241 ff.), также соблюдается разграниченіе: „Писаніе говоритъ"... и „Павелъ говоритъ".—Изъ Іустина не видно, чтобы Посланія читались въ богослужебныхъ собраніяхъ (Апол. I, 67: „читаются воспоминанія апостоловъ (евангелія) или писанія пророковъ".—Изъ Doctrina Addaei видно, что въ сирійскихъ церквахъ въ раннюю пору, при богослуженіи, *ежедневно* читалось изъ новозавѣт. Писанія только евангеліе, хотя вообще для церковнаго чтенія предназначались и „пророки, и посланія Павла, которыя Симонъ Кифа прислалъ намъ изъ Рима, и Ученіе 12 Апостоловъ, присланное намъ Іоанномъ, сыномъ Зеведеевымъ, изъ Ефеса".—Въ древнѣйшемъ свидѣтельствѣ о призваніи каноническаго авторитета за посланіями ап. Павла,—въ Мураторіевомъ Фрагментѣ—видно, что посланія къ Тимоѳею, Титу и Филимону были „признаны священными" (sanctificatae sunt) какъ будто позднѣе другихъ посланій, „ради расположенія и любви къ апостолу, но и ради чести каѳолической церкви и порядка церковной дисциплины". Fragm. Murat. v. 59—63. Das Muratorische Fragment, hrsg. v. Lietzmann. Bonn, 1908, 8—9. Такому „освященію" (канонизаціи) новозавѣтныхъ посланій, надо думать, содѣйствовала борьба церкви съ одной стороны—противъ злоупотребленій гностиковъ устнымъ преданіемъ объ ученіи апостоловъ, а съ другой—поддѣлки Павловыхъ посланій Маркіономъ и его послѣдователями.

фактомъ въ этомъ отношеніи является полное отсутствіе *опредѣленныхъ* ссылокъ на нихъ во всей древнѣйшей христіанской письменности, почти до третьей четверти II вѣка, послѣ чего, наоборотъ, авторитетность ихъ быстро возрастаетъ. Однако и тутъ остается не мало загадочныхъ умолчаній и разнообразій въ признаніи [49]). Лишь у Оригена впервые опредѣленно поименованы *всѣ* соборныя посланія, причемъ, однако, «общепризнанными» онъ называетъ лишь два изъ нихъ (1-е Петрово и 1-е Іоанново), а остальныя—«оспариваемыми нѣкоторыми» [50]). Въ началѣ IV в. Евсевій къ «признаннымъ всѣми божественнымъ писаніямъ», кромѣ Павловыхъ посланій, относитъ 1-е Петрово и 1-е Іоанново, остальныя же соборныя—къ такимъ. «относительно которыхъ есть противорѣчія и которыя однако же многими приняты» [51]). Возрастаніе убѣжденія въ каноничности послѣднихъ ясно изъ слѣдующихъ затѣмъ источниковъ [52]); но только со времени Аѳанасія Великаго всѣ семь

[49]) Въ списокъ Мураторіева канона включены только посланіе Іуды, да два Іоанновыхъ (v. 68—69). Ириней ссылается во многихъ мѣстахъ на 1 Петр. и 1 и 2 Іоан., на Іак. (Ирин. IV, 3, 4) и, вѣроятно, на 2 Петр. (въ V, 23, 2 и 28, 3. Zahn. I, 316—318). Не упоминаетъ Ириней о посланіи Іуды и о 3-мъ Іоанновомъ, о которомъ молчитъ и Климентъ Алекс.— У Тертулліана видимъ знаніе 1 Петр., 1 Іоан., Іуды и Іакова. По мнѣнію Цана, I, 304—315, молчаніе Тертулліана. Кипріана и даже позднѣйшихъ африканцевъ о 2-мъ Посланіи Петра при сравнительно частомъ упоминаніи о 1-мъ, есть достаточное доказательство незнакомства африканцевъ со 2-мъ. О различномъ отношеніи церквей къ посланіямъ Іуды и Іакова—тамъ-же: 319—325. Сирійская церковь сначала не знала соборныхъ посланій: слѣдовъ ихъ не видно ни въ „Гомиліяхъ“ Афрагата, ни въ томъ мѣстѣ „Ученія Аддая“ (The Doctrine of Addai edited by Phillips, 1876, p. 46), которое перечисляетъ книги, предназначаемыя для чтенія въ церкви. Такъ называемый Синайскій (сирійскій) каталогъ (ок. 400 г.) не включаетъ въ новозавѣтныя книги соборныхъ посланій; три изъ нихъ (Іакова, 1 Петра и 1 Іоанна) вошли въ составъ сирійской библіи „Пешитты“ (ок. 412 г.) (Wright. A Short History of Syriac Literature. London. 1894, 6), и лишь еще цѣлымъ вѣкомъ позже, въ 508 г., вступили и остальныя соборныя посланія въ передактированный сирійскій Новый Завѣтъ, Zahn. I, 1, 373—5; Leitpoldt. 1, 245.

[50]) У Евсевія, VI, 25; указанія Оригена на другія соборн. посланія сопоставлены у Лейтпольдта. I, 237.

[51]) Евсевій III, 25.

[52]) Въ т. н. „Момзеновомъ Канонѣ“ (359 г.; текстъ его у Цана, II, 1, 143—145) отсутствуютъ посланія Іакова и Іуды. Въ „Кларамонтанскомъ Каталогѣ“ (не ранѣе половины IV в.; текстъ у Цана, 158—9)—уже всѣ семь соборн. посланій, но со включеніемъ въ „Священное Писаніе“

соборныхъ посланій получаютъ упроченное положеніе въ каноническомъ смыслѣ для большинства церкви, и притомъ—съ устраненіемъ нерѣдко до тѣхъ поръ приравнивавшихся къ нимъ, иныхъ писаній (посланія Варнавы, Климентова 1-го и Ученія 12 Апостоловъ [53]).

Извѣстно далѣе, какъ неравномѣрно развивалось признаніе каноничности Посланія къ Евреямъ:—на Востокѣ сравнительно рано [54]), на Западѣ, наоборотъ—поздно [55]), и, наконецъ, ка-

---

также и Посланія Варвавы, „Пастыря" Ерма, „Дѣяній Павловыхъ" и „Откровенія Петра". О „неразрѣшимыхъ" противорѣчіяхъ и загадкахъ этого списка—Zahn, II, 1, 168—9.—У Кирилла Іерус. (348 г.) всѣ соборныя посланія включены въ обязательный для всѣхъ канонъ уже безъ всякихъ оговорокъ (Огласит. слова, IV, 36). Въ 85 правилѣ „Правилъ апостольскихъ", рядомъ съ семью соборн. посланіями, сохранились еще два Климентовыхъ; въ новозавѣтномъ спискѣ собора Лаодикійскаго послѣднихъ уже нѣтъ.

[53]) Очень важное значеніе имѣлъ списокъ Аѳанасія Вел. въ его 39 Пасхальномъ посланіи. О его редакціяхъ, исторіи и вліяніи—Zahn. Athanasius und der Bibelkanon. Erlangen u. Leipzig. 1901. Вліяніе это однако не должно быть преувеличиваемо: не сразу отпало богослужебное пользованіе отвергнутыми Аѳанасіемъ неканоническими писаніями (таковое, примѣнительно къ Didache въ Египтѣ, встрѣчаемъ удостовѣреннымъ въ Служебникѣ епископа Тмуисскаго Серапіона (друга Аѳанасія): Wobbermin, Altchristl. liturgische Stücke aus der Kirche Aegyptens. Leipzig, 1899, въ 1-й евхаристической молитвѣ. v. 25 sq. S. 5 и р. 17 англ. перевода Bishop Serapion's Prayer—Book. Salisbury, 1899); другой примѣръ, почти на цѣлое столѣтіе позднѣйшій,—у Zahn. Athanasius. 26); не сразу отпали и сомнѣнія противъ нѣкоторыхъ соборныхъ посланій, напр., противъ 2 Петр., о которомъ Дидимъ Александрійскій писалъ: „non est ignorandum praesentem epistolam esse falsatam, quae, licet publicetur, non tamen in canone est." ibid. 22.

[54]) У Климента Алекс. и, повидимому, уже у Пантена: Евсевій. VI, 14; у Оригена (Евсевій, IV, 25) съ многозначительною оговоркою: „если какая-либо церковь принимаетъ это посланіе за Павлово, то она достойна похвалы, потому что древніе мужи не безъ основанія предали его намъ какъ Павлово. Но кто именно написалъ Посланіе,—объ этомъ, по-истинѣ, знаетъ только Богъ". Самъ Евсевій однажды называетъ Посланіе (VI, 13) въ числѣ „спорныхъ писаній", склоняясь, впрочемъ, лично къ благопріятному мнѣнію Климента Римскаго (III, 38). У болѣе позднихъ восточныхъ отцовъ сомнѣнія о каноничности Посланія къ Евр. изсчезаютъ; возраженія противъ него (аріанъ или „западныхъ"?) Амфилохій Иконійскій рѣшительно отклоняетъ (Jambi ad Seleuc., v. 57—60, перепечатаны у Zahn. Gesch. d. Canons. II, 1, 219.

[55]) Извѣстное уже Клименту Римскому, особенно часто и съ любовью на него ссылавшемуся (1 Кор. гл. 9, 10, 12, 16, 36, 46 и подтвержденіе у Евсевія, III, 38), Иринею (V, 26), Ипполиту, Тертулліану, но едва ли Кипріа-

кими превратностями была полна исторія то признанія, то отверженія каноничности Апокалипсиса Іоанна.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ наглядно выясняется, насколько неторопливо, а, главное, насколько свободно, непринужденно, безъ всякихъ искусственныхъ и неправдивыхъ пріемовъ, слагался въ христіанствѣ вселенски-церковный взглядъ на составъ и предѣлы новозавѣтнаго канона, въ полную противоположность поспѣшной и далеко не безупречной тактикѣ буддійскаго міра по отношенію къ укрѣпленію авторитета своего священнаго писанія, во что бы то ни стало.

И однако, несмотря на столь широкую свободу древне-христіанской мысли въ данномъ случаѣ,—какіе благопріятные для христіанской церкви, сравнительно съ буддійскою общиною, результаты этого процесса! Не въ силу рѣшенія и приговора какихъ бы то ни было вліятельныхъ лицъ [56]), ни какой бы то ни было авторитетной инстанціи церковной власти, хотя бы даже и самихъ соборовъ [57]), сложился новозавѣтный канонъ и, постепенно ослабляя и устраняя разномнѣнія, сталъ, наконецъ, общепризнаннымъ,—а въ силу непринужденно вырабатыв-

---

ну, оно не включено ни въ Мураторіевъ, ни въ Момзеновъ Канонъ, ни въ Кларомонтанскій Каталогъ. Въ Африкѣ оно не вошло въ канонъ еще во второй половинѣ IV в., въ отличіе отъ Италіи и другихъ западныхъ странъ, гдѣ авторитетъ его упрочился въ эту пору, благодаря Амвросію, Руфину и въ особенности Августину, а затѣмъ—рѣшеніями соборовъ Гиппонскаго (393 г.), кареагенскихъ (397 и 419 г. г.) и папы Иннокен-I (405 г.).

[56]) Напримѣръ, имп. Константина, повелѣвшаго „умножать и украшать списки боговдохновленныхъ писаній“ и поручившаго Евсевію изготовить 50 особенно изящныхъ экземпляровъ ихъ для пользованія въ храмахъ и для поощренія къ изученію Библіи, чему онъ подавалъ и самъ примѣръ. Euseb. Vita Constant. III, 1; IV, 36, IV, 17.

[57]) Первое соборное указаніе на составъ канона было дано будто бы Лаодикійскимъ соборомъ, но именно этотъ списокъ отсутствуетъ во многихъ рукописяхъ и переводахъ правилъ лаодикійскихъ, что создаетъ для многихъ изслѣдователей серьезныя сомнѣнія въ подлинности списка и предположеніе о его позднѣйшемъ и неправомочномъ включеніи въ дѣянія собора. Westcott, General Survey of the History of the Canon of the New Test. 7 ed. 1896. 441 sqq. Списокъ 3-го Кареагенскагэ собора выдается имъ не за самостоятельно или вновь вводимый, а лишь за полученный „отъ нашихъ отцовъ для церковнаго чтенія“, вслѣдствіе чего епископамъ и слѣдуетъ утвердить его. Очевидно, и здѣсь—не рѣшеніе властью собора, не предписаніе, а только закрѣпленіе преданія, ранѣе признаннаго.

шагося и все возроставшаго убѣжденія большинства церкви въ томъ, что такія-то, а не иныя, священныя книги составляютъ Священное Писаніе, боговдохновленное и изъ надежнѣйшихъ, благодатныхъ источниковъ происходящее. Не учители церкви, не іерархи, не соборы канонизировали новозавѣтныя книги, а голосъ общецерковной совѣсти, то благоговѣйное «свидѣтельство души» христіанской, которое создалось подъ впечатлѣніями благодатныхъ воздѣйствій на нее боговдохновленнаго Слова Божія при вниманіи ему въ богослужебныхъ церковныхъ собраніяхъ, при поученіи имъ въ школахъ для оглашаемыхъ, при размышленіи надъ нимъ отдѣльныхъ вѣрующихъ въ часы уединеннаго, молитвеннаго созерцанія этихъ, по слову Аѳанасія, «источниковъ спасенія, напояющихъ своими словесами жаждующихъ его», этихъ «благовѣстій ученія благочестія» [58]). Учители, отцы церкви, позднѣе—соборы только подтверждали и закрѣпляли то, что уже ранѣе канонизировало церковное сознаніе, исходившее изъ широкаго и долгаго духовнаго опыта, направляемаго древнѣйшимъ вселенскимъ преданіемъ [59]).

Правда, Церковь никогда не имѣла опредѣленнаго историческаго документа, который удостовѣрялъ бы, кто именно и когда въ точности ввелъ эти писанія въ богослужебный кругъ, то-есть, сообщилъ имъ главный, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, признакъ каноничности [60]). И, однако, не смотря на это, всегда и всюду, на запросъ о причинѣ признанія того или другого писанія, отвѣтъ церкви былъ одинъ и тотъ же: «эти писанія, и только они, были преданы для церковнаго пользованія и какъ руководство ко спасенію» [61]). Вся разница была лишь въ томъ, что въ болѣе раннюю пору (до половины IV в.) этотъ отвѣтъ звучалъ не столь полногласно, какъ въ позднѣйшую. Однако и съ самой ранней поры разномнѣнія касались не главнаго, не большей, а меньшей части состава канона. Не даромъ ученая критика, послѣ долгаго и старатель-

[58]) Аѳанасій Вел. Отрывокъ 39-го праздничнаго посланія.

[59]) Ср. Bonwetsch. Die Entstehung des N. Testaments. Gütersloh, 1910. 36.

[60]) „Что не читается въ церкви, того не читай и на единѣ“. Кириллъ Іерус. 4 огласит. слово, 36.

[61]) Такъ отвѣчали, какъ приведено выше, лаодикійскіе отцы; такъ отвѣчалъ Аѳанасій (l. c.); такъ же, раньше,—Климентъ, Ириней, Тертулліанъ, ссылаясь на „авторитетъ церквей, поддерживающій преданіе апостоловъ, ибо истина, по необходимости, должна предшествовать подлогу и происходить прямо отъ тѣхъ, кѣми она дальше передается“. Tertul. Adv. Marc. IV, 5.

наго разслѣдованія и не малыхъ споровъ, пришла нынѣ къ дружному убѣжденію, что, несмотря на частичныя расхожденія, древнецерковное сознаніе уже между 170 и 200 годомъ, въ общемъ и главномъ, явственно объединилось на признаніи новозавѣтнаго канона [62]); что его «основная форма уже сложилась» [63]); что, «въ существенномъ, онъ уже состоялъ изъ тѣхъ же книгъ, которыя признаются въ настоящее время, и что онѣ пользовались такимъ же почетомъ уже и тогда» [64]).

Въ особенности ясно это относительно четырехъ каноническихъ евангелій. Преобладаніе ихъ надъ всѣми другими, надъ тою «бахрамою», которая, по слову Климента Александрійскаго, сопровождала ихъ, слишкомъ очевидно для всякаго, знакомаго съ древне-христіанскою письменностью [64a]). Въ противоположность безчисленнымъ ссылкамъ на нихъ или заимствованіямъ изъ нихъ, слѣды пользованія евангеліями апокрифическими приходится отыскивать съ большимъ трудомъ и ничтожными результатами. Ихъ не преслѣдовали, не воспрещали, не изымали изъ обращенія, и все же—какіе ничтожные клочки сохранились отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, хотя сколько нибудь, пользовались церковнымъ значеніемъ! [65])—ясный признакъ того,

---

[62]) Этотъ выводъ Цана, Gesch. d. N. T. Canons. I, 1, 429 ff., на который, съ несвойственною ему рѣзкостью тона, сдѣлалъ нападеніе Гарнакъ (Das Neue Testament um das Jahr 200, Freiburg i. B. 1889), отпарированное Цаномъ (Einige Bemerkungen über Ad. Harnack's Prüfung der Gesch. d. N. T. Canons 1889).—можетъ считаться въ настоящее время вполнѣ упроченнымъ: см. Zahn. Grundriss der Gesch. d. N. T. Canons. 2 Aufl. Leipzig, 1904, 14 ff.; Leitpoldt. I, pass.; Jülicher. Einleitung in d. N. T. 6 Aufl. Tübingen, 1906, 45 ff.; Westcott. General Survey 344: „нѣтъ надобности нагромождать свидѣтельства о каноничности четырехъ евангелій, Дѣяній, 13 Павловыхъ посланій, 1 посланія Іоаннова и 1-го отъ Петра; никто въ настоящее время не будетъ отрицать того, что они во времена Иринея занимали въ оцѣнкѣ христіанъ то же положеніе, какъ и въ настоящее время". Сходно—въ его же Bible in the Church. London, 1905, 133. Самъ Гарнакъ въ своихъ 24 положеніяхъ, выведенныхъ изъ Мураторіева Фрагмента, призналъ въ значительной степени то, на что ранѣе нападалъ (Zeitschrift für Kirchengeschichte III, 358 ff.

[63]) Jülicher. 451. [64]) Westcott. Survey. 6.

[64a]) Превосходное по точности сопоставленіе древнѣйшихъ свидѣтельствъ о каноническихъ евангеліяхъ—въ книгѣ проф. М. Д. Муретова. Э. Ренанъ и его „Жизнь Іисуса". Спб. 1908, 345—419.

[65]) Въ Neutestamentliche Apokryphen Геннеке остатки евангелія отъ Евреевъ, обнимавшаго будто бы 2200 стиховъ, занимаютъ не много болѣе двухъ страницъ. Отъ евангелія отъ Египтянъ сохранилось всего 9 строчекъ! (S. 19—21 и 23).

что они цѣнились и оберегались въ несоизмѣримо меньшей степени, нежели каноническія. Раннее христіанство знало нѣсколько апокрифическихъ *евангелій*, но *Евангеліе Христа*, благодатно, боговдохновенно воспроизводившее слова Его Самого, эта же древность знала только одно,—то, которое она обособила отъ всѣхъ иныхъ повѣствованій о Христѣ и объединила въ Четвероевангеліи [66]). Вполнѣ основательно думать, что уже съ первой четверти II вѣка четыре каноническихъ евангелія получили прочное, преобладающее значеніе [67]). Ихъ разумѣетъ подъ словомъ «Евангеліе» уже Игнатій Богоносецъ, у котораго, кажется, впервые терминъ этотъ встрѣчается не только въ смыслѣ общаго благовѣстія о Христѣ, но и въ смыслѣ Священнаго Писанія о Немъ [68]); ихъ же подразумѣваютъ подъ тѣмъ же обозначеніемъ Ученіе двѣнадцати апостоловъ [69]), 2-е Климентово Посланіе, Іустинъ [70]) и Ермъ [71]) хотя еще безъ поимен-

[66]) „Терминъ „Евангеліе“ (какъ объединенныя евангелія) былъ, очевидно, общеупотребителенъ во времена Іустина“, замѣчаетъ Engelhardt. Das Christenthum Justins des Märtyrers. Erlangen, 1878, 336. Такъ—Ириней, III, 11, 8: „столпъ и утвержденіе Церкви есть Евангеліе и Духъ жизни“; такъ—Оригенъ, Contr. Cels. II, 76, etc.

[67]) Sandy, Inspiration. 6-th impression. London, 1903, 315.

[68]) Смирн., 7, въ отличіе отъ Филад., 9, гдѣ „Евангеліе“ понимается въ первомъ, общемъ смыслѣ. Ср. Zahn. Ignatius von Antiochien, Gotha, 1873, 430—436; нѣсколько иначе—Lightfoot. The Apostolic Fathers. P. II. vol. II, 308, 2 ed. London, 1889.

[69]) Didache. VIII, 2. XI, XV. 3 и 4—вездѣ „Евангеліе“, а не евангелія; дважды—въ смыслѣ писаннаго евангелія. Доказаннымъ можно считать пользованіе евангеліемъ отъ Матѳея и Луки и очень вѣроятнымъ—евангеліемъ отъ Іоанна. Ср. Harnack. Lehre der XII Apostel. Leipzig, 1884. 69—81 и Карашевъ. О новооткрытомъ памятникѣ „Ученіе 12 апостоловъ“. Москва, 1896, 71—77; о неосновательности догадки относительно пользованія апокрифическими евангеліями—тамъ-же.

[70]) Разгов. съ Триф., гл. 10 и 100 Сказанное выше въ примѣчаніи 40-мъ и 41-мъ.—Nichol. The Four Gospels in the Earliest Church History, 1908, 108: „можно съ увѣренностью признать, что „Воспоминанія“ (апостоловъ), о которыхъ говоритъ Іустинъ, было собраніемъ евангелій, такимъ же, какое позднѣе несомнѣнно было извѣстно Мураторіеву фрагментисту, Татіану и Иринею; что въ него включено было евангеліе отъ Іоанна—въ высшей степени вѣроятно; что оно включало въ себѣ какое либо иное евангеліе, кромѣ нашихъ четырехъ,—чрезвычайно невѣроятно“. Еще увѣреннѣе говоритъ Westcott. Survey, 168, о томъ, что въ Іустинѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ пользованія евангеліями неканоническими. Engelhardt. Das Christenthum Justins. 341—352, приходитъ къ заключенію, что Іустинъ пользовался, вѣроятно, сводомъ (гармоніей) трехъ первыхъ евангелій, признавая, однако, и четвертое (352 и 358—359).

[71]) Taylor. Witness of Hermas to the Four Gospels, обратилъ впервые вниманіе на то, что прецедентъ Иринеева аллегорическаго раз-

наго указанія на евангелистовъ. Съ Иринеемъ исчезаетъ и эта кажущаяся неясность. «Столь велика достовѣрность нашихъ евангелій», говоритъ Ліонскій пастырь, «что самые еретики воздаютъ имъ свидѣтельство и, исходя изъ нихъ, стараются подтвердить свое ученіе» [72]). «Невозможно, чтобы евангелій было числомъ болѣе или менѣе, нежели сколько ихъ есть... Суетны и невѣжественны и, кромѣ того дерзки, всѣ... привносящіе видовъ евангелія болѣе или менѣе указанныхъ; тѣ (четыре) евангелія одни—истинныя и достовѣрныя» [73]). Климентъ Алекс. ясно отличаетъ «четыре намъ преданныхъ евангелія» отъ апокрифическаго, египетскаго [74]); а у Оригена читаемъ: «многіе пытались писать евангелія, но не всѣ были признаны: у Церкви—четыре евангелія; у ересей ихъ много... но только четыре одобрены, удостовѣрены и (лишь) изъ нихъ должно извлекать догматы» [75]); «изъ преданія узналъ я о четырехъ евангеліяхъ, которыя одни только принимаются всею поднебесною церковью Божіею» [76]). «Евангельскій Завѣтъ имѣетъ своими авторами апостоловъ и спутниковъ апостольскихъ, а не кого-либо иного», поясняетъ Тертулліанъ, и энергично указываетъ на признаніе всѣми церквами «этого священнаго наслѣдія апостоловъ» и на то, что оно дошло до насъ въ полной чистотѣ и неповрежденности [77]).

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ непререкаемо выясняется фактъ огромной важности, а именно: что даже и въ эту раннюю пору первоначальный сводъ христіанскаго Священнаго Писанія, въ своей главнѣйшей части, есть только кодификація и легализація того, что уже было ранѣе признано преобладавшимъ въ Церкви преданіемъ [78]).

То же самое совершается и относительно Посланій и Дѣяній апостольскихъ. Сравнительно рѣдко до 150 года приводимыя въ ссылкахъ вполнѣ опредѣленныхъ и точныхъ [78a]), они,

сужденія о четверичности евангелія имѣется уже въ Видѣніи III, 13, 3 „Пастыря“.

[72]) Ириней. III, 11, 7. [73]) Тамъ же, 8 и 9.

[74]) Stromat. III, 13, 93. [75]) Въ схоліи къ Лукѣ I, 1.

[76]) Евсевій. Ц. И. VI, 25. [77]) Adv. Mark. IV, 5.

[78]) Jülicher, Einleitung, 467.

[78a]) До того же времени въ церковныхъ кругахъ нѣтъ достовѣрныхъ слѣдовъ пользованія и апокрифическими дѣяніями апостоловъ; если позднѣе произведенія этого рода становятся не только довольно обильными, но и очень популярными (Lipsius. Die apokryphen Apostelgeschich-

всего полувѣкомъ позднѣе, единодушно признаются за Священное Писаніе во всѣхъ церквахъ: такъ—въ Мураторіевомъ спискѣ, хотя онъ еще допускаетъ, что «число писаній апостольскихъ не достигло законченности во времени» [79]); такъ—у говорящаго намъ за Римъ и Галлію Иринея, для котораго «изреченія апостоловъ—подлинное Писаніе», авторитетъ, поставленный уже рядомъ съ самимъ «ученіемъ Господа и съ возвѣщеніями пророковъ» [80]); такъ,—въ Африкѣ, для Тертулліана, вполнѣ опредѣленно признающаго «равенство боговдохновленности апостольской съ боговдохновенностью всего Писанія» [81]); такъ,—по отношенію къ Сиріи, у Серапіона Антіохійскаго, писавшаго около 200 года: «мы пріемлемъ апостоловъ какъ Христа; но то, что несправедливо носитъ на себѣ ихъ имя, мы, какъ опытные, отвергаемъ, зная, что этого не передано намъ» [82]); такъ, наконецъ, для церкви египетской,

---

ten und Apostellegenden. Braunschweig, 1883 ff. 4 Bände. — Hennecke. Neutestamentliche Apokryphen. Tübingen, 1904, 346 ff.), впрочемъ, гораздо болѣе въ кругу мірянъ, нежели въ ученобогословской средѣ (Leitpoldt. I, 264—265), и если нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Дѣянія Павловы (Lipsius II, 1, 1—423. Hennecke. N. T. Apokr., 358 ff., гдѣ приведена и обширная библіографія предмета) и Дѣянія Павла и Θеклы (Lipsius. II, 1, 424 ff.), оказались довольно вліятельными,—все же ни одному изъ этихъ апокрифовъ не удалось, хотя бы до нѣкоторой степени, приблизиться, по общеизвѣстности и авторитету къ каноническимъ Дѣяніямъ, занявшимъ прочное положеніе въ Новомъ Завѣтѣ уже ранѣе 200 года. Наоборотъ, вліяніе легендъ объ апостолахъ на искусство было очень замѣтное: объ этомъ см. интересную работу Weiss-Liebersdorf'a. Christus und Apostelbilder. Einfluss der Apokryphen auf die ältesten Kunsttypen. Freiburg i. B. 1902.

79) Fragment. Murator., v. 79—80, разумѣя, быть можетъ, возможность открытія нѣкоторыхъ затерявшихся апостольскихъ посланій? Ср. касательно этого темнаго выраженія, Kuhn. Das Murator. Fragment. Zürich, 1892, 101—102.

80) Ирин. II, 35, 4. Прекрасное изложеніе взглядовъ Иринея на Св. Писаніе у Ziegler'a Irenäus, der Bischof von Lyon. Berlin, 1871, 94 ff. По вопросу о взаимоотношеніяхъ писанія и преданія у Иринея—Пономаревъ. Священное преданіе, какъ источникъ христіанскаго вѣдѣнія. Казань, 1908, 23 и слл. и Филевскій. Ученіе правосл. церкви о свящ. преданіи. Харьковъ, 1902, 147 и слл. Ср. Dufourcq. St. Irénée. 2 ed. Paris. 1904, 101 svv.

81) Tertul. De orat. 22. Ср. Rönsch. Das Neue Testament Tertullians aus dessen Schriften rekonstruirt. Leipzig, 1871, и краткія замѣтки у Turmel. Tertullien, 1905, 283 svv.

82) Евсевій. Ц. И. VI, 12.

съ широкимъ вліяніемъ александрійской школы на весь Востокъ,—у Климента и Оригена. Если первый подъ терминомъ «Писаніе Господне» объединяетъ «Евангеліе и Апостола», въ силу «гармоніи закона, пророковъ и благодатнаго евангелія», какъ «исходящихъ изъ одного и того же единаго Бога и Господа всемогущаго» [83]),—то это показываетъ, что евангелія и посланія въ сознаніи Церкви уже сплотились въ одно стройное цѣлое, что первыя, не только по смыслу, но и по выраженію, по слову, стали всѣ вмѣстѣ однимъ «Евангеліемъ», а всѣ посланія апостольскія—единымъ «Апостоломъ», какъ два, однородныхъ по боговдохновленности, подраздѣленія уже прочно, въ главныхъ чертахъ, сложившагося Новаго Завѣта, самое обозначеніе коего этимъ терминомъ одновременно появляется у Тертулліана [84]). Эту органическую цѣльность Священнаго Писанія, поскольку ее восприняло тогдашнее христіанское сознаніе, проникновенно выразилъ Оригенъ, когда сказалъ: «такъ какъ Духъ—одинъ и тотъ же, и исходитъ отъ одного и того же Бога, то Онъ и свершилъ то же самое и въ евангеліяхъ, и въ писаніяхъ апостольскихъ» (такъ же, какъ и въ ветхозавѣтныхъ) [85]); «Слово Божіе, искони бывшее у Бога,—не многословіе, не разнословіе! оно—единый Глаголъ, объемлющій многія истины, изъ коихъ каждая—часть Слова» [86]).

Таковы, были во истину, благодатные плоды объединяющаго духовнаго опыта Церкви [87]) относительно первоисточниковъ признаваемой ею истины—Священнаго Писанія, неразлучаемаго со Священнымъ Преданіемъ,—плоды объединенія, возраставшаго непринужденно, на почвѣ широкой свободы, которую первохристіанство цѣнило и примѣняло, но которою оно, въ церковныхъ кругахъ, не злоупотребляло.

---

[83]) Stromat. VIII, 3, 14; VI, 11, 88 и IV, 1, 2. Ср. Eickhoff. Das Neue Testament des Clements Alex. Schleswig, 1890. Dausch. Der neutestamentliche Schriftkanon u. Clemens v. Alex. Freiburg i. B. 1894. Kutter. Clemens Alex. u. d. N. Test. Giessen. 1897 и Barnard. The biblical text of Clement of. Alex. in the 4 Gospels and the Acts. Cambridge, 1899.

[84]) Adv. Praxeas, 15. [85]) Оригенъ. О началахъ, IV, 16.

[86]) Philocalia Origenis, c. 5, отрывокъ изъ 5-го (утраченнаго) тома комментарія на еванг. Іоанна.

[87]) Превосходно говоритъ тотъ же Оригенъ (О началахъ, IV, 6) объ „испытаніи каждымъ на собственномъ умѣ и чувствѣ дѣйствія божественнаго вдохновенія“ при чтеніи Свящ. Писанія, соблюдая въ то же время повелѣніе разумно изслѣдовать его (тамъ же, IV, 19).

Какой полный контрастъ во всемъ этомъ, столь важномъ процессѣ между исторіей Церкви Христовой и исторіей Самги, церковной общины Готамо-Будды! Естественность роста авторитета Новаго Завѣта, съ самаго начала столь богатаго внутреннимъ единствомъ, — вмѣсто искусственно создаваемой канонизаціи хаотическихъ частей Трипитаки! искренность и правдивость въ свободномъ признаніи подлиннаго, древнѣйшаго, при возрастающей склонности лучше сжать предѣлы священнаго свода, нежели включить въ нихъ что-либо неправильное, либо неравноцѣнное остальному [88])—вмѣсто буддійскаго закрѣпленія, путемъ оффиціальныхъ приговоровъ, разновременнаго, партійнаго, неподлиннаго, безсознательно принятаго, или подложнаго, умышленно навязаннаго, и притомъ—съ непрерывнымъ стремленіемъ все расширять канонъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ чудовищную по объему, въ безпорядочно пеструю по содержанію массу, лишенную и внѣшней, и внутренней гармоніи!.. А съ другой стороны, какой контрастъ и въ результатахъ обоихъ процессовъ! успѣшность перваго въ достиженіи цѣли: объединеніе въ понятіи, значеніи и цѣнности Священнаго Писанія въ Церкви христіанской; въ мірѣ же буддійскомъ, наоборотъ, — умноженіе раскола, сектъ и школъ на почвѣ разногласій именно относительно состава писанія! И, наконецъ,—послѣдняя противоположность: суровый и все крѣпнущій въ своихъ отрицательныхъ заключеніяхъ приговоръ ученой критической мысли надъ недостовѣрностью современной редакціи буддійскаго священнаго канона и надъ удаленностью его отъ подлинныхъ и первоначальныхъ источниковъ—съ одной стороны; а съ другой, послѣ исчерпавшихъ,

[88]) Эта тенденція какъ нельзя болѣе ясна въ отношеніи къ неканоническимъ книгамъ, начиная съ конца II вѣка (исторія Посланій Климентовыхъ, Варнавы, „Пастыря"); примѣры: возраженія противъ книги Ерма, въ силу хронологическихъ соображеній, въ Мураторіевомъ Канонѣ, въ силу нравственныхъ сомнѣній — у Тертулліана; отсутствіе апокрифовъ въ Момзеновомъ Канонѣ и у Кирилла Іерусалимскаго и его предостереженія противъ „не всѣми признаннаго, сомнительнаго" (Огласит. слово IV, 33, 35, 36; совѣтъ Постановленій Апостольскихъ, VI, 16, „обращать вниманіе не на имена апостоловъ (на подложныхъ книгахъ), а на существо дѣла и на неизвращенную мысль"; устраненіе Апокалипсиса въ послѣ-Евсевіеву пору почти изъ всѣхъ восточныхъ церквей и, наконецъ, противодѣйствіе Аѳанасія „не самовольнымъ суженіямъ, а необоснованнымъ расширеніямъ канона апокрифами" (по вѣрному замѣчанію Цана: Athanasius u. d. Bibelkanon. 15), „въ чемъ всѣ церковныя партіи того времени и всѣ видные учители были съ нимъ единомышленны".

кажется, всѣ добросовѣстные и всѣ неблаговидные пріемы, нападеній той же ученой критики, — столь явно на нашихъ глазахъ растущая, почти каждымъ новымъ открытіемъ въ области христіанской письменности и археологіи подтверждаемая увѣренность въ древности и подлинности новозавѣтныхъ писаній и въ достовѣрности и основательности свидѣтельствующаго о нихъ церковнаго преданія! [89]) *).

Владиміръ Кожевниковъ.

---

[89]) Изъ многаго, сюда относящагося, укажемъ: на переворотъ въ сужденіяхъ о времени написанія и объ авторѣ Дѣяній, закончившійся послѣднимъ признаніемъ Гарнака о правильности и точности церковнаго преданія по этому вопросу (Harnack. Die Apostelgeschichte. Leipzig, 1908, особенно 19—20 и 221); на остроумные выводы Дейсманна изъ новыхъ археологическихъ открытій, устанавливающихъ обиходно-народный характеръ языка Новаго Завѣта, о томъ, что тѣ же свойства рѣчи, будучи присущими и Четвертому евангелію и Апокалипсису, устраняютъ существовавшія до сихъ поръ филологическія предубѣжденія противъ принадлежности этихъ книгъ ко времени, къ которому ихъ относитъ церковное преданіе (Deismann. Licht vom Osten. Das Neue Testament u. d. neuentdeckten Texte der hellenistisch—römischen Welt. Tübingen, 40 и др. Ср. его же Die Urgeschichte des Christenthums im Lichte der Sprachforschung. Tübingen, 1910). Наконецъ, только что открытые іудейско-христіанскіе псалмы конца I вѣка (Ein jüdisch-christliches Psalmbuch aus dem ersten Jahrhundert. (The Odes of Solomon, now first published from the Syriac Version by Rendel Harris (1909), übersetzt. bearbeitet u. herausgegeben von Harnack. Leipzig, 1910), которые, по словамъ того же Гарнака (S. 119 указаннаго изданія), „открываютъ новую эру для объясненія евангелія отъ Іоанна", совершенно опровергая тѣ возраженія, которыя столько разъ выводились изъ несвойственности, будто бы, *идейнаго* содержанія 4-го евангелія вѣку Христа и окружавшей его, еврейской средѣ. „Мы знаемъ отнынѣ", говоритъ Г. (l. c.), „что въ позднѣйшемъ іудействѣ существовалъ кругъ мистиковъ, переживавшій тотъ же религіозный опытъ и тѣ же идеи, которыя составляютъ основу Іоаннова богословія... Въ этихъ „Одахъ" „Іоанновское" является подготовленнымъ даже до частностей; но оригинальная геніальность, съ которою Іоаннъ обработалъ, претворилъ и очистилъ совокупность всего этого, остается все же величавою, а въ важныхъ пунктахъ у него на-лицо и могучій прогрессъ". Не вдаваясь въ критическое разсмотрѣніе, на нашъ взглядъ, неосновательныхъ заключеній изъ новаго памятника относительно значительной зависимости идей Іоанна отъ этой „подготовки", существенно важнымъ,—не для обоснованія подлинной вѣры въ ученіе 4-го евангелія (ибо таковая зиждется, разумѣется, не на зыбкихъ данныхъ какихъ бы то ни было вновь открываемыхъ рукописей!), а для отрезвленія ученаго скептицизма,—является фактъ убѣдительнаго, новаго, историческаго удостовѣренія 4-го евангелія, его „религіознаго и идейнаго" содержанія (111) и признанія его извѣстности составителямъ вновь обнаруженныхъ псалмовъ, а слѣдовательно,—его наличности и усвоенія уже ранѣе сотаго года (110).

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Хитопадеша *).

Полезное Наставленіе.

Собраніе древнеиндійскихъ нравоучительныхъ разсказовъ. Переводъ съ санскрита, съ примѣчаніями.

МАНТХАРА сказалъ [230]): «ты очень много скопилъ богатства; такое дѣло—грѣхъ».

107. Раздача собраннаго богатства есть какъ бы храненіе; для водъ, стоящихъ въ глубинѣ озера,—это какъ бы проливъ [231]). *И еще—*

108. Кто стремится къ пріобрѣтенію богатства, отказывая себѣ въ счастіи, тотъ какъ бы носитель бремени ради другихъ, какъ бы сосудъ страданія [232]). *Далѣе—*

---

*) Продолженіе. См. декабрь 1910 года.

[230]) *Sch* читаетъ далѣе такое двустишіе, подъ № 146-мъ: „Богатство подобно пыли подъ ногами; юность подобна порыву горнаго потока; человѣкъ, какъ водяная капля, колеблющаяся и непостоянная; жизнь подобна пѣнѣ. Кто не совершаетъ добродѣтели постояннаго разума, открывающей врата неба, тотъ послѣ, состарившись, убивается раскаяніемъ и сожигается огнемъ скорби". *Такъ какъ* (относится къ слѣдующему двустишію). *Рус* также читаетъ у себя это прибавочное двустишіе *Sch*.

[231]) Иногда дальше слѣдуетъ такое двустишіе: „Если скряга зарываетъ богатство въ землю все глубже и глубже, то онъ идетъ стремительнымъ путемъ въ преисподнюю". См. замѣч. *Sch*. Санскритское слово для названія здѣсь *скряги* значитъ собственно: *умѣренно варящій, или пекущій WB*. Нѣчто подобное (но немного дальше) читаетъ у себя *Рус*: „Нуждающійся въ пищѣ, и зарывшій золото въ нѣдрахъ земли, снискиваетъ всѣ средства къ переходу въ страну низшую".

[232]) Къ этому сравни: *Еккл. V, 12* Есть мучительный недугъ, который видѣлъ я подъ солнцемъ: богатство, сберегаемое владѣтелемъ его во вредъ ему. *Сирах. XIV, 3—4* Не добро богатство человѣку скупому. И

109. Если мы богаты богатствомъ, котораго не раздаемъ и сами не пользуемся, то не богаты ли мы и теперь такимъ богатствомъ? [233]) *И еще*—

110. Когда скупой не пользуется богатствомъ, то оно обще у него съ другими; что оно именно его,—эта связь обнаруживается чрезъ несчастіе, при потерѣ богатства [234]). *Сказано также*—

111. Или человѣкъ оставляетъ богатство, или богатство—человѣка,—оставляетъ, браминъ, совершенно одного; потому, зачѣмъ жаждать богатства!

Даръ, соединенный съ ласковымъ словомъ, знаніе безъ гордости, геройство вмѣстѣ съ терпѣніемъ, богатство въ единеніи съ щедростію, — эта четверица съ трудомъ пріобрѣтается на землѣ [235]). *Говорится также*—

на что имѣніе человѣку недоброжелательному? Кто собираетъ, отнимая у души своей, тотъ собираетъ для другихъ, и благами его будутъ пресыщаться другіе.

[233]) Вторую половину фразы *Sch* читаетъ такъ: то мы богаты богатствомъ, зарытымъ въ глубинѣ земли.—Къ этому *Sch* прибавляетъ у себя (какъ №№ 150 и 151) слѣдующее: *№ 150* „У кого дни проходятъ безъ раздачи и наслажденія богатствомъ, тотъ какъ бы кузнечный мѣхъ—дышетъ, но не живетъ". *И далѣе—№ 151* „Зачѣмъ богатство тому, кто не раздаетъ и не пользуется имъ? зачѣмъ сила тому, кто не уничтожаетъ враговъ? зачѣмъ святое слово тому, кто не поступаетъ добродѣтельно? зачѣмъ душа тому, у кого нѣтъ господства надъ собою?" Это послѣднее двустишіе читаетъ съ небольшими отличіями *Pet*, но во 2-й части Хитопадеши (подъ № 9-мъ). См. замѣч. *Pet*.

[234]) Между *Sch* и *Pet* есть небольшая разница по тексту. Дальше *Sch* читаетъ у себя двустишіе такое: *Также*—„Богатство скупого ни богу, ни брамину, ни родственникамъ, ни себѣ; оно достается огню, вору, царямъ". Здѣсь въ обоихъ случаяхъ *скупой* называется санскритскимъ словомъ, обозначающимъ собственно человѣка, *имѣющаго въ душѣ нѣчто плаксивое, жалкое WB. Ни брамину*: слѣдовало бы точнѣе сказать: *ни пѣвцу*, или *ни поэту WB. Рус* также читаетъ это двустишіе; сравни отсюда: „но бываетъ добычею огня, воровъ и *судей*".

[235]) Какъ видно по расположенію текста, здѣсь собственно два двустишія; и *Pet* думаетъ, что номеръ перваго изъ нихъ опущенъ по ошибкѣ. Хотя онъ даетъ мѣсто этому двустишію въ своемъ текстѣ, но готовъ его опустить. См. замѣч. *Pet*. *Sch* не читаетъ у себя перваго двустишія; конецъ второго онъ также немного иначе читаетъ: „эта <счастливая> четверица съ трудомъ пріобрѣтается" (опускаетъ *на землѣ*). *Рус*, подобно *Sch*, не читаетъ перваго двустишія. Ко второму двустишію сравни: *Сирах. XXX, 8—9* Счастливъ богачъ, который оказался безукоризненнымъ и который не гонялся за золотомъ. Кто онъ? и мы прославимъ его; ибо онъ сдѣлалъ чудо въ народѣ своемъ.

112. Нужно копить постоянно, но не нужно копить чрезмѣрно; смотри: слишкомъ скопидомный шакалъ былъ лукомъ убитъ [236]).

Хираньяка спросилъ: «какимъ образомъ?» [237]) Мантхара разсказываетъ: Жилъ въ Кальянакатакѣ охотникъ, по имени Бхайрава [238]). Однажды, жадно ища добычи, онъ бродилъ по лѣсу Виндхья и пришелъ на средину его [239]). Тамъ, во время пути съ убитою имъ антилопою, онъ увидѣлъ страшнаго кабана. Положивъ антилопу на землю, онъ поразилъ кабана стрѣлою [240]). Кабанъ, смертельно раненый, издавъ страшный ревъ, также смертельно ударилъ того охотника въ нижнюю часть живота, и онъ упалъ, какъ дерево, срубленное подъ корень [241]). *Такъ какъ*—

---

[236]) Въ качествѣ вводныхъ словъ къ этому двустишію, *Sch* читаетъ: *Говорится вотъ что.* Вторую половину двустишія мы читаемъ по *Sch*: по *Pet* она въ такой формѣ: „смотри: кто былъ очень скопидоменъ, тотъ лукомъ самъ себя убилъ". Т. е., *шакалъ* не называется, хотя онъ несомнѣнно разумѣется здѣсь.

[237]) *Pet* вмѣсто *Хираньяка* читаетъ: *тотъ* или *онъ*.

[238]) *Въ Кальянакатакѣ*: собст. кальяна = *прекрасный* + катака = *веревка, ожерелье, горный отрогъ WB.* Названіе неизвѣстной мѣстности, или города, расположеннаго въ долинѣ горъ Виндхья (см. прим. слѣдующ.). *Бхайрава*: собст. *страшный WB.* Слово *жилъ* передаетъ два санскр. слова, равняющихся латинскому est habitans. Здѣсь очень ярко выступаетъ особенность Хитопадеши при обозначеніи моментовъ времени. Излюбленной формой обычно является Настоящее время, и даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ говорится о предметѣ, уже давно несуществующемъ. Называемаго здѣсь охотника въ моментъ разсказа уже не было въ живыхъ. См. замѣч. *Sch.* Сравни *Рус*: „охотникъ изъ области Каттакъ".

[239]) Такъ по *Pet*; причемъ, нужно бы сказать точнѣе: *Однажды, по жадности, мысля о злѣ и бродя, онъ.* Мантхара выражаетъ взглядъ Индовъ, что охота, какъ дѣло, связанное съ пролитіемъ крови, есть *зло.* Но охотникъ *сильно* хотѣлъ убить кого-нибудь изъ животныхъ. Это и значитъ: *по жадности.*—*Виндхья*: названіе горнаго хребта, протягивающагося по индійскому полуострову съ востока на западъ *WB.* Упоминается въ Хитопадешѣ не разъ.—*Sch* читаетъ иначе и полнѣе: Однажды, желая убить антилопу и преслѣдуя ее съ лукомъ въ рукѣ, онъ пришелъ на средину лѣса Виндхья.

[240]) Читаемъ по *Pet*, и слѣдовало бы сказать: *удержавъ* антилопу на землѣ. У *Sch* слово *положивъ* выражено другимъ глаголомъ, чѣмъ у *Pet*; у него же вмѣсто *онъ* сказано: тотъ охотникъ.

[241]) *Sch* не читаетъ: *того охотника*; и конецъ фразы выражаетъ такъ: и онъ, словно срубленное дерево, упалъ на землю.—Если точно передать санскр. слово, то охотникъ былъ пораженъ въ *мѣсто мышки*, или въ мѣсто ядеръ.

113. Вода, огонь, ядъ, оружіе, голодъ, болѣзнь, паденіе съ горы,—какая-либо причина несчастія лишаетъ жизни существо, обложенное тѣломъ [242]).

Въ это время шакалъ, по имени Диргхарава, бродя въ нѣкоторомъ мѣстѣ ради корма, увидѣлъ, какъ бы по волѣ судьбы, мертвыхъ антилопу, охотника и кабана [243]). Увидѣвъ, онъ подумалъ: «большое угощеніе досталось мнѣ!» [244]) *Конечно*—

114. Какъ неожиданно постигаютъ смертныхъ несчастія, такъ и счастіе; думается, здѣсь больше всего властвуетъ судьба [245]).

«Пусть будетъ такъ: этого мяса мнѣ достанетъ для поддержанія жизни больше, чѣмъ на одинъ мѣсяцъ [246]); потому, для утоленія перваго голода я съѣмъ невкусную тетиву, которая свѣшивается на концахъ лука» [247]). Такъ сказавъ, онъ такъ и сдѣлалъ. Потомъ, когда тетива была перегрызена, острый конецъ быстро разогнувшагося лука ударилъ Диргхараву въ

---

[242]) За этимъ у *Sch* слѣдуетъ прозаическое прибавленіе: <Потомъ, во время столкновенія между ними обоими, была задавлена также подъ ногами змѣя>. Сравни *Рус*: „Въ то же мгновеніе змѣй, изъ роду называемаго Ажагара, томимый голодомъ и находясь въ близи (sic), подползываетъ и уязвляетъ кабана; сей падаетъ на него и не возстаетъ“. Вслѣдъ за этимъ *Рус* читаетъ № 113-й, но съ отличіями.

[243]) *Диргхарава*: собст. *тотъ, крикъ котораго простирается далеко WB*. *Sch* не читаетъ: *въ нѣкоторомъ мѣстѣ* и *какъ бы по волѣ судьбы*. Наоборотъ, у *Pet* нѣтъ: *мертвыхъ*. Кромѣ того, *Sch* прибавляетъ къ числу *мертвыхъ* задавленную змѣю, о которой было замѣчено у него же раньше. Въ послѣднемъ смыслѣ читаетъ, конечно, и *Рус*.

[244]) *Sch* прибавляетъ: „<ахъ, сегодня> мнѣ“.—Сравни къ этому *Рус*: „вотъ, сказалъ онъ, славная пирушка, невзначай для меня изготовленная“.

[245]) *Sch* вмѣсто вводнаго *Конечно* читаетъ: *Что же*.—Во второй половинѣ двустишія, по чтенію *Pet*, слѣдовало бы сказать: думается, здѣсь больше всего *отсутствуетъ жалость*. Но *Pet* готовъ принять и чтеніе *Sch*, которое мы предпочитаемъ. См. замѣч. *Pet*. Еще иначе читаетъ *Рус*: „Но я думаю, что провидѣніе показываетъ здѣсь необыкновенную щедрость, продолжалъ чакалъ“. Здѣсь представляется, что двустишіе подъ № 114-мъ есть какъ бы продолженная рѣчь шакала.

[246]) *Sch* читаетъ: „достанетъ для пищи больше, чѣмъ на три мѣсяца“. И дальше слѣдуетъ такое двустишіе (подъ № 158-мъ): „На одинъ мѣсяцъ достанетъ человѣка, на два мѣсяца—антилопы и кабана, на одинъ день достанетъ змѣи; сегодня съѣмъ тетиву лука“. Подобное читается и въ *Рус*.

[247]) У *Sch* читается полнѣе: „<оставивъ вкусное мясо>, я съѣмъ“. Слово *невкусную* у него опущено.

сердце, и онъ издохъ [248]). Потому, я говорю: «Нужно копить постоянно, но не нужно копить чрезмѣрно», *и прочее*. *Чтò же*—

115. Чтò раздаетъ, чѣмъ пользуется,—только это и есть богатство богатаго; когда онъ умираетъ, жена и богатство его бываютъ игрушкою для другихъ [249]).

«Довольно! зачѣмъ чрезмѣрно описывать прошлое!» [250]) *Такъ какъ*—

116. Мужи ученаго ума не домогаются недостижимаго, о потерянномъ не скорбятъ, не малодушествуютъ при несчастіяхъ. «Такъ, другъ, нужно быть всегда энергичнымъ!» [251]) *Такъ какъ*—

117. Бываютъ глупые даже послѣ изученія наукъ; но тотъ мужъ—мудрый, который и дѣлаетъ, чтò должно; хорошо продуманный составъ травъ для больныхъ не дѣлаетъ здоровымъ только однимъ названіемъ своимъ. *И еще*—

118. Все сокровище мудрости не приноситъ даже ничтожнаго добра тому, кто боится рѣшимости; зачѣмъ сіяетъ лампа, когда она въ рукѣ слѣпого?

«Потому, другъ, когда бываетъ различіе въ обстоятельствахъ жизни, нужно быть довольнымъ. *Не должно также думать*»:

---

[248]) *Sch* читаетъ проще: лукъ, быстро разогнувшись, ударилъ.— *Издохъ*: собств. *лишился пятерицы*. Къ этому см. раньше примѣч. 165-е. Сравни *Рус*: „вышло изъ него пять стихій“.

[249]) *Жена*: точнѣе слѣдовало бы сказать: *жены*.—За этимъ двустишіемъ у *Sch* слѣдуетъ подъ № 160-мъ такое: „Чтò ты иногда раздаешь, и чтò вкушаешь изо дня въ день,—это я считаю твоимъ пріобрѣтеніемъ; остатокъ бережешь для кого-нибудь, неизвѣстнаго тебѣ“.—Сюда одною стороною подходятъ извѣстные *евангельскіе богачи*, изъ которыхъ у одного былъ хорошій урожай въ полѣ, и онъ говорилъ своей душѣ: *покойся, ѣшь, пей, веселись*,—другой просто *каждый день пиршествовалъ блистательно*. Они оба не были злыми богачами; единственное, въ чемъ ихъ можно упрекнуть въ отношеніи богатства,—это то, что они *не раздавали его*, и потому заслужили осужденіе. Къ первому изъ нихъ Господь обращается: *безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, чтò ты заготовилъ?* Лук. XII, *20*;—XVI, *19*.

[250]) *Довольно*: точнѣе нужно бы сказать: „<Теперь> довольно!“—Разумѣется пережитый Хираньякой случай обѣднѣнія. *Sch* не читаетъ: *Довольно*. Вторую фразу *Pet* читаетъ: *„зачѣмъ чрезмѣрно наблюдать прошлое!“* Это выраженіе труднѣе передать чистою русскою рѣчью.

[251]) *Sch* прибавляетъ: „<тебѣ> всегда“.—Также *другъ* выражено у него другимъ словомъ.

119. Зубы, волосы, когти, люди теряютъ уваженіе, если оставляютъ свое мѣсто; зная это, мудрый не долженъ покидать свое мѣсто. *«Это—рѣчь труса».* *Такъ какъ—*

120. Покидая свое мѣсто, уходятъ львы, храбрецы, слоны; а на одномъ и томъ же мѣстѣ погибаютъ вороны, трусы, антилопы. *Говорится также—*

121. Что называется родиною для разумнаго героя, или что чужбиною? Въ какую страну вступаетъ онъ, — покоряетъ ее силою своихъ рукъ. Въ какой лѣсъ проникаетъ левъ, вооруженный зубами, когтями и хвостомъ, тамъ утоляетъ онъ свою жажду кровью убитаго имъ слона [252]). *И далѣе—*

---

[252]) Къ читаемому сразу послѣ двустишія подъ № 118-мъ и до этого мѣста включительно нужно замѣтить слѣдующее. Такъ читаетъ во все время *Pet*, но у *Sch* это читается раньше, именно тамъ, гдѣ приводится разговоръ Лагхупатанаки, желавшаго перемѣнить мѣсто жительства, и Хираньяки, который хотѣлъ остаться на прежнемъ мѣстѣ. Сравни къ этому нашъ текстъ предъ 182-мъ примѣч. и это самое примѣчаніе. *Pet* у себя говоритъ, что *Sch* перенесъ этотъ отдѣлъ съ даннаго мѣста *произвольно. Sch* съ своей стороны объясняетъ, что онъ поступилъ *по требованію послѣдовательности рѣчи* (jubente orationis nexu), и въ своихъ замѣчаніяхъ приводитъ то, что здѣсь представляютъ изъ себя изданіе Serampore и рукописи Парижская и Петербургская. Дальше мы пользуемся своими цифровыми обозначеніями пунктовъ и раздѣлительными линіями оригинальнаго текста. *Изданіе Serampore читаетъ:* 1) „Ты не долженъ считать это чрезмѣрнымъ зломъ" (*слова Мантхары* къ Хираньякѣ; они отвѣчаютъ у *Pet*: Не должно также думать (предъ № 119) | 2) *Такъ какъ*—3) Царь, жена изъ благородной семьи, пѣвецъ, совѣтникъ и женская грудь | 4) Зубы, волосы, когти, люди теряютъ уваженіе, если оставляютъ свое мѣсто | 5) зная это, мудрый не долженъ покидать свое мѣсто. || 6) „Это—рѣчь труса". | *Такъ какъ—(слѣдуютъ двустишія подъ №№ 120 и 121, или по Sch №№ 95 и 96). Парижская рукоп.* читаетъ: Хираньяка сказалъ: „Не должно также думать". *Такъ какъ—(слѣдуетъ, какъ въ изд. Serampore).* Мантхара говорилъ: „Смотри: это—рѣчь труса". *Петербургская рукоп.* отличается отъ Парижской лишь тѣмъ, что выбрасываетъ пунктъ 3-й, который собственно не нарушаетъ здѣсь послѣдовательности мысли, но даетъ лишь рядъ предметовъ, аналогичныхъ въ разсматриваемомъ отношеніи *зубамъ, волосамъ*, и проч. *Sch* не видитъ въ этихъ чтеніяхъ истинной поэзіи Индіи, и считаетъ ихъ нагроможденіемъ изреченій, стремящихся выразить одну и ту же мысль. Но *Pet* видитъ характеръ стиля Хитопадеши, когда устанавливается „равновѣсіе" между противорѣчивыми сентенціями. Мы слѣдуемъ мнѣнію *Pet*, и думаемъ, что здѣсь не обмѣнъ мыслями между Хираньякой и Мантхарой (какъ въ Парижск. и Петерб. рукоп.), но непрерывная рѣчь одного Мантхары, который поступаетъ подобно царю Сударшанѣ въ предисловіи

122. Какъ лягушки — къ болоту, какъ къ полному водъ озеру—птицы; такъ всякое счастіе круто склоняется къ старательному человѣку. *Что же*—

123. Случающееся счастіе нужно уважать, а случающееся несчастіе нужно преодолѣвать; подобно колесу вращаются счастіе и несчастіе [253]). *И еще*—

124. Къ сильному волей, къ быстрому въ дѣлѣ, къ умѣющему поступать правильно, къ свободному отъ пороковъ, къ герою, къ благодарному и къ постоянному въ дружбѣ приходитъ сама Лакшми, чтобы жить у него [254]). *И вотъ что особенно*—

125. Герой даже безъ богатства достигаетъ почтеннаго и высокаго положенія; ничтожный же человѣкъ бываетъ презрѣннымъ, хотя бы онъ былъ окруженъ богатствомъ. Собака, съ золотымъ даже ожерельемъ, не пріобрѣтаетъ львинаго величія, которое происходитъ отъ природы и состоитъ въ совокупности царственныхъ качествъ [255]). *Что же*—

126. У тебя богатство, и потому надмеваешься; но зачѣмъ

Хитопадеши. *Рус* стоитъ отчасти на срединѣ между *Pet* и *Sch*: съ первымъ изъ нихъ онъ читаетъ здѣсь № 121 (или 96 *Sch*), со вторымъ читаетъ раньше №№ 119 и 120 (или 94 и 95 *Sch*). Но есть въ немъ, по обыкновенію, и свои особенности.

[253]) У *Sch* эти двустишія (№№ 122 и 123) взаимно мѣняются мѣстами; предъ № 122-мъ вводнымъ словомъ служитъ *Также*, а предъ № 123-мъ — только слова Мантхары (см. у насъ предъ № 119-мъ, кончая: *быть довольнымъ*). Въ текстѣ двустишій *Sch* читаетъ—въ первомъ *невольно* вмѣсто *круто*, во второмъ первую половину такъ: „Случающееся несчастіе нужно уважать такъ же, какъ и случающееся счастіе".—*Рус* читаетъ подобно *Pet*, но со своими особенностями по тексту двустишій.

[254]) Предъ № 124-мъ *Sch* читаетъ, въ качествѣ вводнаго слова, *И далѣе*. Въ текстѣ самаго двустишія у него выражено *къ свободному* другимъ словомъ, но мысль та же. *Лакшми*: см. раньше двустишіе № 22 и примѣч. къ нему. Въ *Рус* иной смыслъ двустишія: „Богиня благополучія сопутствуетъ даже и человѣку, ищущему уединенія, когда онъ твердъ, великодушенъ"—.

[255]) *Sch* вмѣсто *Герой* читаетъ: *Разумный*.—*Хотя бы онъ былъ окруженъ богатствомъ*: собств. хотя бы онъ былъ такъ *покрытъ* богатствомъ, какъ можетъ только масло покрывать тѣло, умащенное имъ. *Sch* вмѣсто этого читаетъ просто: *при всемъ своемъ богатствѣ*. *Рус* не читаетъ о *собакѣ*. Сравни къ этому двустишію: *Прит. XI, 28* Надѣющійся на богатство свое упадетъ; а праведники, какъ листъ, будутъ зеленѣть. *Прит. XXVIII, 11* Человѣкъ богатый—мудрецъ въ глазахъ своихъ, но умный бѣднякъ обличитъ его.

приходишь въ отчаяніе, при потерѣ его? Люди падаютъ и возвышаются, подобно игральному мячу въ рукѣ [256]). *Смотри*—

127. Тѣнь облака, любовь злодѣя, новые плоды поля, жены—усладительны нѣкоторое время; также юность и богатство [257]). *И еще*—

128. О средствахъ къ жизни не нужно слишкомъ стараться: они опредѣлены Творцомъ; груди матери источаютъ молоко, при рожденіи младенца [258]). *И дальше—слушай, другъ!* [259])

129. Кто создалъ лебедей бѣлыми, попугаевъ зелеными, Кто испещрилъ павлиновъ, Тотъ назначитъ средства жизни для меня [260]). *И дальше—слушай, другъ, тайну истинно добрыхъ*:

130. Богатство, во время пріобрѣтенія его, рождаетъ страданіе; при неудачахъ, причиняетъ мỳку; во время удачи, ведетъ къ заблужденію. Какъ можетъ богатство приносить счастіе? [261])

131. Совершенно не желать богатства лучше, чѣмъ желать его ради добраго дѣла; несравненно лучше не прикасаться къ грязи, чѣмъ очищаться отъ нея.

132. Какъ поѣдается мясо: птицами въ воздухѣ, кровожадными на землѣ, рыбами въ морѣ; такъ всюду—богатый.

---

[256]) Сравни *Рус*: „<Послушай меня, другъ мой! сказала черепаха>. Хотя ты нѣкогда была богата и почтена, но потеря твоего имѣнія не должна тебя крушить. Дѣла людскіе (sic) возвышаются и упадаютъ“.

[257]) *Рус* вмѣсто *любовь злодѣя* читаетъ: благоволеніе народа. *Плоды поля*: въ текстѣ обоихъ изданій читается собственно такъ, что нужно бы сказать: *новыя похвалы*. Дѣло объясняется неправильностію принятой въ текстѣ ороографіи *WB*.

[258]) *При рожденіи младенца*: собств. при паденіи человѣка внизъ изъ утробы. Сравни *Рус*: „едва рождаетъ младенца и уже“.—Библейскую параллель см. послѣ слѣдующаго двустишія.

[259]) У *Sch* просто: „другъ!“ Въ *Рус*: „другъ мой“.

[260]) *Лебедей*: собств. *гусей*. У *Sch* вмѣсто *для меня* читается: *для тебя*. Къ №№ 128 и 129-му сравни *изъ Евангелія*: *Мѳ. VI, 25, 26*. Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что̀ вамъ ѣсть и что̀ пить, ни для тѣла вашего, во что̀ одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды? Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?—Эта параллель была указана еще Бенфеемъ. См. замѣч. *Pet*. Сравни *Рус*: „Даровавшій уткамъ перье бѣлое—безъ сомнѣнія печется о ихъ пропитаніи (т. е., здѣсь нѣтъ ни *меня*, ни *тебя*).

[261]) Сравни: *Сирах. XXXI, 1* Бдительность надъ богатствомъ изнуряетъ тѣло, и забота о немъ отгоняетъ сонъ.

133. Богатый постоянно боится царя, моря, огня, вора, даже своего родственника, какъ живущій боится смерти [262]).

134. Много страданій въ жизни, но ничего нѣтъ несчастнѣе желанія, которое не исполняется и никогда не прекращается [263]). *И дальше—слушай, братъ!* [264])

135. Богатство не легко пріобрѣтается; будучи пріобрѣтено, оно съ трудомъ сохраняется; потеря пріобрѣтенія есть какъ смерть; потому, не нужно помышлять о немъ [265]).

136. Если жадность отброшена, то кто бѣденъ тогда, кто богатъ? если же данъ ей полный ходъ, то возложено на голову рабство [266]).

137. И одного, и другого желаютъ; отсюда и дальше возникаютъ желанія; но цѣль тогда лишь достигнута дѣйствительно, когда желаніе прекращается [267]).

«Зачѣмъ много говорить! Проводите бо̀льшую часть времени здѣсь, со мною и моимъ пріятелемъ» [268]). *Такъ какъ*—

---

262) Къ этому сравни у насъ примѣч. 234-е, гдѣ приводится по *Sch* двустишіе подобное, но не тожественное.

263) Въ своемъ замѣчаніи *Pet* перифразируетъ это двустишіе такъ: „Жизнь полна страданій, но въ ней есть скорбь бо̀льшая, чѣмъ то—желаніе, которое не удовлетворяется и не прекращается". *Sch* читаетъ немного иначе: „Въ жизни, богатой страданіями, что̀ несчастнѣе желанія, которое".—Въ замѣчаніи онъ это перифразируетъ: „Какая скорбь больше, чѣмъ та, что нѣтъ исполненія желаній, и что желанія никогда насъ не оставляютъ?"

264) Эти слова въ текстѣ не устойчивы.

265) Сравни: *Прит. XXIII, 4—5* Не заботься о томъ, чтобы нажить богатство; оставь такія мысли твои. Устремишь глаза твои на него, и—его уже нѣтъ; потому что оно сдѣлаетъ себѣ крылья и, какъ орелъ, улетитъ къ небу.

266) Мысль та, что существованіе богатыхъ и бѣдныхъ между людьми обусловливается жадностію человѣка, такъ что если бы ея не было, то не имѣло бы мѣста для себя и это печальное различіе. Наоборотъ, когда жадность ничѣмъ не обуздана, человѣкъ жадный становится тогда рабомъ своей страсти.—Между *Sch* и *Pet* здѣсь есть незначительная разница по тексту. Слово *тогда* прибавлено нами. *Рус* читаетъ кратко: „Что послѣдуетъ съ бѣднымъ и съ богатымъ, если желаніе богатства исчезнетъ?"

267) *Sch* читаетъ немного иначе: И того, и другого можно желать—. Совсѣмъ другую мысль выражаетъ здѣсь *Рус*: „Всѣ наши желанія оканчиваются отвращеніемъ къ желанному предмету (sic); перестать желать значитъ получить".

268) У *Sch* просто: „Проводите время"—. Сравни *Рус*: „употребимъ лучше время на полезнѣйшій разговоръ".

138. Привязанности у великодушныхъ не умираютъ, гнѣвъ ихъ проходитъ мгновенно, въ дарахъ своихъ они не своекорыстны [269]).

«Такъ думая, не нужно тебѣ предаваться скорби изъ-за потери богатства» [270]). Услышавъ это, Лагхупатанака говоритъ: «счастливъ ты, другъ! ты отличаешься добродѣтелями, по которымъ постоянно будешь поддержкою другихъ» [271]).

139. Только добрые всегда бываютъ спасителями добрыхъ отъ несчастія; слона, увязшаго въ трясинѣ, способны извлечь только слоны [272]).

140. Единственно тотъ изъ людей достоинъ хвалы на землѣ, тотъ есть самый превосходный мужъ доблести и исполнитель священнаго долга, отъ кого не уходятъ съ обманутой надеждой нуждающіеся въ помощи, или ищущіе защиты [273]).

Такъ были они счастливыми и довольными, и гуляли по

---

[269]) *Pet* читаетъ собственно: *у неневеликодушныхъ*. Такъ мы понимаемъ употребленныя имъ два отрицанія, изъ которыхъ одно стоитъ предъ глаголомъ *бываютъ* (читается въ послѣдней фразѣ, но у насъ опущено для чистоты рѣчи), а другое—предъ прилагательнымъ *великодушныхъ* (читается тамъ же, но у насъ перенесено къ началу двустишія). Такія сочетанія отрицаній въ одномъ предложеніи въ санскритѣ встрѣчаются, и они придаютъ тогда предложенію смыслъ утвердительный (см. C. Cappeller, Sanskrit—Wörterbuch. Strassbg. 1887, подъ словомъ *na*). Наоборотъ, *Sch* не читаетъ ни одного отрицанія.—Иногда послѣ этого двустишія читается такое: „Человѣкъ ограниченъ во всемъ: что̀ возвышается, то падаетъ; что̀ соединяется, то раздѣляется; что̀ живетъ, то умираетъ". См. замѣч. *Sch*. Подобное читается также въ *Рус*.

[270]) У *Sch* этихъ словъ совсѣмъ нѣтъ; также и *Рус* этого не читаетъ.

[271]) *Sch* читаетъ короче: „счастливъ ты, Мантхара; ты всегда будешь поддержкою". *Такъ какъ*—(переходъ къ слѣдующему двустишію). Слово *другихъ* прибавлено нами.

[272]) Точнѣе слѣдовало бы сказать: Только добрые постоянно бываютъ *причиною* спасенія добрыхъ отъ несчастія; для слона, *упавшаго* въ трясину, бываютъ *носителями ярма* только слоны.—У *Sch* читается: 1) *могутъ освободить добрыхъ* и 2) *слона, погрузившагося*. Дальше *Sch* читаетъ такое двустишіе: *Также*—„Кто добродѣтеленъ, тотъ радуется добродѣтельному; для недобродѣтельнаго по характеру не служитъ утѣшеніемъ добродѣтельный; пчела летитъ изъ лѣса къ цвѣтку лотоса, но не лягушка, хотя она живетъ съ нимъ въ одномъ мѣстѣ". *И далѣе*—(переходъ къ слѣдующему двустишію). Подобное читаетъ здѣсь и *Рус*.

[273]) Въ первой половинѣ двустишія *Sch* читаетъ: тотъ есть самый превосходный мужъ доблести, *тотъ счастливъ*, отъ кого—. Слѣд., по нему, въ первой половинѣ три части предложенія, во второй—только двѣ.

своему желанію [274]). Потомъ, однажды, испугавшись кого-то, прибѣжала сюда, въ ихъ общество, антилопа, по имени Читрангада [275]). Мантхара, испугавшись прибѣжавшей, вскочилъ въ воду, мышь ушла въ нору, воронъ взлетѣлъ на вершину дерева [276]). Потомъ, Лагхупатанака, издали изслѣдовавъ, увидѣлъ, что нѣтъ никакой причины для страха. Тогда, по его призыву, они всѣ опять сошлись въ одно мѣсто [277]). Мантхара сказалъ: «здравствуй, антилопа! привѣтъ тебѣ! [278]). Кушай пищу, по своему желанію, и, расположившись здѣсь, пользуйся этимъ лѣсомъ» [279]). Читрангада говоритъ: «я прибѣжала подъ вашу защиту, испугавшись охотника [280]). Ищу дружбы съ вами». Хираньяка говорилъ: «мы сразу готовы дружить съ тобою».

141. Знай, что друзей четыре вида: природный, пріобрѣ-

---

[274]) *Sch* читаетъ:—жили они въ счастіи и довольствѣ, ища себѣ пищи по своему желанію.—Сравни чтеніе *Рус*: „Такимъ образомъ сіи вѣрные друзья препровождали свое время, каждый питаясь своимъ кормомъ; и симъ средствомъ вели они жизнь блаженную“.

[275]) *Pet* не читаетъ: *однажды*. *Читрангада*: собст. *имѣющій блестящія, или пестрыя запястья* *WB*. Но *Sch* называетъ антилопу *Читранга* (см. примѣч. 110), хотя она не тожественна съ упомянутой раньше. Въ *Рус*, какъ и раньше въ подобномъ случаѣ, фигурируетъ, вмѣсто антилопы, олень, и по имени не называется.

[276]) Слѣдовало бы перевести: *Затѣмъ, видя въ прибѣжавшей причину страха*, т. е., предполагая, что за ней гонится кто-нибудь, опасный для нихъ, или она испугала ихъ просто своимъ стремительнымъ бѣгомъ. *Sch* держится, кажется, послѣдней мысли, такъ какъ онъ читаетъ: *будучи потрясены страхомъ отъ бѣгущей*. Между *Sch* и *Pet* здѣсь есть еще небольшія разности по тексту. *Рус* читаетъ: „трое друзей его хотѣли было подойти къ бѣгущему; но убоявшись, чтобъ непріятель, толь сильно его испугавшій, не гнался за нимъ, черепаха“—.

[277]) Точнѣе: *по его слову*, т. е., вóрона. Но *Sch* не читаетъ этого. Сравни *Рус*: „ободрилъ ихъ“.

[278]) По *Sch*, Мантхара говоритъ: „желаю тебѣ счастья и здоровья, антилопа!“

[279]) Переводя точно, *Sch* читаетъ: *вкушай по своему желанію воды и прочей пищи*. Сравни *Рус*: „ты щастливъ (sic) будешь естьли (sic) можешь найти здѣсь соотвѣтственную твоему положенію помощь; желательно, чтобъ сей лѣсъ никогда не принадлежалъ ни какому (sic) господину“.

[280]) *Sch* продолжаетъ эту рѣчь антилопы такъ: *Такъ какъ*—(№ 184) „Кто по жадности, или страху, отвергаетъ пришедшаго подъ защиту, зло того, какъ говорятъ мудрые, равно убійству брамина“. „Потому“—(дальше идутъ опять собственныя слова антилопы согласно съ *Pet*). *Рус* также подобное читаетъ здѣсь.

тенный по свойству, унаслѣдованный отъ предковъ и избавленный отъ несчастія.

«Потому, будь здѣсь, какъ въ своемъ домѣ». Антилопа, услышавъ это, обрадовалась; она, по своему желанію, покормилась, напилась воды и легла подъ тѣнью дерева [281]).

Мантхара говоритъ: «другъ антилопа, кого ты испугалась? развѣ ходятъ когда-нибудь охотники въ этомъ пустынномъ лѣсу?» Антилопа сказала: «Въ странѣ Калинга есть царь, по имени Рукмангада [282]). Отправившись завоевывать страны, онъ расположился лагеремъ на берегу Чандрабхаги [283]). Утромъ онъ будетъ здѣсь, вблизи озера Карпура [284]). Это я слышала отъ одного охотника. Потому, утромъ, здѣсь также оставаться опасно; обсудивъ, что̀ дѣлать, нужно начинать это дѣло» [285]). Черепаха въ страхѣ сказала: «я перейду на жительство въ другое озеро!» [286]) Воронъ и антилопа также сказали: «пусть будетъ такъ!» Хираньяка, подумавъ, говорилъ: «по прибытіи снова къ озеру, Мантхарѣ будетъ хорошо;

---

281) *Sch* у себя продолжаетъ: *Такъ какъ*—(№ 186) „Колодезная вода, тѣнь пальмы, молодая жена, черепичная хижина—могутъ согрѣвать зимою и прохлаждать лѣтомъ". Потомъ (слѣдуетъ рѣчь о Мантхарѣ, какъ у *Pet*). *Молодая жена*: собст. *черная*—, по цвѣту волосъ на головѣ. Разумѣется вообще жена въ пору цвѣтущей молодости, и ни раза еще нерожавшая *WB*. *Черепичная хижина*: собст. домъ изъ *обожженнаго кирпича*. Разумѣется преимущественно жертвенный очагъ *WB*. Сравни *Рус*:—„женщина довольно черная, каменный домъ должны быть теплы зимою и холодны лѣтомъ".

282) *Калинга*: собственное имя воинственнаго племени, обитавшаго въ нѣкоторомъ мѣстѣ на Коромандельскомъ берегу. *Рукмангада*: собст. *носящій на кисти руки золотыя украшенія*. Встрѣчается въ Махабхаратѣ, какъ собственное имя нѣкоторыхъ царей *WB*. *Рус* читаетъ: „Королевствомъ Калинга правитъ воинственный государь" (по имени не названъ).

283) *Чандрабхага*: названіе нѣкоторой рѣки, и оно значитъ собственно: *доля луны*. *Sch* прибавляетъ: лагеремъ <на лужайкѣ>. *Рус* читаетъ: „Но какъ гнѣвъ его (т. е., *царя*) теперь утихъ, то и остановился онъ на берегу одной рѣки".

284) *Карпура*: собст. *борецъ WB*. *Pet* не читаетъ: *озера*. Сравни *Рус*: „Завтра намѣренъ закидывать мережи въ бѣлой рѣкѣ".

285) *Sch* во второй половинѣ фразы читаетъ неудачно: *уходя*, такъ нужно начинать, какъ должно дѣлать.

286) *Sch* прибавляетъ: <Услышавъ это>, черепаха—. Въ концѣ фразы слѣдовало бы сказать: *въ другое водное мѣсто*. Сравни *Рус*: „Я спрячусь на дно рѣки".

но откуда будетъ помощь ему, пока онъ пойдетъ по сушѣ?» [287])
Такъ какъ—

142. Лучшая защита для рожденныхъ водою—воды, для живущихъ въ крѣпости—крѣпость, для звѣрей—своя земля, для царей—сильное войско [288]).

Но Мантхара, не обративъ вниманія на эту полезную рѣчь, какъ бы растерявшись отъ большого страха, покинулъ озеро и отправился [289]). Пошли за нимъ также Хираньяка и прочіе. Тогда нѣкій охотникъ, проходя чрезъ лѣсъ, натолкнулся на Мантхару [290]). Натолкнувшись, онъ схватилъ, поднялъ и привязалъ его къ луку, и направился къ своему дому, такъ какъ мучился голодомъ и жаждой [291]). Тогда пошли за нимъ антилопа, воронъ и мышь, будучи въ сильномъ отчаяніи. Хираньяка говоритъ [292]):

143. Я не достигъ еще конца одного несчастія, какъ бы другого берега моря, и предо мною готово уже второе; бѣдствія умножаются, когда открыта дверь [293]).

---

[287]) Конецъ фразы такъ читается у *Sch.* Но *Pet* читаетъ: *какое есть средство* для него, идущаго по сушѣ.—*Къ озеру:* точнѣе *къ водному мѣсту.*

[288]) *Для звѣрей:* собст. *для пользующихся своими ногами, какъ рабами WB*, такъ что здѣсь можно разумѣть извѣстнаго рода людей. Не даромъ *Рус* читаетъ: „сила"—„воиновъ въ собственной ихъ землѣ". *Своя земля:* къ этому см. замѣч. *Pet. Войско* выражено у *Sch* и *Pet* разными словами. Дальше въ Хитопадешѣ слѣдуетъ апологъ о томъ, какъ былъ обманутъ купеческій сынъ царевичемъ, въ отношеніи жены перваго изъ нихъ; сюда, какъ часть, входитъ апологъ о слонѣ, обманутомъ шакаломъ. По *Pet,* здѣсь всего 10 двустишій. Содержаніе апологовъ собственно невиннаго характера, но для „Христ. Чтенія" они все-таки неудобны, и мы опускаемъ ихъ.

[289]) *Растерявшись:* у *Sch* и *Pet* выражено это разными глаголами, значащими въ общемъ то же самое.

[290]) У *Sch* читается здѣсь лишнее: на Мантхару, <идущаго по сушѣ>. *Лѣсъ* выражено у *Sch* и *Pet* разными словами.

[291]) Конецъ фразы нужно бы передать точнѣе такъ: такъ какъ, вслѣдствіе блужданія (по лѣсу), онъ былъ полонъ мýки отъ голода и жажды. Но *Sch* читаетъ только: *полный зноя,* т. е., мучимый жарою. *Рус* объ этомъ состояніи охотника умалчиваетъ. *Направился* выражено у *Sch* и *Pet* разными словами.

[292]) Изъ двухъ послѣднихъ фразъ въ первой есть между *Sch* и *Pet* незначительныя разности по тексту; во второй слѣдовало бы, по *Sch,* вмѣсто *говоритъ* сказать: *со скорбію говоритъ.* Сравни *Рус:* „Послѣдняя не могла удержаться, чтобы не произнести сихъ жалобъ" (разум. мышь).

[293]) Точнѣе слѣдовало бы сказать: бѣдствія умножаются, *когда сдѣлана дыра.* Сравни *Рус:* „Выходя изъ моря нещастій (sic), погружаюсь

144. Вѣрнаго друга намъ рождаетъ именно судьба; даже при несчастіяхъ онъ не лишаетъ насъ своего естественнаго дружества [294]).

145. Ни матери, ни женѣ, ни родному брату, ни самому себѣ нѣтъ такого довѣрія у людей, какъ вѣрному другу [295]).

Немного подумавъ, онъ сказалъ: «ахъ, злая моя судьба!» [296])

146. Счастіе и несчастіе, безъ промежутка смѣняющіяся другъ другомъ, суть продолженія нашихъ собственныхъ дѣлъ; что̀ я видѣлъ здѣсь,—это какъ бы рожденіе различныхъ положеній жизни въ потустороннемъ мірѣ [297]). *Такимъ образомъ*— [298])

теперь въ другое. Какія навлекла я на себя бѣдствія собственною погрѣшностію?"

[294]) Слѣдовало бы перевести: *Природнаго* друга—своего *неискусственнаго* дружества. *Sch* вмѣсто *именно* читаетъ: *какъ бы.* Слова *намъ* и *насъ* прибавлены нами.

[295]) *Ни женѣ*: точнѣе *ни женамъ. Sch* вмѣсто *ни самому себѣ* читаетъ: *ни сыну своему* (собст. ни самопроизводящему). *Рус* читаетъ также: „и на своихъ дѣтей".

[296]) Слова *онъ сказалъ* прибавлены нами.

[297]) *Рус* не читаетъ этого двустишія. *Продолженіе нашихъ собственныхъ дѣлъ*: *svakarmasantana.* Здѣсь и во всемъ двустишіи выражается индійское ученіе о такъ называемомъ *карма.* Оно образовалось прежде всего въ браманизмѣ, потомъ было усвоено и развито буддизмомъ. Браманизмъ учитъ, что всякій индивидуумъ въ своихъ *послѣдующихъ существованіяхъ* несетъ награду, или наказаніе за свои *дѣла* хорошія, или худыя; и при этомъ, каждый отвѣчаетъ только за себя, но не за другого. По ученію Будды, карма есть „могучій міровой механизмъ, предписывающій дорогу душѣ въ ея странствованіяхъ отъ существованія къ существованію". На вопросъ, почему вступающему въ жизнь дается именно *это* тѣло среди другихъ мыслимыхъ, Будда отвѣчалъ: „Это, ученики, не ваше тѣло и не тѣло другихъ: здѣсь должно видѣть дѣло прошлаго, воплощенное при посредствѣ формы, осуществленное, ставшее ощутимымъ при посредствѣ воли". То есть, буддизмъ учитъ, что карма наслѣдуетъ индивидуальность, которая не то же, что̀ лицо (persona) прежнихъ дѣйствій. Со временемъ ученіе о карма подверглось еще инымъ измѣненіямъ. Одно изъ нихъ, между прочимъ, то, что карма стали разсматривать, какъ возмездіе за дѣла прежняго бытія *въ извѣстномъ возрастѣ* (дѣтскомъ, юношескомъ, или мужескомъ), а не безъ этого ограниченія, какъ понимали раньше.

Примѣнительно къ ученію о карма, нужно понимать и двустишіе. Въ его первой половинѣ Хираньяка говоритъ вообще, что переживаемыя въ этомъ видимомъ мірѣ счастіе и несчастіе суть возмездіе за наши дѣла, совершенныя раньше въ потустороннемъ мірѣ. Что̀ посѣялъ человѣкъ *тамъ*, то пожинаетъ онъ *здѣсь.* Во второй половинѣ двусти-

[298]) Вмѣсто этого *Pet* читаетъ: *Потомъ такъ* (т. е., онъ сказалъ); у *Sch* здѣсь просто: *Или потомъ.*

147. Тѣло—постоянно близъ своего уничтоженія; счастіе есть мѣсто для несчастій; объединеніе есть вмѣстѣ и раздѣленіе. Все происходящее скоротечно [299]).

Опять подумавъ, онъ сказалъ [300]):

148. Кто создалъ защиту отъ скорби, боли, страха, сосудъ любви и довѣрія,—это сокровище, называемое односложнымъ словомъ *другъ*? [301]) *Чтò же*—

149. Трудно пріобрѣсть друга, элексиръ любви, радость для глазъ, сосудъ здраваго ума,—друга, который раздѣляетъ счастіе и несчастіе. Есть рой другихъ друзей, которые, изъ желанія богатства, собираются при успѣхѣ,—такіе всюду сопутствуютъ намъ; но несчастіе есть бòльшею частію пробный камень для истинной природы такихъ [302]).

Такъ, много посѣтовавъ, Хираньяка сказалъ Читрангадѣ и Лагхупатанакѣ: «пока охотникъ не вышелъ еще изъ лѣса, до тѣхъ поръ нужно постараться освободить Мантхару». Они оба сказали: «говори скорѣе, что нужно дѣлать!» Хираньяка

шія Хираньяка разумѣетъ *выдающіеся* случаи въ жизни человѣка, именно, особенныя счастіе и несчастіе, и говоритъ, что они какъ бы рождаются раньше въ потустороннемъ мірѣ. Ближе всего онъ могъ разумѣть здѣсь несчастный случай съ Мантхарой. Сравни къ этому двустишіе 13-е. *Ольденбергъ Г.* Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ А. Ачкасова. Москва 1905. Стр. 66. 307. *Hopkins E.* Modifications of the karma doctrine (Indgm. Forschungen, XXIV, 197 Anzeiger). Читай буддійскую сказку *Карма* въ т. XIV Сочиненій *Л. Н. Толстого* (Москва 1897), стр. 305—319.

[299]) Это двустишіе въ точности опять читается въ 4-й части Хитопадеши, у *Pet* подъ № 69-мъ. См. примѣч. у него же. Въ виду этой повторяемости, мы тамъ не приводимъ его. Подобное же, но не тожественное, читаетъ еще въ своихъ замѣчаніяхъ *Sch.* См. наше прим. 269-е.

[300]) *Pet* вмѣсто этого читаетъ одно восклицаніе Хираньяки: „Ахъ, ахъ!" Сравни *Рус*: „Подумавши нѣсколько, вскричала она опять".

[301]) По-санскритски *другъ=mitra*—двусложное слово; такъ оно называется и въ двустишіи. Но наше *другъ* односложно; соотвѣтственно этому у насъ измѣнено выраженіе двустишія. *Sch* читаетъ здѣсь немного иначе: защиту отъ скорби, *досады*. Сравни *Рус*: „Кто могъ образовать драгоцѣннѣйшее изъ словъ, имя друга, изгоняющаго страхъ, предтечу печали, и участвующаго во всѣхъ нашихъ удовольствіяхъ?"

[302]) *Бòльшею частію*: *Sch* вмѣсто этого читаетъ второе слово для выраженія понятія о пробномъ камнѣ. Первымъ словомъ обозначается пробный камень, какъ *скоблящій* сомнительный предметъ; вторымъ словомъ называется собственно камень, которымъ *выжимается сокъ* изъ растеній *WB*. *Рус* читаетъ конецъ двустишія такъ: „несчастіе есть оселокъ, на коемъ они познаются" (т. е., ложные друзья).

говоритъ [303]): «Читрангада, подойдя къ водѣ, пусть представится мертвою, а воронъ пусть немного царапаетъ ее клювомъ сверху. Охотникъ, конечно, будучи жаденъ къ мясу антилопы, быстро пойдетъ къ ней и оставитъ черепаху; тогда я разорву узы Мантхары» [304]). Читрангада и Лагхупатанака быстро такъ сдѣлали [305]). Охотникъ, утомившись и напившись воды, сѣлъ, и замѣтилъ въ такомъ положеніи антилопу [306]). Тогда, съ удовольствіемъ взявъ ножъ, онъ радостно пошелъ къ антилопѣ. Въ это время Хираньяка разорвалъ узы, и черепаха быстро ушла въ воду [307]). Антилопа же, когда увидѣла, что охотникъ подошелъ, вскочила и убѣжала. Охотникъ, воротившись, пришелъ назадъ и, не видя черепахи, думалъ: «такъ и слѣдуетъ! я поступилъ здѣсь неосмотрительно» [308]). *Такъ какъ—*

150. Кто, покидая несомнѣнное, предпочитаетъ сомнительное, тотъ теряетъ несомнѣнное; и сомнительное, конечно, также потеряно для него.

Такъ, въ силу своего поступка, обманувшись въ надеждѣ, онъ направился домой [309]). Мантхара же и всѣ прочіе, освободившись отъ несчастія, пошли въ свое обиталище и пребывали тамъ въ счастіи.

Выслушавъ это, царевичи съ радостію сказали: «если всѣ они пребывали въ полномъ счастіи, то наше желаніе удов-

---

[303]) Въ этихъ трехъ послѣднихъ фразахъ есть незначительныя отличія у *Sch* по тексту. Противъ этихъ фразъ *Рус* читаетъ у себя: „Постараемся освободить нашего друга прежде, нежели охотникъ выберется изъ лѣсу и подумаемъ, что дѣлать".

[304]) Въ предпослѣдней фразѣ *Sch* читаетъ: оставитъ <здѣсь>.— Тамъ же расположеніе словъ у него нѣсколько иное, чѣмъ у *Pet.*

[305]) *Sch* читаетъ: <Потомъ> Читранга—, быстро пойдя, приняли такое положеніе.

[306]) У *Sch*: сѣлъ <подъ дерево>. *Рус*: „сѣлъ <подъ тѣнь>".

[307]) *Sch* читаетъ: <подойдя>, разорвалъ. *Въ воду*: собст. *въ водное мѣсто.*

[308]) *Sch* читаетъ: Охотникъ, воротившись, *подходитъ къ дереву*, и, не видя—. Сравни *Рус*: „воротившись старымъ слѣдомъ и ненашедъ (sic) подъ деревомъ черепахи: „Дорого заплатилъ я, сказалъ охотникъ, за свою неосторожность".

[309]) Такъ читаетъ *Sch*; у *Pet* нѣтъ слова *своего*. *Рус* опускаетъ всю эту фразу. *Sch* дальше читаетъ такое двустишіе (подъ № 207-мъ): „Друзей нужно пріобрѣтать и слабыхъ, и сильныхъ; смотри: черепашьяго царя освободила отъ узъ мышь".

летворено» [310]). Вишнушарманъ сказалъ: «если то, чего Вы хотите, удовлетворено, то пусть будетъ также и другое, вотъ это» [311]):

151. Пріобрѣтайте себѣ благородныхъ друзей! Среди народовъ пусть пребываетъ Лакшми! Пусть господствуютъ надъ странами цари, которые непрестанно исполняютъ свой долгъ! Пусть будетъ поведеніе добродѣтельныхъ утѣшительно сердцу, какъ молодая супруга! Да подастъ счастіе человѣку тотъ святой, на челѣ котораго лунный серпъ! [312])

Въ славянскомъ *Стефанитъ и Ихнилатъ* (см. объ этомъ въ нашемъ предисловіи къ переводу) также есть отдѣлъ, отвѣчающій первой части Хитопадеши. Такъ какъ онъ представляетъ изъ себя не переводъ, а скорѣе передѣлку, нечуждую даже библейскихъ текстовъ, то не могъ, конечно, служить для насъ такимъ спутникомъ, какимъ былъ до сихъ поръ *Русскій переводъ 1803 года.* Однако, здѣсь умѣстно показать, что̀ въ немъ есть, примѣнительно къ прозаическимъ и стихотворнымъ частямъ Хитопадеши.

Въ спискѣ кн. Вяземскаго, наиболѣе позднемъ и наименѣе исправномъ по тексту, хотя изданномъ раньше другихъ, сюда относятся главы 19 и 20-я. Первая изъ нихъ озаглав-

---

[310]) *Sch* читаетъ обѣ фразы иначе: Потомъ, царевичи съ радостію сказали: „Мы съ удовольствіемъ все выслушали; наше желаніе удовлетворено".—Такимъ образомъ, здѣсь желаніе царевичей, въ отношеніи антилопы, во̀рона, черепахи и мыши, ограничивается *настоящимъ* моментомъ ихъ исторіи, и на будущее не простирается. Между тѣмъ въ читаемомъ *Pet* выражается желаніе царевичей знать также, были ли эти животныя, которымъ они такъ сердечно сочувствуютъ, счастливы и въ *дальнѣйшей* своей жизни. См. слѣдующее примѣч.

[311]) Слова Вишнушармана можно перифразировать такъ: „Вы, царевичи, хотите знать, были ли эти животныя счастливы и дальше? Да, они были счастливы и дальше. Слѣдов., Ваше желаніе теперь *вполнѣ* удовлетворено. Пусть же осуществится и мое желаніе вотъ такое". И дальше, въ формѣ двустишія приводится самое его желаніе. См. къ этому примѣч. 310-е.

[312]) *Sch* читаетъ нѣсколько иначе: 1) *Среди народа*; 2) какъ бы *ваша* молодая супруга.—Въ послѣднемъ пожеланіи слѣдовало бы точнѣе сказать: тотъ святой, *на темѣ котораго половина луны.* Сравни *Рус*: „О естли (sic) бы, благородные Князья, могли вы въ семъ мірѣ найти себѣ друзей! Да сопутствуетъ вамъ повсюду богиня благополучія! Государи, вѣрные исполнители своихъ обязанностей, покровительствуютъ живущимъ на землѣ". О Лакшми см. раньше прим. 23-е. У *Sch*, вслѣдъ за пожеланіями, читается: Здѣсь конецъ въ Хитопадешѣ первому собранію басенъ, подъ именемъ Пріобрѣтеніе друзей.

ливается: **Прича сїѧ гл҃е, ѡ гакѡанѣ и ѡ мыши и ѡ сернѣ. и ѡ желкѣ, ѡ любовныхъ дрꙋзѣхъ сїѧ прича глетъ;** вторая озаглавливается: **Прича глетъ, ѡ мышѣ и ѡ гакранѣ.** Изъ трехъ авторитетныхъ списковъ, изданныхъ послѣ, интересующее насъ читается только въ Севастьяновскомъ и Синодальномъ, и въ обоихъ подъ III-мъ дѣленіемъ. Въ первомъ читается заглавіе: **По ѹбити ихнила. при҃, їаже ѿ гакране и ѿ миши и ѿ лисиц҃и и желце;** во второмъ—заглавіе: **При҃ трейа по оубьнии ихнилатовѣ кнпрс҃. црк҃ъ.** Во всѣхъ трехъ названныхъ спискахъ этотъ отдѣлъ, дѣйствительно, представляетъ изъ себя *одну сплошную притчу*, неимѣющую никакихъ вводныхъ притчъ, какъ мы видѣли это въ Хитопадешѣ. Цѣлямъ повѣствованія подчинены также сентенціи, которыя не имѣютъ здѣсь такого полусамостоятельнаго значенія, какъ въ Хитопадешѣ. Въ краткомъ введеніи представляется, что тотъ же безыменный индійскій царь проситъ того же безыменнаго философа, которые выведены въ началѣ произведенія,—разсказать притчу о друзьяхъ, которые постоянны въ своей взаимной любви (*Севаст.*), или о неизмѣнности вѣрнаго друга *(Синод.)*. Дальше мы пользуемся *Синодальнымъ* спискомъ, какъ наиболѣе исправнымъ по тексту. Впрочемъ, другіе два списка существенныхъ разностей отъ нижеслѣдующаго не представляютъ.

Прозаическихъ частей здѣсь больше всего, и главными пунктами ихъ служатъ: 1) Дѣйствіе начинается *въ городѣ*, на мѣстѣ удобномъ для лова, близъ высокаго дуба, на которомъ воронъ сидитъ *въ своемъ гнѣздѣ*. 2) Сюда подходитъ ловецъ, съ сѣтью на плечѣ и *съ палкою* въ рукѣ. 3) *Старшій голубь*, прельстившись *пшеницей*, запутывается въ сѣтяхъ, вмѣстѣ съ прочими голубями. 4) По совѣту того же голубя, они летятъ по *горнымъ* мѣстамъ, и прямо къ мыши, *тамъ* живущей; воронъ изъ любопытства слѣдуетъ за голубями. 5) Въ отвѣтъ на просьбу ворона о взаимной дружбѣ, мышь выходитъ изъ гнѣзда сначала *не совсѣмъ*, и лишь послѣ новаго убѣжденія,—*совсѣмъ*. 6) Воронъ, какъ бы заботясь больше всего *о безопасности мыши*, переселяется къ черепахѣ, жившей *у источника*, и самъ переноситъ мышь *по воздуху* (за хвостъ); мышь *ненавидитъ* покидаемое мѣсто, и обѣщаетъ разсказать причину своей ненависти, по прибытіи на новое мѣсто. 7) Она сразу исполняетъ свое обѣщаніе, и разсказываетъ о своей жизни въ келіи монаха, гдѣ, при ея помощи, расхищали монашескую пищу также *другія мыши*. 8) Монахъ старался *найти* ея гнѣздо, но не могъ отыскать. 9) Къ этому монаху пришелъ *странникъ*-монахъ; были еще *другіе*, которые вмѣстѣ съ хозяиномъ *хлопали своими ладонями*, чтобы отогнать мышей. 10) Хозяинъ и странникъ нашли гнѣздо, и оттуда взяли *тысячу золотыхъ*, на которыхъ мышь

спала. 11) Другія мыши стали *обижать* эту мышь, какъ обезсилѣвшую и потерявшую богатство. 12) Она дважды подходила къ изголовью монаха-хозяина, чтобы *унести оттуда* доставшуюся ему *часть золота*, и онъ дважды *билъ ее* по головѣ вѣткою. 13) Мышь возненавидѣла золото, и стала отшельникомъ. 14) Когда прибѣжала къ нимъ серна, воронъ развѣдывалъ о причинѣ испуга серны *съ высоты воздуха*. 15) Друзья бесѣдовали *у дуба*. 16) Однажды серна не пришла къ дубу, и друзья поняли, что она *въ сѣтяхъ*; воронъ *съ высоты воздуха* замѣтилъ ее въ такомъ именно положеніи. 17) Мышь, по внушенію черепахи, прибѣжала сюда *раньше другихъ*, чтобы освободить серну; воронъ и черепаха пришли сюда вмѣстѣ. 18) *Серна опасается* за черепаху, въ случаѣ прихода охотника, который не замедляетъ придти. 19) *Воронъ сѣтуетъ* по поводу этого несчастія, но *серна предлагаетъ* придумать хитрость для освобожденія черепахи. 20) Мышь велитъ сернѣ не сразу убѣгать отъ охотника, но, заманивая, *отдалять его*, чтобы тѣмъ *выиграть время*. 21) Охотникъ идетъ къ сернѣ съ пустыми руками.

Частей, отвѣчающихъ стихотворнымъ частямъ Хитопадеши, здѣсь сравнительно немного; онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) По словамъ старшаго голубя, его несчастію не нужно удивляться, такъ какъ бóльшіе, чѣмъ онъ, подвергаются худшему. Солнце потемняется луною, луна—земною тѣнью; ловятъ рыбъ морскихъ и птицъ небесныхъ єгда когдѣ и повелѣно (срав. у насъ №№ 38—40). 2) Тотъ же голубь говоритъ, что Богъ далъ ему власть надъ голубями, и ему нужно заботиться о нихъ, такъ какъ они отвѣчаютъ ему тѣмъ же (срав. №№ 33—34). 3) Мышь отказываетъ сначала въ дружбѣ ворону, ссылаясь на то, что мудрый долженъ искать сильнаго и пренебрегать слабымъ; въ противномъ случаѣ значитъ ѣздить на колесахъ по водѣ и на кораблѣ по сушѣ (срав. № 67). 4) Воронъ отвѣчаетъ, что добродѣтель мудраго мужа подобна благоуханію, и привлекательна сама по себѣ (см. во 2-й част. прим. 106-е). 5) Мышь указываетъ на вражду между слономъ и львомъ, мышью и кошкою, между огнемъ и водой, даже горячей (срав. № 66). 6) Воронъ сравниваетъ истинную любовь съ золотымъ сосудомъ, а неистинную—съ глинянымъ (срав. № 68). 7) Когда мышь вышла изъ гнѣзда не совсѣмъ, тогда она указывала два основанія любви: заповѣдь и тѣлесную потребность; въ послѣднемъ смыслѣ любитъ птицъ ловецъ, обманывая ихъ своею приманкою. 8) Съ своей стороны воронъ называлъ признакомъ истинной любви—любити любовныя и враждовати враги; говорилъ, что дружина его будетъ такъ же къ ней относиться, какъ и онъ. 9) Изъ обиднаго отношенія другихъ мышей эта мышь заключила, что друзья и сродники привлекаются золотомъ; что нищаго называютъ глупымъ, если онъ

храбръ,—немощнымъ, если онъ кротокъ,—блудникомъ, если онъ бесѣдуетъ,—безумнымъ, если онъ молчитъ (срав. во 2-й части прим. 35-е). 10) Послѣ вторичнаго удара мышь думала, что лакомая совѣсть есть причина зла, что такой никуда не можетъ убѣжать отъ золота, и что нѣтъ ничего лучше внутренняго довольства (срав. №№ 98, 99). 11) Живя пустынникомъ, мышь заключила, что въ мірѣ нѣтъ бо́льшей красоты, какъ бесѣда съ другомъ, что не нужно искать больше, чѣмъ хлѣбъ и вода, и что владѣющій даже всѣмъ міромъ не можетъ сравниться съ однимъ изъ такихъ меньшихъ (срав. № 105). 12) Черепаха, отвлекая отъ воспоминаній о прошломъ, говоритъ мыши, что слова украшаются дѣлами; что больного облегчаетъ лекарство, а не разумъ; что можно заслужить уваженіе безъ богатства; что левъ страшенъ и въ сонномъ состояніи, такъ безчестенъ и безумный богачъ; что въ этой жизни все тлѣнно; и что мудрые не скорбятъ объ умаленіи богатства (срав. №№ 116, 117, 127). 13) Воронъ, восхищенный словами черепахи, высказываетъ, что ничего нѣтъ лучше взаимной помощи и сорадованія между друзьями; мудрому помогаетъ мудрый, какъ слону—слонъ (срав. прим. 83-е и № 139). 14) Серна, будучи въ сѣтяхъ, говоритъ мыши, что нѣтъ мудрости противъ судьбы (Егда рённое хощё исполнити). 15) На слова серны объ опасности для черепахи послѣдняя говорила, что для нея пріятнѣе умереть, чѣмъ лишиться друзей (срав. № 32). 16) Воронъ, сѣтуя о черепахѣ, говорилъ, что ему постоянно сопутствуетъ скорбь: раньше онъ лишился отечества, родственниковъ и богатства, а теперь любимаго друга (срав. № 143). 17) Серна возражала ворону, что хотя бы и разумны были его такія слова, но они теперь безполезны; что храбрый узнается во время сраженія, а вѣрный другъ—при несчастіи (срав. № 55) *).

Профессоръ Протоіерей **М. Орловъ.**

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Споры въ расколѣ во второй четверти XVIII вѣка *).

III.

О таинствахъ.

Полемика по вопросу о таинствахъ, достаточно обрисовавшаяся въ первой четверти XVIII вѣка, продолжалась въ расколѣ и теперь.

Въ частности, вопросъ о крещеніи затрогивался постолько, посколько крещеніе примѣнялось въ качествѣ чинопріема отъ «никоніанства». Поповцы при пріемѣ «никоніанъ» въ ихъ «согласіе» допускали такъ называемое «довершеніе» крещенія, совершеннаго въ церкви православной. Еще протопопъ Аввакумъ далъ нястavленіе объ этомъ «довершеніи»: если младенецъ,—говорилъ Аввакумъ,—крещенъ попомъ—стараго или новаго поставленія—по новому Требнику, то крещеніе не слѣдуетъ повторять, а слѣдуетъ лишь «довершить»: не дѣлая «отрицаній» и «не погружая», необходимо прочитать молитвы по старому Требнику, помазать младенца масломъ и мvромъ, да около купели обойти «по преданію». Такъ, дѣйствитеньно, и дѣлали поповцы послѣдующаго времени. Все, чѣмъ дополнено было это наставленіе Аввакума, заключалось лишь въ умываніи принимаемаго изъ горшка съ водою, стоящаго здѣсь. Вотъ безпоповцы теперь и спрашивали поповцевъ: такъ ли, дѣйствительно, нужно поступать? по какому правилу поповцы требуютъ умываться водою изъ стоящаго здѣсь горшка? Въ вопросахъ безпоповцевъ, писанныхъ противъ поповцевъ, вѣроятно, во второй чет-

*) Продолженіе. См. январь.

верти XVIII вѣка, данное возраженіе было формулировано безпоповцами такъ: «вы, егда пріемлете въ свое согласіе, то на что горшецъ съ водою, или сосудъ нѣкій поставляете, и свѣщи прилепляете, и вокругъ посолонь обходите, и молитвы всѣ на освященіе водѣ читаете, и рукою благословляете, а въ водѣ оной не погружаете, только умытися тою водою повелѣваете: и сіе творите по коему Писанію? и гдѣ оный чинъ написанъ? и отъ которыхъ еретиковъ симъ чиномъ пріимаху древле»? [36]) Такого чинопріема, употреблявшагося «древле», поповцы указать, конечно, не могли; поэтому безпоповцы вполнѣ справедливо считали себя въ данномъ пунктѣ полными побѣдителями.

Но, въ свою очередь, безпоповцы не могли доказать правильность своего чинопріема отъ «никоніанства»,—чрезъ перекрещиваніе. Григорій Яковлевъ, бывшій безпоповецъ изъ Поморья, называетъ сочиненіе о перекрещиваніи, въ которомъ доказывалась правильность такого чинопріема,—сочиненіе подъ заглавіемъ «Изъявленіе», писаное извѣстнымъ Выговскимъ настоятелемъ Семеномъ Денисовымъ [37]). Намъ извѣстно безпоповщинское сочиненіе подъ заглавіемъ: «Изъявленіе, чего ради сомняемся о новодѣйствуемомъ нынѣ въ Россіи крещеніи, и для чего крещенія, по новопечатнымъ книгамъ совершаемаго, не пріемлемъ». Полагаемъ, что это именно и есть то сочиненіе Семена Денисова, которое называетъ Григорій Яковлевъ. Надо думать, что оно было вызвано тѣми возраженіями, которыя сыпались со стороны поповщины противъ безпоповцевъ. Именно, авторъ сличаетъ новопечатный чинъ крещенія съ старопечатнымъ и находитъ въ немъ, противъ послѣдняго, «отмѣны», «приложенія» и «отложенія» въ «словесѣхъ и дѣйствахъ», «множайшія несогласія къ древлецерковному, святороссійскому тайнодѣйствію», «многочисленная несходства святымъ древлегреческимъ учителемъ»,—и заключаетъ, «яко о новотворимомъ крещеніи сомнѣніе и опасеніе праведно и нужно имѣемъ». Все это излагается здѣсь въ 27-ми пунктахъ [38]). Очевидно, возраженія поповцевъ противъ безпоповщинскаго перекрещиванія сильно дѣйствовали на безпоповцевъ, если послѣдніе нашли нужнымъ оправдывать свою

[36]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 345, лл. 163—217.

[37]) Извѣщ. правед. о раск. безпоповц., стр. 42.

[38]) Рукоп. Кіев. акад. № Аа. 114, лл. 97 об.—112 обор.

практику особымъ и подробнымъ сочиненіемъ. Но поповцы справедливо считали это сочиненіе недостаточнымъ для оправданія безпоповщинской практики.

Въ «исповѣданія» 1731 года поповцы по данному вопросу высказались такъ: «отъ еретиковъ обращающихся въ православную христіанскую вѣру, кромѣ іерейскаго чина, никтоже примирити можетъ, сирѣчь: простолюдинъ не можетъ крестити» [39]). Дѣйствительно, лицо неосвященное не можетъ совершить крещеніе надъ человѣкомъ уже крещеннымъ, хотя бы и еретическимъ крещеніемъ. Поэтому пунктъ «исповѣданія» безпоповцевъ, гласящій, что «отъ еретикъ обращающихся къ православной христіанской вѣрѣ, яко эллины пріемлемъ, и извѣствуемъ, яко и древле простыми человѣки въ таинствѣ святого крещенія Духъ Святый дѣйствовалъ, и церковь Божія пріемлетъ» [40]),—отзывался полнымъ произволомъ и ничѣмъ оправданъ быть не могъ.

Особенно важенъ былъ вопросъ о таинствѣ причащенія. «Аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго и не піете крови Его,—сказалъ Спаситель,—живота не имате въ себѣ». Въ Книгѣ о вѣрѣ раскольники читали и толкованіе на эти слова: «Страшенъ отвѣтъ Христовыхъ словесъ... Кто не послушаетъ гласа Господня? Развѣ той, иже животъ вѣчный погубити хощетъ». Поэтому споры въ расколѣ по данному вопросу продолжались и въ разсматриваемый нами періодъ времени, какъ и ранѣе. Поповцы въ «исповѣданіи» 1731 года такъ высказались по данному вопросу: «Тѣло и Кровь Христовы имутъ пребывати, дондеже Господь пріидетъ» [41]). Такимъ образомъ эта часть раскола учила о таинствѣ причащенія вполнѣ правильно. Иначе вынуждены были говорить безпоповцы, у которыхъ таинства причащенія совсѣмъ не было, потому что совершать это таинство у нихъ было некому. Бывшій безпоповецъ Григорій Яковлевъ, долго жившій въ Выговской пустынѣ, свидѣтельствуетъ о безпоповцахъ, что они отрицали бытіе таинства евхаристіи. «Евхаристіи до конца въ нихъ не исповѣдуется совершатися,—говоритъ Яковлевъ,—и ниже же-

---

[39]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, лл. 95—97, п. 4.
[40]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, л. 84—88, п. 4.
[41]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, л. 95—97, п. 6.

лати о ней вѣдять когда, ни поне слышати хотятъ отъ кого о той... исповѣдуютъ бо, яко нѣсть уже на земли нигдѣ тоя» [42]). Дѣйствительно, въ «исповѣданіи» 1731 года безпоповцы о причащеніи высказались такъ: «По богословскимъ числамъ, по исполненіи лѣтъ 666, жреніе и жертва возмется, Тѣло и Кровь Христовы во днѣхъ онѣхъ не имутъ явитися: тако исповѣдаемъ; а гдѣ обрящется по тайному образу—тако и вѣруемъ» [43]). Такимъ образомъ, и въ разсматриваемое нами время, какъ и ранѣе, безпоповцы отрицали возможность чувственнаго причащенія, а учили о причащеніи духовномъ. Однако, далеко не всѣ безпоповцы могли примириться съ этимъ своеобразнымъ ученіемъ о духовномъ причащеніи. По свидѣтельству Григорія Яковлева, по данному вопросу современные ему безпоповцы «на трое распадались мнѣніями своими врознь между себе». Именно: «едини, малѣйшіе, иже нѣкія древнія крупицы имѣющіе у себе, и тѣми, по времеиомъ, причащаются сами»; другіе, «мнѣйшіе, иже отъ Досиѳея» игумена «и Ѳеодосія» попа «проскомисанныя токмо пріемлютъ, а иныхъ же, аще и древнихъ, но сомнятся»; наконецъ, «прочіи же вси никакъ уже, аще бы и именныхъ старыхъ и вышепоименованныхъ бы, но не пріемлютъ никакъ и не знаютъ о томъ ничего, кромѣ гнушенія и мерзости» [44]). Нѣкоторые изъ выговцевъ писали даже сочиненія «о причащеніи безъ священника». Григорій Яковлевъ приписываетъ такую «книжицу», напримѣръ, выговцу Трифону Петрову [45]).

Находились и «изобрѣтатели» «причастія», т. е. обманщики на этомъ поприщѣ. Напримѣръ, «нѣкій, старецъ изъ Новгородщины, именемъ Евѳимій... начатъ пещи пшеничные хлѣбы, и тѣ, высушивъ и раздробя на мелкія крупицы, раздавалъ, ѣздя по волостѣмъ, паче же въ Суземкѣ велехвальствуя, яко древнее нѣкое называя причастіе, и за то себѣ собирая: у кого деньги, и платье, и всякое домовое потребное, а у кого иконы, и книги, и воскъ, и все, что ни можаше, и отъ одеждъ, рубахъ, и обуви, все обираше, и возомъ во свою кельишку провожаше, о чесомъ при смерти самъ исповѣда отцу своему духовному, какъ ягодами, клюквеннымъ разсоломъ, растворяше, лживое причастіе свое». Григорій Яковлевъ называетъ нѣ-

[42]) Извѣщ. правед. о раск. безпопов., стр. 53.
[43]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, л. 84—88, п. 6.
[44]) Извѣщ. правед. о раск. безпопов., 53—54.
[45]) Тамъ же, стр. 110.

сколько такихъ лицъ, промышлявшихъ обманнымъ «причащеніемъ» [46]). Очевидно ученіе о духовномъ «причащеніи» трудно было усвоить безпоповцамъ, если среди нихъ находили успѣхъ вышеназванныя продѣлки съ чувственнымъ «причащеніемъ».

Гораздо рѣшительнѣе ученіе о духовномъ причащеніи проповѣдывалось безпоповцами — ѳедосѣевцами. Самое наказаніе за участіе въ чувственномъ причащеніи у ѳедосѣевцевъ полагалось строже и приводилось въ дѣйствіе прямѣе. Такъ, у нихъ введено было въ практику даже такое правило: «Аще кому прилучится отъ священника причащену быти, по нужи и за страхъ каковой, той да пріемлетъ эпитимію за то: 40 дней или 60 поститися съ поклоны во отлученіи сообщенія» [47]).

Не зная, чѣмъ оправдать собственное своеобразное положеніе при ученіи о духовномъ причащеніи, безпоповцы дѣлали возраженія поповцамъ, и въ своихъ предъявленіяхъ противъ поповщины были вполнѣ справедливы. Въ вышеупомянутомъ возраженіи безпоповцевъ противъ вѣтковцевъ читаемъ такія замѣчанія о поповщинской практикѣ относительно причащенія. «Ваши попы,—говорилъ безпоповецъ поповцамъ,— даютъ запасные дары старцамъ и простымъ мужемъ, и оные старцы и простые мужики при себѣ въ дорогу причастіе возятъ и другихъ причащаютъ: таковое безстрашіе творится у васъ по коему Писанію? Аще имате на сіе повелѣніе, чтобъ простому якоже себе причащать, тако и другихъ, то что при семъ причащеніи глаголете? Ваши попы даютъ запасные дары старцамъ и простымъ женамъ и дѣвицамъ, не точію престарѣлымъ, но и въ теченіи женскихъ мѣсячныхъ кровей пребывающимъ, и оныя не точію сами себя, но и другихъ причащаютъ: и сіе презорство чинится у васъ по какому Писанію?» [48]). Такимъ образомъ, повидимому, не возражая противъ поповщинскаго причащенія по существу, безпоповцы совершенно справедливо возражали противъ способовъ причащенія, вошедшихъ въ поповщинскую практику. Впрочемъ, безпоповцы намекали и на существо дѣла, когда спрашивали: «Въ церковь на Вѣткѣ антиминсъ кто освящалъ и кто на немъ подписывалъ, — который архіерей»? Извѣстно, что антиминсъ для Вѣт-

---

[46]) Тамъ же, стр. 88—89.
[47]) Тамъ же, стр. 121.
[48]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 345, лл. 163—217, пп. 72—74.

ковской «церкви» былъ привезенъ старицею Меланьею и подписанъ былъ не какимъ либо архіереемъ, а Вѣтковскимъ уставщикомъ Аѳанасіемъ. Да если бы и нашли поповцы антиминсъ, подписанный архіереемъ, то не имѣли бы права переносить его въ свою церковь. Поэтому то безпоповцы и спрашивали поповцевъ: «Освященный и подписанный антиминсъ въ церковь коего либо святаго, и на немъ служиша во оной церкви, можно ли оный антимисъ перенести въ другую церковь» [49]). Однимъ словомъ, безпоповцы старались показать, что поповцами литургія совершается незаконнымъ образомъ: можно ли, поэтому, говорить, что на этой литургіи совершается таинство евхаристіи?

Много споровъ въ расколѣ происходило въ разматриваемое нами время изъ за вопроса о таинствѣ брака.

Прежде всего эти споры происходили между поповцами и безпоповцами. Такъ, возражая поповцамъ, безпоповцы указывали на то, что поповцы совершаютъ браки совсѣмъ вопреки правилъ,—въ простыхъ избахъ. «Попы ваши,—спрашивали безпоповцы поповцевъ,—свадьбы вѣнчаютъ въ избахъ и клѣтяхъ: по коимъ правиламъ»? Конечно, возраженіе это имѣло полную свою силу и значеніе [50]).

Однако и положеніе безпоповцевъ въ отношеніи даннаго вопроса было нисколько не лучше поповщинскаго. Отрицая бракъ, безпоповцы вызывали тѣмъ постоянныя волненія въ своихъ же собственныхъ общинахъ. Вопросъ былъ возбужденъ въ главномъ центрѣ безпоповщины—въ Поморьѣ.

Въ 1728 году поморскую Выговскую пустынь посѣтилъ Стародубскій безпоповецъ Иванъ Алексѣевъ, молодой человѣкъ, имѣвшій всего 18-ть лѣтъ отъ роду, но очень начитанный. Ознакомившись съ Выговскими скитами и ихъ насельниками, Алексѣевъ обратилъ вниманіе на развратную жизнь поморцевъ. Еще будучи на Выгѣ, Алексѣевъ затрогивалъ вопросъ о безпоповщинскомъ ученіи о безбрачіи: велъ бесѣды на Выгѣ, предлагалъ вопросы самому Андрею Денисову. Выговцы дали Алексѣеву отвѣты, которые, однако, не удовлетворили его. Поэтому, уйдя съ Выга, Алексѣевъ скоро прислалъ сюда особое «Возгласительное слово», въ которомъ подвергъ критикѣ образъ жизни выгов-

---

[49]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 345, лл. 163—217, пп. 139—140.
[50]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 345, л. 163—217, п 78.

цевъ и сдѣлалъ заключеніе о несогласіи ея съ Писаніемъ. Это «Слово» не сохранилось, но о немъ можно судить по отвѣту Алексѣеву со стороны Андрея Денисова. «Глаголеши о жителяхъ нашея страны,—писалъ Алексѣеву Андрей Денисовъ, — яко воспріяша залоги тверды въ томъ, дабы съ женами не сопрягатися бракомъ, зло нѣкако душевредное изобрѣтоша, — нуждъ своихъ ради женъ чужихъ, или дѣвъ, придержати: якобы бѣжаще дыма, паче же во огонь страстей пріидоша». Такимъ образомъ, вотъ въ чемъ заключалось обвиненіе на поморцевъ со стороны Ивана Алексѣева: оно было направлено противъ ихъ развратной жизни. Денисовъ оправдывался, но оправданіе его шло мимо цѣли. «Или ты мниши,— писалъ Денисовъ Алексѣеву,—яко мы не вѣмы апостольскаго гласа, вѣщающаго: лучше есть женитися и посягати, нежели разжизатися; и паки: честна женитва о всемъ, и ложе не скверно, блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ; и паки: блюдники и прелюбодѣи царства Божія не наслѣдятъ. Сія бо обоя вѣдуще, не чести брака гнушаемся, не сопряженіе мужа и жены поносимъ; подобнѣ убо и блудныя главы не вѣнчаемъ похвальными цвѣтами; ни скареднаго житія покрываемъ одѣяломъ потаки. Аще убо брака не пріемлемъ, не тайну отрѣвающе, но новинъ, просыпанныхъ отъ Никона, убѣгаемъ». Что сказалъ этими словами Андрей Денисовъ? То, что безпоповцы не отрицаютъ брака принципіально, а почему нѣтъ брака въ самой безпоповщинѣ — на этотъ вопросъ Денисовъ совсѣмъ не отвѣтилъ, какъ ни оправдывался въ томъ, что на Выгѣ были повсюду случаи разврата.

Затѣмъ, Алексѣевъ спрашивалъ выговцевъ о случаяхъ совмѣстнаго сожительства мужчинъ съ женщинами, имѣвшихъ мѣсто въ Выговскихъ скитахъ,—случаяхъ, заслуживающихъ полнаго порицанія. «Почто,—спрашивалъ Алексѣевъ,—доселѣ дома таковыхъ не очищаете отъ стряпухъ, не разрушаете ихъ беззаконныя любимства и придержанія дѣвъ и женъ»? Денисовъ хотя и отвѣчалъ, что таковыя сожительства порицанія не заслуживаютъ, но не сказалъ ничего такого, чѣмъ подобное обвиненіе прямо отвергалось бы. «Иніи убо, бѣгающе гоненія за древлеотеческое благочестіе, изшедше изъ міра, съ женами и съ дѣтьми своими пребываютъ, живуще вдовственное чистое житіе... Иніи же, имѣюще ближнихъ родственницъ, и тѣхъ престарѣлыхъ; овіи же, аще и чужихъ, но свидѣтельствованныхъ общимъ всѣхъ сосѣдствующихъ жителей окомъ, яко без-

порочныхъ, и уже многолѣтнихъ, и могущихъ и юныхъ свирѣпство обуздати... И то кое зазираніе на таковыхъ возложеши»? Между тѣмъ Алексѣевъ называлъ такія сожительства прямо «блудническими домами». Поэтому Денисовъ, оправдываясь, такъ говорилъ: «На коихъ убо горахъ, рцы намъ, узрѣлъ еси у насъ острымъ осужденія твоего окомъ блуднические домы? Въ кіихъ церемоніяхъ позналъ еси беззаконныя любимства? Гдѣ увидѣлъ еси прелюбодѣйная таймичища, содержащія дѣвъ и женъ сонмища? Кого, исполненныхъ блуда и прелюбодѣянія, подъ кровомъ чистоты лежащихъ, обрѣлъ еси? Блудныхъ ли сыновъ сонмы? Но по вся дни къ щедрому Отцу вопіютъ: согрѣшихомъ на небо и предъ Тобою и нѣсть достойны нарещися сынове Твои... Блудныхъ ли женъ и дѣвъ совокупленіе? Но по вся часы, кающеся, нози Владычни слезами мыютъ». Такимъ образомъ видимъ, что Денисовъ не отрицалъ случаевъ грѣховнаго паденія, но пытался покрыть ихъ плодами ежедневнаго покаянія. «Вѣмы, любезне, яко на таковые скверные домы, аще гдѣ будутъ, настоитъ искони, якоже реклъ еси, гнѣвъ Господень. Но мы на исполненіе таковыя скверны устроенныхъ домовъ не имѣемъ, и путей на любодѣйное посѣщеніе не углаждаемъ».

Однако въ концѣ концовъ Денисовъ сознавался, что зазиранія Алексѣева были не безъ основаній. «Аще въ раи бяше преступленіе заповѣди Божія,—писалъ Денисовъ,—то почто дивишися въ толикомъ народѣ нашемъ, къ тому же самовластномъ, коликому ни буди плевелу расти. Ибо доколѣ возмогаху у насъ отеческіе предѣлы, доколѣ цвѣтяше въ старческихъ сѣдинахъ мудрость цѣломудрія,—цѣлы бяху церковніи законы, непоколебимы пребываху древлеотеческіе обычаи, всѣхъ же добродѣтелей основаніе и верхъ—страхъ Божій—незыблимъ стояше, и любовь другъ къ другу, яко рай Божій, выну цвѣтяше. Егда же вогнѣздися въ юныхъ мысли змій сластолюбія, и—сердца ихъ потрясе преслушаніемъ, и мысли ихъ помаза своеволіемъ: тогда начаша презиратися старчестіи сѣдины, уничтожишися спасительніи обычаи, возростоша плевелы, чистую добродѣтели пшеницу подавляющіи, надъ всѣми же сими явися лжебратій лютая сонмища. Ея же клеветами потрясошася общежительства; разоришася скиты; связашася веригами настоятельстіи нозѣ; просыпася нестерпимая гроза во всю пустыню; дебри и блата восплакаша; источники и рѣки кровавыя струи испустиша; распужено бысть Христовыхъ овецъ ревнительное стадо. Того

ради умолкоша отечестіи законы; испровергашася пустынные обычаи; пойдоша мнози въ пути преступленія; побѣжаша въ стези ослушанія и пріяша браки, новинами гобзующіе. Увы, нашея бѣды! Возкрынѣ пустыня младенческими колыбелями; огустѣша жительства малолѣтними отрочатами; отворишася врата новолюбивымъ священникамъ; и все старческое предводительство отъято бысть. Се же все содѣяся отъ потерянія страха Божія и любви къ искреннему своему» [51]). Такимъ образомъ, какъ Денисовъ ни силился защитить поморскихъ безпоповцевъ противъ обвиненія ихъ Алексѣевымъ, въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ сознаться, что доказательства развратной жизни поморцевъ стоятъ, дѣйствительно, на лицо.

«Слово» Алексѣева заставило выговцевъ взглянуть внимательно на послѣдствія безпоповщинскаго ученія о безбрачіи. Подъ вліяніемъ именно этихъ обстоятельствъ на Выгѣ появляются искатели «древлеправославнаго» архіерея, которыми руководитъ самъ Выговскій архиктиторъ Андрей Денисовъ. По этому поводу Денисовъ сносится съ вѣтковцами, и въ то же время въ Палестину ѣдетъ безпоповецъ Михаилъ Вышатинъ. Вышатинъ имѣлъ съ Выгорѣцкими старѣйшинами неоднократныя разсужденія о бракѣ, доказывая имъ его необходимость. Собирались «соборы Выгорѣцкихъ старѣйшинъ», на которыхъ, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что нужно искать «Христову хиротонію», столь необходимую для совершенія браковъ. Ходили разсказы объ Антіохіи, какъ такой странѣ, гдѣ сохранилось неизмѣнно «древнее благочестіе», но Вышатинъ предпочелъ Палестину, вѣроятно, потому, что Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ какъ-то обѣщалъ раскольникамъ рукоположить архіерея. Но надеждѣ поморцевъ на отысканіе «православнаго» священства не суждено было исполниться. Вышатинъ, послѣ «долговременнаго» странствованія по Палестинѣ, въ 1732 году скончался, и его спутники возвратились на Выгъ ни съ чѣмъ [52]).

Послѣ этого, разочаровавшись въ поискахъ естественнаго разрѣшенія вопроса, сужденія поморскихъ безпоповцевъ по вопросу о брачной жизни какъ-то двоятся. Съ одной стороны выговскіе наставники требуютъ безусловнаго цѣломудрія, выражая это въ «соборныхъ опредѣленіяхъ, съ другой оказы-

---

[51]) Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 16, ср. Рукоп. Кіевск. акад. изъ собр. митр. Макарія № Аа. 149, лл. 126—137.

[52]) Нильскій. Сем. жизнь въ русск. раск„ стр. 101—105.

[53]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 115, лл. 50—50 обор.

вается, что о случаяхъ нарушенія цѣломудрія они судятъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ это было ранѣе. Сначала укажемъ послѣдняго рода примѣры.

Когда Иванъ Алексѣевъ спрашивалъ: «аще кто, по познаніи вѣры, отвнѣ бракъ воспріиметъ, какъ съ нимъ поступать»? то Андрей Денисовъ далъ такой отвѣтъ: «такихъ обще въ насъ положено подъ цѣломудренное житіе пріимати» [53]). Но когда «содружебникъ» Денисова выговецъ Леонтій Ѳеодосѣевъ въ 1728 или 1729 году пришелъ въ Стародубскую слободу Ардонь, то на вопросъ уставщика Якова: принимать ли въ общеніе брата Якова, Петра, «зане новый бракъ, по познаніи, воспрія»,—дозволилъ принимать его «во общую молитву безъ всякаго обязанія цѣломудреннымъ житіемъ» [54]). Очевидно, и Денисовъ въ то время уже сдѣлалъ уступку въ пользу поженившихся. Старецъ Нифонтъ, принявшій постриженіе на Выгѣ, точно такъ же сообщалъ Ивану Алексѣеву, что выговцы, посылая его въ Ардонь настоятельствовать и быть «духовникомъ», дали ему наставленія о поженившихся гораздо «снисходительнѣе», чѣмъ говорилось въ отвѣтахъ на вопросы Ивана Алексѣева [55]).

Съ другой стороны, доказательствомъ строгаго отношенія выговцевъ къ вопросу о цѣломудріи въ разсматриваемое время является Выговское «соборное» опредѣленіе. Писано оно «настоятелемъ» Семеномъ Денисовымъ, который говоритъ, что наставленіе дается отъ лица «богособраннаго совѣта» и «общесовѣтнѣ сошедшихся о Христѣ братій».

Наставленіе мотивируется справкою изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. «Древле убо данный Богомъ Моисею Законъ самые грѣхи токмо и дѣйства страстей отсѣкаше, глаголя: да не убіеши, да не прелюбы сотвориши. Въ новой же благодати Господь Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, большее спасеніе полагая и внутреннее сердца и души очищая, самое начало злобы, самый входъ грѣха отъ сердца отсѣкая, глаголетъ: слышасте, яко речено бысть Первымъ: не прелюбы сотвориши; Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ей, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ... Сего ради и божественніи отцы наши, церковніи предстателіе, поспѣшествующе во спасеніе, и храненіе души и

---

[54]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 115, лл. 52 обор.

[55]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, лл. 54—55.

сердца... хожденія, трапезы, сѣдѣнія и бесѣды дѣвствовати хотящимъ съ женами весьма отсѣкоша... Предивный Исаакъ Сиріанинъ запретительнѣйше глаголетъ: лучше тебѣ ясти ядъ смертоносенъ, нежели ясти со женою, аще и будетъ ти мати, или сестра».

Въ виду сказаннаго, дѣлается постановленіе, какъ вести себя послѣдователямъ поморской безпоповщины. «Всѣмъ, живущимъ въ согласіи церковнаго міра,—говорится здѣсь,—дѣвственное и безженное проходящимъ житіе, еже со женою отнюдь не ясти, ниже пити, аще и отъ близокровныхъ сродницъ сія будутъ». Именно, «путешествованія съ женами огребатися, да никто же отнюдь съ женою путь шествуетъ... И въ рыбныхъ ловитвахъ весьма соблюдатися потребно, и никому же отъ мужеска полу съ женскимъ, кромѣ близокровныхъ, ловитва дѣяти, яко да не прежде рыбнаго ловленія уловлены будутъ въ діавольскую мрежу. Тѣмъ же, отнынѣ никтоже со женами чужими ловитву да дѣетъ, въ соблазнъ и претыканіе невѣрныхъ; аще ли кая неотреченная нужда, благоговѣйнымъ и престарѣлымъ, съ совѣта духовнаго выборнаго, сіе да бываетъ». Такимъ образомъ «соборъ» требовалъ, чтобы избѣгать женскій полъ въ общеніи пищи и питія безусловно, не исключая и «близокровнаго» родства; а при ловлѣ рыбы общеніе «близокровнаго» родства допускалъ. Не понятно, почему такъ?

Подобнымъ образомъ было сдѣлано постановленіе и относительно другихъ случаевъ. «И на браніе ягодъ, или волнухъ, и иныхъ каковыхъ овощей, мужи со женами, или отроки со отроковицами, никогда же да ходятъ: разореніе бо есть цѣломудреннаго о Бозѣ житія, изношеніе безчинія, и всякому грѣху руковожденіе... Къ сему же и сіе смотрѣти подобаетъ, да никогда же дѣва или жена да не путешествуетъ едина далече негдѣ, или близь, или между келіями когда ходяще, едина отнюдь да не обрящется во узрозъ соблазна и разоренія предобраго христіанскаго благочинія... Ниже по келіямъ лѣпо дѣвѣ или женѣ ходити... Тѣмъ же и сіе отселѣ да престанетъ».

Какъ же должны проводить свое время женщины? «Каждая жена или дѣва да сѣдитъ, или трудится, во безмолвіи въ дому своемъ, цѣломудренно пекущеся о спасеніи души своея. Аще ли коимъ сиротамъ неотреченная нужда случится, и совѣтомъ духоваго выборнаго да исходятъ. Такожде и въ міръ, рекше въ волость, жены и дѣвы никогда же да исходятъ», потому что «отъ тѣхъ безчинныхъ міронахожденій освященніи Богу

дѣвы и жены всякихъ злокозненныхъ, паче же безбожныхъ обычаевъ научиваются... Аще ли коимъ сиротамъ неотмѣнная нужда, съ совѣтомъ выборнаго да исходятъ».

Давая такое наставленіе женскому полу, «соборъ» не забывалъ и мужчинъ. «Къ симъ и о сихъ зѣло смотрѣти, иже юнніи мужеска полу къ юннымъ дѣвамъ или женамъ въ жилища или виталища ихъ отнюдь не дерзали бы входити ни коимъ извѣтомъ, въ разрушеніе дѣвствохранительнаго цѣломудрія и въ разореніе святыхъ отецъ преданія, о семъ крѣпцѣ запрещающихъ».

Далѣе, правила «собора» касались исполненія работъ на разныхъ «службахъ». «Повелѣваемъ на отходныхъ службахъ,—пашенныхъ, жатвахъ, сѣнокосахъ,—мужемъ съ женами во единой келіи отнюдь не спасти, ниже ясти, ниже стояти, ниже молитися отнюдь».

При этомъ «соборъ» обращалъ вниманіе на послѣдствія запрещаемаго. «Сими бо безчиніи имя Божіе хулится, и христіанскаго благочестія согласіе укоры и поношеньми досаждается, немощнымъ же и слабымъ соблазнъ, и претыканіе, и конечная пагуба бываетъ».

Сказавъ это, «соборъ» дѣлалъ общее наставленіе. «Сего ради,—говорилъ онъ,—отселѣ сіе безчинное вкупосмѣшеніе», дотолѣ, очевидно, имѣвшее широкую распространенность, «да не будетъ, но особныя келіи, или станы мужіе, особныя же жены да имѣютъ. Но и въ трудахъ, на нивахъ... не безъ разбору, но женамъ особь, мужемъ же такожде особь, на своей странѣ трудитися повелѣваемъ. Къ симъ же всѣмъ и въ жительствахъ домовныхъ подобаетъ всѣмъ келіи особыя имѣти, мужескому полу и женскому». При этомъ «соборъ» говорилъ, что предлагаемыя имъ требованія—«не своя предложенія суть, но святыхъ отецъ запрещенія».

Поэтому,—заключалъ «соборъ»,—«аще ли кто непокорливъ и прекословенъ явится божественнымъ отеческимъ преданіямъ и сему о Господѣ богособранному совѣту, безчиннѣ же и неблаговѣйнѣ начнетъ жительствовати, предобрая же отеческая благочинія презирати и разоряти,—о тѣхъ нужда намъ исполнити апостолькое оно слово, еже пишетъ въ посланіи къ Солунянамъ 2-мъ, глаголя: повелѣваемъ же, братія, вамъ о имени Господа нашего Іисуса Христа отлучитися вамъ отъ всякаго брата, безчинна ходяща, а не по преданію, яже пріяша отъ насъ... Васъ, о, вожделѣніи, единоумніи сынове каѳоли-

ческія церкви, любезнѣ молимъ... возблагоревнуйте о доброговѣйномъ жительствѣ; потщитеся святая отеческая благочинія въ скиты вводити; безчинная же мірская пребыванія, подзорныя сожитія, схожденія, витанія, спутешествованія и собесѣдованія съ зазорными лицы, ихъ же ради бываютъ прелютая паденія,—сія отъ исполненія вѣрныхъ искоренити попецытеся, не ужасайтеся навѣтовъ, отъ ненаказанныхъ бывающихъ, не бойтеся попошеній, не ужасайтеся ненависти... Молимъ вашу пречестнѣйшую любовь о Господѣ, всечестнѣйшіе отцы и братіе, неблаголѣпная безчинія и душевредная отсѣкати и прогоняти» [56]).

Если такія нарушенія цѣломудренной жизни замѣчались въ поморскихъ скитахъ, которые собственно и имѣетъ въ виду данное «соборное» наставленіе; если для скитянъ, носившихъ черноческій образъ, требовались такія наставленія, ограниченія и запрещенія; то что же сказать о поморцахъ—мірянахъ, содержавшихъ то же безпоповщинское ученіе о всеобщемъ безбрачіи?! По прямому свидѣтельству безпоповщинскаго писателя отъ 1748 года, въ раскольническомъ «суземкѣ», гдѣ находилась Выговская пустынь, числилось «болѣе ста семей оженившихся» [57]).

Критика безпоповщинскаго ученія о всеобщемъ безбрачіи, вылившаяся изъ устъ Ивана Алексѣева, имѣла вліяніе не на однихъ выговцевъ, но и на ѳедосѣевцевъ, въ противоположную сторону. Главное зло, какое встрѣтилъ Алексѣевъ въ обществѣ ѳедосѣевцевъ и съ которымъ никакъ не могла помириться его душа, состояло въ крайнемъ развратѣ, которому предавались ѳедосѣевцы,—всѣ, отъ молодыхъ людей до преклонныхъ старцевъ, занимавшихъ роль наставниковъ, и который былъ прямымъ слѣдствіемъ ученія безпоповцевъ о всеобщемъ безбрачіи. При жизни основателя ѳедосѣевства его ученики принимали, какъ законное, такъ называемое «староженство», т. е. бракъ лицъ, заключенный въ православной церкви до присоединенія къ расколу, и допускали брачное сожитіе таковыхъ лицъ по переходѣ ихъ въ расколъ. По смерти Ѳеодосія, ученики его, подъ вліяніемъ поморцевъ, измѣнили ученіе своего наставника и, подобно поморцамъ, стали требо-

---

[56]) Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 13. Здѣсь разсматриваемое „наставленіе“ надписывается такъ: „Отца Симеона Діонисьевича законоположенія“.

[57]) Извѣщ. правед. о раск. безпоповщ., стр. 114.

бовать отъ всѣхъ послѣдователей своего толка строгаго дѣвства. Такъ учили ѳедосѣевцы, когда жили на Ряпиной мызѣ, такъ же и потомъ, по переселеніи въ Польшу. А послѣдствіемъ этого было то, что развратъ, сильно развившійся еще на Ряпиной мызѣ, не только не ослабѣлъ въ польской ѳедосѣевской общинѣ, но развился еще болѣе и дошелъ до самыхъ безобразныхъ предѣловъ. Крайне возмутительнымъ показался Алексѣеву такой порядокъ вещей въ ѳедосѣевской общинѣ, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, положить конецъ безпоповщинскому безбрачію.

Сначала Алексѣевъ рѣшился узнать, откуда ведетъ свое начало безпоповщинское безбрачіе, чтобы, если можно, поразить зло въ корнѣ. Причина безпоповщинскаго безбрачія, по мнѣнію Алексѣева, крылась въ неимѣніи священства и во внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ изначальной безпоповщины, когда ея послѣдователямъ приходилось жить въ лѣсахъ, въ пустыняхъ. Внѣшнія обстоятельства во время Алексѣева измѣнились къ лучшему, и не было въ безпоповщинѣ только священства. Чтобы вездѣ разъяснить мысль о необходимости брака, Алексѣевъ предпринимаетъ путешествіе, послѣ Поморья, въ Москву, въ «Подольскую страну окрестъ Бара», въ «Польшу - Куты при Венгерской земли» и въ другія мѣста, въ Россіи и за границей, гдѣ жили раскольники. Здѣсь Алексѣевъ нашелъ больше сочувствія своимъ мыслямъ: и въ Москвѣ, и въ Польшѣ, и въ Волоцкой землѣ, и въ Ардони, въ лицѣ Леонтія Ѳедосѣева, нашлись защитники «новыхъ браковъ». И вотъ, Алексѣевъ рѣшился начать открытую, смѣлую рѣчь противъ безпоповщинскаго дѣвства и въ пользу брачной жизни. Именно, Алексѣевъ началъ проповѣдывать возможность для безпоповцевъ вступать въ бракъ чрезъ повѣнчаніе въ церкви православной, которую онъ называлъ «внѣшнею». Для безпоповца такая мысль является странною: повидимому, Алексѣевъ сталъ сторонникомъ той самой «хиротоніи», отъ которой получило начало бѣглое священство поповцевъ, противъ котораго Алексѣевъ такъ горячо и побѣдоносно ратовалъ. Но чтобы понять такую странность, нужно обратить вниманіе на то, какъ смотрѣлъ Алексѣевъ на бракъ.

Бракъ, по мысли Алексѣева, есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ понимаетъ его православная церковь, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ церкви. Для заключенія брака, по мнѣ-

нію Алексѣева, требуется только взаимная любовь брачущихся, согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями, и согласіе родителей; послѣднее необходимо для того, чтобы выразить въ немъ законную родительскую власть надъ дѣтьми. Что же, послѣ этого, значитъ церковное вѣнчаніе брака, принятое въ христіанской церкви? Это, по словамъ Алексѣева, не больше, какъ «общенародный христіанскій обычай», не имѣющій прямого отношенія къ существу брака; введено же церковію вѣнчаніе для того, чтобы имъ отличить законное сопряженіе брачущихся лицъ отъ блуднаго сожитія. Поэтому вѣнчаніе необходимо, но оно не составляетъ существенной стороны въ бракѣ и не даетъ брачущимся никакой особенной благодати. Отсюда Алексѣевъ выводилъ заключеніе, что при неимѣніи православнаго священства можно вѣнчаться и въ церкви еретической. Эти мысли Алексѣевъ раскрывалъ въ разныхъ статьяхъ, изъ которыхъ около 1762 года составился сборникъ «О тайнѣ брака» [58]).

Такимъ образомъ попытка какъ-нибудь выбраться изъ того затрудненія, въ какомъ находилась безпоповщина по случаю ученія о всеобщемъ безбрачіи, привела Алексѣева къ такому своеобразному взгляду на таинство брака, опрявдать который нельзя было ни одной старопечатной книгой. Правда, Алексѣевъ указывалъ нѣкоторыя старопечатныя книги, въ которыхъ не говорится о существенномъ значеніи пресвитерскаго вѣнчанія для брака. Но это умолчаніе, конечно, не есть прямое утвержденіе. Указывалъ Алексѣевъ еще на то, чѣмъ руководился и Θеодосій Васильевъ въ принятіи браковъ отъ «никаніанства», что еретическое и даже нехристіанское заключеніе браковъ церковію было признаваемо. Но въ этомъ оправданіи замѣчается смѣшеніе двухъ понятій. Вѣдь совсѣмъ иное дѣло принимать брачившихся до присоединенія, и иное—обращаться за совершеніемъ тайны брака въ общества иновѣрныя. Первое существовало въ древней христіанской церкви; на послѣднее нельзя отыскать въ ней ни одного примѣра; да и съ понятіемъ Христовой церкви это несогласно. Такимъ образомъ было ясно, что Иванъ Алексѣевъ вводилъ такое «новшество», которое было несогласно ни съ ученіемъ о бракѣ старопечатныхъ книгъ, ни съ понятіемъ безпоповщины, ни съ ея отношеніями къ православной церкви.

---

[58]) Нильскій. Сем. жизнь въ рус. раск., стр. 107—123.

Поэтому ѳедосѣевцы еще на «соборѣ» 1739 года рѣшились подтвердить свое ученіе о всеобщемъ безбрачіи и вмѣстѣ устранить всѣ тѣ недочеты, которые вызывали порицаніе на ѳедосѣевство. Соборъ этотъ состоялся въ «Польшѣ, въ деревнѣ Давыдовѣ». Происходилъ онъ «лѣта седмь тысящъ двѣсти четыредесять седьмаго, іюня въ 11 день». Въ немъ участвовало 13-ть «духовныхъ человѣкъ», именно: Терентій Васильевъ, Игнатій Трофимовъ, Иванъ Ивановъ, Лазарь Захаровъ, Ѳаддей Денисовъ, Василій Семеновъ, Савинъ Михеевъ, Семенъ Сергѣевъ, Игнатій Тимоѳеевъ, Георгій Андреевъ, Герасимъ Яколевъ, Макарій Ивановъ, Ѳедоръ Ѳедоровъ и «прочіе: духовные книжные и простые». Причину, по которой былъ собранъ этотъ соборъ, дѣянія его изображаютъ такъ: «Зане тѣхъ ради непослушныхъ винъ, на всю церковь», т. е. на ѳедосѣевство «и на христіанскую вѣру отъ вѣрныхъ и отъ невѣрныхъ укоръ и велія хула бываетъ, и мнози веліе сомнѣніе имѣютъ, и отъ вѣры мнози отступаютъ». Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду и Иванъ Алексѣевъ, отступившій отъ ѳедосѣевства и хулившій его.

О чемъ же трактовалъ «соборъ»? Онъ силился подкрѣпить безпоповщинское ученіе о всеобщемъ безбрачіи и говорилъ о случаяхъ уклоненія отъ безбрачія.

«Отнынѣ въ келіяхъ на уединеніи съ зазорными лицы, и съ духовными дочерьми, — съ дѣвицами и съ женами,—не жити, но со старѣйшими». Очевидно, въ ѳедосѣевщинѣ вошло въ обычай «жить на уединеніи» не только съ лицами женскаго пола «зазорнаго» поведенія, но и съ «духовными дочерьми,—дѣвицами и женами». Конечно, такой «порядокъ» долженъ былъ возбуждать въ наблюдателѣ большой соблазнъ, тѣмъ болѣе, что его допускали лица, называвшіяся «духовными отцами».

«И которые люди обыщутся въ духовномъ сродствѣ крещены,—продолжается въ правилахъ «собора»: единъ кумъ у мужа и жены, и намъ, отцамъ духовнымъ, разводить, и жить вкупѣ не велѣть, и тѣмъ житіемъ православныхъ христіанъ не соблажнять, и таковаго житія впредь не имѣть, дабы намъ проклятымъ не быть». Ну, а если у мужа и жены «кумъ» не одинъ: можно ли таковымъ жить вмѣстѣ?..

«Подобаетъ намъ,—говоритъ правило,—на послуженіе старѣйшихъ женъ изобрать, или мужскій полъ на келейное служеніе имѣть, и тако житіе провожати. А молодыхъ женъ и

дѣвицъ въ стряпухахъ не держать отнюдь, и за келейницъ ихъ не помышлять и не имѣть». Очевидно, «духовные отцы» держали при себѣ молодыхъ особъ женскаго пола, сожительствовали съ ними какъ мужъ и жена, но называли ихъ «келейницами». Правило при этомъ добавляло: «Которые люди изъ насъ, духовныхъ, не будутъ по оному писанному творить, и тако жить, но по своему нраву, по прежнему, будутъ жить, и со всею церковію будутъ противность имѣть, и намъ таковыхъ отъ церкви отлучать за ихъ непослушаніе и непостоянство». Очевидно, жизнь, противоположная предписываемой, въѣлась въ среду «духовныхъ отцовъ» очень сильно, настолько сильно, что «отцы» не надѣялись на повсемѣстное исполненіе вырабатываемыхъ правилъ.

«Сего ради,—продолжаютъ правила,—не подобаетъ намъ таковогo зазора и порока имѣти, и православныхъ христіанъ своимъ житіемъ соблажнять, и душъ христіанскихъ симъ образомъ сожитія вредить».

Дѣлая постановленіе о «духовныхъ отцахъ», «соборъ», далѣе, касался и простолюдиновъ—членовъ ѳедосѣевской общины. «Такожде учинить и простымъ человѣкомъ, гдѣ случится юношамъ и дѣвамъ, вмѣстѣ на уединеніи въ келіяхъ, или гдѣ, вкупѣ быть; такоже и мужу съ женою, по тому же, вмѣстѣ не жить, и тѣмъ житіемъ чтобъ душъ своихъ не погубить»

Далѣе правила касались и того вопроса: какъ поступать съ тѣми «простецами», которые своею жизнью являются нарушителями этого правила. «А которые люди, юноши или мужи, взявъ къ себѣ на единокелейное жительство женъ или дѣвицъ, безстыдно живутъ и впредь жити станутъ вкупѣ съ тѣми дѣвами и женами, тѣхъ явственныхъ всѣхъ всею церковію, духовнымъ людямъ, разводить; а никому ихъ изъ насъ инако въ церковь не пріимать, ни на моленіе, ни на ядeніе не пускать, и вмѣстѣ со христіаны не сообщать, дондеже ихъ не развесть. И того намъ не преступать, и никому изъ насъ, духовному, имъ въ томъ не потакать, и жити имъ вкупѣ невелѣть». Подобнымъ образомъ давалось и болѣе общее правило о нарушителяхъ предписываемыхъ наставленій. «А которые дѣти духовные, юноши или дѣвицы... заповѣди Божія, и отецъ своихъ преступать будутъ; и обѣты своя потопчутъ; и женитися станутъ, и дѣвицы замужъ пойдутъ; и вѣнчаться отъ еретикъ станутъ, и такъ, не вѣнчавшись, сойдутся и жить станутъ; или вѣрный невѣрную поиметъ; и вѣрная съ невѣрнымъ

брачитися станетъ, и приживутъ между собою дѣти; и поищутъ пріяты быти въ церковь; или ко отцамъ своимъ духовнымъ на покаяніе пріити пожелаютъ; или изъ насъ кого, духовнаго отца, къ себѣ призывати станутъ; и дѣтей своихъ крестить: и намъ, отцамъ духовнымъ, духовнаго дѣла у нихъ не творить; и съ ними ни пити, ни ясти, ни на молитвѣ стояти; и на службу къ себѣ ихъ не пущати».

При этомъ правило дѣлало оговорку даже о крещенныхъ въ болѣзни. «И аще которые дѣти у таковыхъ людей крещены въ болѣзни, по обѣщанію ихъ, и оздравѣютъ, и похощутъ жити со отцами своими и матерями, безъ роспусту, и будутъ съ ними общеніе имѣть въ моленіи, и ядеміи, и въ питіи: и намъ таковыхъ дѣтей къ себѣ на моленіе не пущать, и со христіаны сообщенія никакого не имѣть, дондеже они отцевъ своихъ не отстанутъ».

Впрочемъ, давая такое наставленіе, ѳедосѣевскіе «отцы» дѣлали и другую оговорку. «А которые младенцы у вышепоказанныхъ людей разболятся, и аще обѣщаются отцы и матери врознь разлучитися, или на христіанскія руки отдадутъ, таковыхъ окрестить» [59]).

Такимъ образомъ, изъ опредѣленій ѳедосѣевскаго «собора» 1739 года легко видѣть полную несостоятельность безпоповщинскаго ученія о всеобщемъ безбрачіи. «Соборъ» 1739 года констатировалъ это во всей силѣ. Оказывается, что нарушителями ученія о безбрачіи являлись не только юноши и дѣвицы, но и престарѣлые члены ѳедосѣевской общины; не только «простые люди», міряне, но даже тѣ, которыхъ именовали «духовными отцами». И нельзя не видѣть, что строгія правила даннаго «собора» должны были остаться требованіями только на бумагѣ. «Соборъ» требовалъ, чтобы «духовные отцы» не жили съ «зазорными» лицами женскаго пола; чтобы не допускалось сожительство лицъ, состоящихъ въ «духовномъ сродствѣ»; чтобы въ услуженіе себѣ «духовные отцы» брали «старѣйшихъ женъ», или же лицъ «мужескаго пола». «Соборъ» касался и простолюдиновъ, жизнь которыхъ представляла противорѣчіе устанавливаемымъ правиламъ, опредѣляя строгое наказаніе лицамъ, являющимся и имѣющимъ явиться нарушителями правилъ; касался даже дѣтей, ранѣе крещенныхъ въ болѣзни и имѣющихъ получить таковое крещеніе въ будущемъ.

[59]) Рукоп. Владимірской семинаріи № 75, гл. 7, лл. 59—62 обор.

Но по всему видно, что «соборъ» мало надѣялся на выполненіе опредѣляемыхъ имъ правилъ. Самая строгость правилъ и подробное перечисленіе случаевъ нарушенія цѣломудрія и возстановленія его ясно свидѣтельствуютъ объ этой малой надеждѣ. Нельзя было бороться съ распущенностью жизни средствомъ, которое противорѣчило требованіямъ природы человѣка...

Въ этомъ смыслѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ ученія Ивана Алексѣева. Нравственная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, доставила ему очень много сочувствующихъ, особенно въ средѣ молодыхъ людей, такъ что около него скоро сгруппировалось цѣлое общество, получившее названіе «новоженовъ», въ составъ котораго входили и ѳедосѣевцы, и поморцы. Но, повторяемъ, противъ Алексѣева была доктринальная сторона вопроса: онъ проповѣдывалъ такое «новшество», которое нельзя было оправдать ни ученіемъ о бракѣ, ни началами безпоповщины...

По свидѣтельству отъ 1748 года, ѳедосѣевцы предавались разврату вполнѣ открыто: «сто блудницъ спохотствуй,—говорили они,—а законныя жены не поимай». «Сего ради,—говоритъ Григорій Яковлевъ,—многая въ нихъ содомства, дѣторастлѣнія, кровосмѣшенія, блуды различные, съ душегубствы многообразными, отравы съ чародѣйствы» [60]). Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводило безпоповщинское ученіе о всеобщемъ безбрачіи, которое безпоповщина старалась всячески оправдать, но зловредность котораго она не могла скрыть...

Въ 1731 году поповцы и безпоповцы, послѣ длинныхъ собесѣдованій въ Москвѣ, дали другъ другу свои «исповѣданія», при чемъ поповцы сказали о бракѣ, какъ имѣющемъ быть до конца міра: «законный бракъ до конца пребудетъ» [61]); а безпоповцы высказались такъ: «А браки, аще отъ православныхъ іереевъ вѣнчаны, оные пріемлемъ; а и впредь гдѣ явятся таковые браки, сущіе православные вмѣняемъ. А пришедшихъ изъ невѣрія въ православіе, по святомъ крещеніи, по чину уставному воспріемлемъ. А впредь бракъ будетъ ли, или ни, не опредѣляемъ» [62]).

---

[60]) Извѣщ. правед. о раск. безпоповщ., стр. 54.
[61]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, лл. 95—97, п. 2.
[62]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 356, лл. 84—88, п. 2.

IV.

Споры въ поповщинѣ.

Еще въ первой четверти XVIII вѣка поповщина раздѣлилась на нѣсколько «согласій». Главное мѣсто здѣсь занимали два «согласія»: во-первыхъ «вѣтковцы» и во-вторыхъ «діаконовцы». Предметомъ спора между тѣми и другими былъ вопросъ о формѣ креста Христова и способѣ кажденія. Эти споры, начавшись въ началѣ XVIII вѣка, продолжались и теперь, т. е. во второй его четверти.

Такъ, со стороны вѣтковцевъ тогда появилось «Собраніе краткое отъ божественнаго Писанія» о ереси и еретикахъ, между которыми «Собраніе» считало и діаконовцевъ. «Въ нынѣшнее послѣднее,—говорилось здѣсь,—многобурное и многоволненное время, не только отъ ересей и гоненія, происходящаго повсемственно, но и въ самихъ правовѣрныхъ, которые хранятся отъ нововводныхъ ересей,—и въ тѣхъ учинися раздоръ и разногласіе; и отъ того многіе учинишася учители: каждый хвалитъ свое мнѣніе; и отъ того наипаче отъ правовѣрныхъ многіе сомнишася; и того ради приклонишася къ нововводнымъ ересямъ, якоже видѣти есть въ Нижегородскихъ предѣлахъ. А вину оные полагаютъ такову: аще де правовѣрніи оберегаются нововводства, но сами-де многимъ разгласіемъ и многими раздоры и въ горшая впадаютъ: и такого ради соблазна должно правовѣрнымъ христіанамъ смотрѣть и отъ божественнаго Писанія внимать, кто въ правовѣрныхъ какіе раздоры и разногласія чинитъ, и вновь, что не предано, вводитъ, отъ чего учинися многое несовѣтіе и лишеніе Божія мира и любви, безъ чего спастися невозможно». Изъ дальнѣйшихъ словъ «Собранія» прямо видно, что подъ «чинящими раздоръ и разногласіе» данное «Собраніе» разумѣетъ именно діаконовцевъ, высказавшихъ свои особенности еще на Керженцѣ, Нижегородской губерніи, а потомъ перешедшихъ на Вѣтку. Что «Собраніе» писано именно вѣтковцемъ, это видно изъ того, что въ немъ говорится о «самопроизвольникахъ, въ преданіи церковномъ измѣнителяхъ», о которыхъ было писано де изъ «Нижегородскихъ скитовъ» въ «Обитель Пресвятыя Богородицы къ отцу Ѳеодосію и прочимъ», и что «нынѣ тѣжъ раздорники и разсѣкатели, прибѣгши отъ Нижегородскихъ мѣстъ, явилися и житіемъ поселилися въ близости оныя оби-

тели, а именно въ урочищахъ на Огороднѣ и на Вылевѣ, и прежнее свое мудрованіе, которое отъ нихъ напредь содержащеся и нынѣ тожъ мудрованіе простираютъ». Очевидно, что здѣсь разумѣется то посланіе изъ Керженскихъ скитовъ, противъ діакона Александра, къ попу вѣтковскому Ѳеодосію, по поводу котораго попъ Димитрій и діаконъ Александръ должны были лично пріѣхать на Вѣтку и тамъ выдержать допросъ со стороны попа Ѳеодосія. Около 1720 года діаконовцы бѣжали съ Керженца главнымъ образомъ на Вѣтку, поселившись въ слободахъ Огороднѣ и Вылевѣ. Если писатель «Собранія» хорошо зналъ, гдѣ живутъ діаконовцы, то ясно, что онъ жилъ именно тамъ, на Вѣткѣ. Изъ діаконовцевъ въ «Собраніи» поименно называются вышепомянутый попъ Димитрій, «галичанинъ», и «учитель» его Тимоѳей Лысенинъ, извѣстный основатель діаконовскаго толка; а также попъ Патрикій, извѣстный защитникъ діаконовщины на Вѣткѣ. По нашему мнѣнію, настоящее «Собраніе» написано приблизительно въ началѣ второй четверти XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что въ «Собраніи» упоминается о какихъ-то діаконовскихъ «тетрадкахъ», которыми діаконовцы «утверждаютъ простой народъ». Извѣстно, что попъ Патрикій въ 1725 году, «бывыи на Вѣткѣ, чрезъ Еремѣя Семенова, нѣкоторому человѣку вручилъ тетради», при чемъ извѣстіе добавляетъ, что Патрикій «тогда и нынѣ на тѣ тетради требуетъ свидѣтельства» [63]). Мы думаемъ, что въ разсматриваемомъ «Собраніи» разумѣются именно эти «тетрадки» попа Патрикія. Такъ какъ здѣсь добавлено, что тѣми «тетрадками» діаконовцы «утверждаютъ простой народъ и прельщаютъ», то, значитъ, со времени появленія данныхъ «тетрадей» прошло еще очень мало времени.

Какъ же ведется полемика противъ діаконовцевъ въ разсматриваемомъ «Собраніи»? Все разсужденіе распадается здѣсь на 11 пунктовъ и касается одного вопроса—о способѣ кажденія. Извѣстно, что діаконовцы употребляли крестообразное кажденіе, а вѣтковцы требовали троекратнаго способа кажденія, т. е. дважды прямо, а третій разъ поперекъ. Вотъ противъ этого способа кажденія діаконовцевъ и въ защиту вѣтковскаго и ведется въ данномъ «Собраніи» разсужденіе.

Сначала приводится мнѣніе діаконовцевъ о способѣ кажде-

---

[63]) Споры и раздѣленія въ раск. въ первой четверти XVIII вѣка, стр. 279—280.

нія. «А утвержденіе ихъ,—говорится о діаконовцахъ,—сицевое. Подобаетъ вѣдати, како кадити іерею, или діакону. Первѣе станетъ предъ св. трапезою и творитъ крестъ кадиломъ; и тако, отъ полуденныя страны ставъ, такожде творитъ; подобно же и отъ восточныя и отъ полунощныя,—крестообразно кадитъ св. трапезу и весь святый алтарь и жертвенникъ»: такъ говорится въ 10-ой главѣ Устава, на которую діаконовцы и опирались. Вѣтковецъ говоритъ, что данное указаніе Устава выражено очень «кратко» и будто по этой краткости оно не пригодно для заключенія о способѣ кажденія. «И сицевое краткое указаніе,—говорится въ «Собраніи»,—галичанинъ попъ Димитрій съ учителемъ своимъ Тимоѳеемъ Лысенинымъ и съ прочими протолковаша сице: каженіе около св. трапезы, и алтаря, и жертвенника, на каждой странѣ по двѣ краты, въ томъ числѣ первое—воздвизаніе, а второе—прекое. И тѣмъ мнятъ прообразовати, по мудрованію своему, отъ двух древъ сложенный или написанный крестъ. И таковое ихъ каженіе и прообразованіе... святой восточной и великороссійской церкви, и преданію св. апостоловъ и св. отецъ, весьма противно и съ богословцами несогласно. И таковое ихъ нововводство обличается отъ сего». Послѣ этого слѣдуютъ уже самые «пункты».

Въ первомъ пунктѣ «Собранія» говорится, что «реченіе» Устава «кратко» и эта краткость объясняется «извѣстностью чина и обычая» кажденія, по примѣру того, какъ говорится о пѣніи «трисвятаго аллилуіа»: «и малыя дѣти знаютъ, како творити трисвятое аллилуіа по трикраты трижды», такъ и относительно кажденія: «по чину св. церкви, како издревле на Востоцѣ, тако и въ Россіи, у высочайшихъ архіереовъ и у прочихъ чиновъ, у многотысящныхъ у всѣхъ священниковъ и у діаконовъ, во всѣхъ краяхъ земли, кадило присно въ рукахъ содержимо, и каженіе у нихъ зѣло твердо отъ самого рукоположенія святительскаго»; поэтому, какъ таковое, оно и не разъясняется въ Уставѣ, «понеже извѣстныя вещи ученому, аки неукѣ толковати, нѣсть лѣпо»; такимъ образомъ, по словамъ «Собранія», на 10-ю главу Устава діаконовцы ссылаются не справедливо.

Во второмъ пунктѣ «Собранія» указывается, что «премѣнителей» способа кажденія до діаконовцевъ не было, причемъ и самъ діаконъ Александръ не указалъ такого «премѣненія» въ «никоніанствѣ».

Третій пунктъ объясняетъ, что «на Востокѣ, и въ Россіи, каженіе около св. трапезы, и олтаря, и жертвенника» совершается «потрижды, крестообразно» и «то каженіе ни Максимъ Грекъ, ни восточнія патріарси Іеремія Цареградскій и Өеофане Іерусалимскій, видя, не зазрѣша». Почему выраженіе «каженіе по трижды крестообразно» составитель «Собранія» считаетъ доказательствомъ вѣтковскаго способа кажденія, совсѣмъ не понятно, какъ не понятно и то, почему онъ не видѣлъ указанія на діаконовскій способъ кажденія въ выраженіи Устава: «творитъ крестъ кадиломъ».

Въ четвертомъ пунктѣ поясняется, что если въ 10-й главѣ Устава о кажденіи говорится «кратко», то «въ другихъ книгахъ», да и въ Уставѣ «написано пространнѣе». Напримѣръ, во «всѣхъ Октаяхъ на великой вечернѣ и на всенощномъ бдѣніи... пишетъ: предъ св. трапезою знаменуетъ кадиломъ трижды крестообразно. Такожъ во Уставѣ, во 2-й главѣ: и ставъ предъ св. трапезою, знаменуетъ кадиломъ крестъ трижды. Такоже въ томъ же Уставѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ: кадитъ игуменъ по чину всю братію, и, ставъ предъ великими враты церковными, кадитъ крестообразно трижды. И паки въ томъ же Уставѣ, въ указѣ великія субботы: и паки такожъ игуменъ назнаменуетъ великія враты церкве, затворенныя суще, кадиломъ крестообразно трижды». Всѣ эти выраженія составитель «Собранія» считаетъ доказательствомъ правильности вѣтковскаго способа кажденія, но, очевидно, совершенно несправедливо.

Въ пятомъ пунктѣ авторъ обращается опять къ 10-й главѣ Устава, вь которой говорится, что «по каженіи св. трапезы, и алтаря, и жертвенника, и прочихъ мѣстъ, обращся, приходитъ къ игумену, и кадитъ его трижды, воздвизая предъ нимъ кадило правѣ и преки, якоже знаменуетъ крестъ; аще ли нѣсть игумена, мѣсто его кадитъ; и тако отъ него кадитъ весь правый ликъ братіи по дважды, воздвизая предъ кіимждо кадило правѣ и преки, якоже знаменуетъ крестъ». По мнѣнію составителя «Собранія», эта ссылка діаконовцевъ неправильна, потому что «игумена кадятъ таковымъ обычаемъ и чиномъ, якоже достоитъ кадити царя или святителя», но «каженіе царя и святителя» бываетъ «потрикраты потрижды».

Въ пунктахъ съ шестаго по одинадцатый включительно составитель снова затрогиваетъ десятую главу Устава, разбирая ее съ разныхъ сторонъ и опровергая діаконовцевъ, но такъ

же несправедливо и неосновательно, какъ и въ первыхъ пяти пунктахъ [64]).

Кромѣ разсмотрѣннаго, «Собранія» сохранилось еще «Извѣщеніе вкратцѣ отъ божественнаго Писанія», написанное также вѣтковцемъ противъ діаконовцевъ, которое мы относимъ также ко второй четверти XVIII вѣка: съ одной стороны въ немъ упоминается книга «Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе», съ другой—еще была жива память о Тимоѳеѣ Лысенинѣ, основателѣ діаконовщины. Отсюда заключаемъ, что «Извѣщеніе» писано позднѣе 1722 года, хотя еще въ то время, когда живъ былъ Лысенинъ и имѣла значеніе его «книга». Сочиненіе это посвящено другому вопросу, въ которомъ діаконовщина отличалась отъ вѣтковщины, именно—вопросу о формѣ креста Христова.

Сначала здѣсь объясняется, какъ и чѣмъ доказывалъ Лысенинъ истинность четвероконечнаго креста. «Міръ сей крестообразно, по многихъ святыхъ свидѣтельству, сотворенъ: высота, и глубина, и широта, и долгота—образъ креста содержатъ». Затѣмъ, «человѣкъ по образу креста сотворенъ: егда бо руцѣ распростертъ, то явѣ креста образъ покажетъ». Далѣе, «скинія, юже постави Моисей, и на четыре части раздѣли дванадесять племенъ сыновъ Израилевыхъ». Еще, «церковь, святая святыхъ, юже крестообразно Соломонъ созда, во образъ креста Господня прознаменова». Еще, «Даніилъ въ ровѣ, межъ львы, крестообразно руцѣ распростеръ». Еще, «св. апостолъ Андрей егда жидове приведоша его ко кресту, онъ, не поругаяся, поклонився: и тѣмъ жидовъ, ругающихся кресту, посрами... и не тому поклонися, на которомъ его распяти хотяше... но первообразному, на которомъ плотію Христосъ пригвоздися». Подобнымъ образомъ «премѣненіемъ рукъ древле Іаковъ воображаше крестъ, благословляя дѣти». Противъ всѣхъ этихъ соображеній и ссылокъ составитель «Извѣщенія» ведетъ полемику, дѣлая возраженія, но совершенно неосновательныя [65]). Такъ полемизировали вѣтковцы противъ діаконовцевъ!

Но мы можемъ указать нѣкоторыя возраженія и противъ вѣтковцевъ со стороны діаконовцевъ. Такъ, напримѣръ, въ 1746 году стали извѣстны сто вопросовъ діаконовцевъ, о которыхъ объ-

[64]) Рукоп. Кіевской академіи изъ собр. митр. Макарія № Аа, 148 лл. 96—148 обор.

[65]) Рукоп. Кіевской акад. изъ собр. митр. Макарія № Аа. 148, лл. 148 обор.—155.

явилъ діаконовецъ—Григорій Яковлевъ. «Вопросы, во сто пунктовъ,—о каженіи кадиломъ, о кропленіи водою, о крестныхъ образахъ... оные вопросы онъ, Яковлевъ, списывалъ съ готовыхъ вопросовъ у вышедшаго изъ-за границы польской великороссійскаго человѣка Михаила Григорьева, который нынѣ живетъ въ раскольнической слободѣ Еленкѣ; а гдѣ онъ, Григорьевъ, тѣ вопросы взялъ: самъ ли онъ ихъ сочинилъ, или гдѣ списалъ, про то онъ, Яковлевъ, не вѣдаетъ. А по списаніи тѣ его, Григорьевы, вопросы отдалъ ему, Григорьеву, обратно. А списывалъ онъ, Яковлевъ, тѣ вопросы для вѣдѣнія себѣ» [66]). Гдѣ теперь находятся эти «вопросы»—не извѣстно, но во всякомъ случаѣ мы не можемъ не упомянуть о нихъ, такъ какъ они представляли собою возраженія противъ вѣтковцевъ со стороны діаконовцевъ.

Вторымъ сочиненіемъ діаконовцевъ, направленнымъ противъ вѣтковцевъ, мы считаемъ «Книжицу о каженіи». Относимъ написаніе этого сочиненія приблизительно къ нашему періоду потому, что, съ одной стороны, въ немъ цитируется Вѣтковское посланіе въ свободу Избынь, отправленное въ началѣ 1727 года, съ другой упоминается Вылевскій попъ Патрикій, какъ здравствующій, а изъ приписки къ «Книжицѣ» видно, что Патрикій умеръ въ 1757 году.

Что же именно отвѣчали діаконовцы на возраженія вѣтковцевъ? Своему сочиненію авторъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ говорилъ такъ: «Якоже Никонъ, патріархъ Московскій, съ прочими властьми, различно ругаютъ христіанъ за сложеніе перстовъ и за прочая преданія церковныя, тако и друзіи, т. е. вѣтковцы «различно поносятъ православныхъ за крестъ Христовъ, за каженіе». Сказавъ это, авторъ добавлялъ, что онъ намѣренъ «обоихъ», т. е. вѣтковцевъ и «никоніанъ» «непостоянство, отметанія и хулы вкратцѣ извѣстить». Такимъ образомъ, авторъ «Книжицы о каженіи» построяетъ «согласія» вѣтковцевъ съ «никоніанами», насчитывая таковыхъ числомъ 20-ть.

«Согласіе» 1: здѣсь авторъ приводилъ отвѣтъ извѣстнаго Ивана Философа старцу Сергію, въ которомъ Иванъ такъ писалъ о четвероконечномъ крестѣ: «аще іерей рукою не возведетъ, или кадиломъ, то крестообразія не сотворитъ», потому что «образъ креста съ вышняго рога начинается прежде, и отно-

[66]) А. С. С. дѣло 1746 года № 284.

сится до нижняго рога, и съ правыя стороны до лѣвыя продолжается вопреки». При этомъ о способѣ кажденія Иванъ Философъ такъ писалъ: «Азъ бы, ей, радъ стоять» за вѣтковскій способъ, «да неправда будетъ. А они», т. е. діаконовцы «стоятъ право, по Уставу. И я чаялъ, что отецъ Θеодосій», т. е. Вѣтковскій попъ, когда на Вѣтку приходили попъ Димитрій и діаконъ Александръ,—«за обычай увяжется, а не за Уставъ. Инъ не тако у нихъ стало: Уставъ паче оправдали». Вѣтковцы говорили, что четвероконечный крестъ есть «сѣнь крестная», и потому онъ почитанію не подлежитъ. Иванъ Философовъ на это такъ писалъ: «а сѣнь крестная—о каженіи, и во всѣхъ церковныхъ таинствахъ, нами любима есть, сѣнь бо крестная образуетъ самый трисоставный крестъ Христовъ». Затѣмъ, въ первомъ же «согласіи» приводились разныя писанія вѣтковцевъ противъ діаконовцевъ. Такъ, было здѣсь сказано, что въ 1720 году вѣтковцы разослали по слободамъ за печатью монастырскою особое «слово», въ которомъ діаконовцевъ называли «смущенниками діавола, ненавидящими крестъ Христовъ»; въ 1722 году появилось «слово» вѣтковца Θедора Философа, въ которомъ діаконовцы были названы «лжеучителями», а ихъ писанія—«кривосказательною ересью»; въ 1724 году вѣтковцы отправили посланіе въ слободу Корычъ, въ которомъ діаконовское кажденіе было названо «новоумышленнымъ каженіемъ въ два маха»; въ 1725 году вѣтковецъ Іосифъ написалъ, что діаконовское «двукратное каженіе есть еретическое». Всѣми этими историческими справками авторъ «Книжицы» показывалъ, что вѣтковцы были ярыми хульниками діаконовскаго способа кажденія.

«Согласіе» 6: здѣсь разсказывалось, когда и какъ появился у вѣтковцевъ попъ, хульникъ діаконовцевъ, самъ прежде бывшій діаконовцемъ: «прежде съ православномудрствующими пребывалъ, и наученъ былъ отъ св. Писанія, кадилъ правѣ и преки, якоже знаменуетъ крестъ рукою и прочими вещьми, и о хульникахъ онаго крестообразнаго каженія добрѣ познавъ, и хульныя ихъ письма, лживыя на христіанъ, прочитая, свѣдалъ. И о всемъ томъ книга написана отъ православныхъ о крестѣ, и о крестообразномъ каженіи святомъ, и подана за руками отецъ вѣтковскимъ учителемъ; въ той книгѣ и оный священникъ руку приложилъ. А послѣди сего оный попъ возлюби славу и честь свѣта сего, отступилъ отъ крестообразія, творимаго кадиломъ предъ коимждо на клирошанъ, и индѣ

правѣ и преки, и присталъ къ хульникамъ сицеваго каженія святаго, и началъ творити кадиломъ, и крестомъ, и кропиломъ, инако, противно кресту Христову, и христіанъ поносити».

«Согласіе» 7: «вѣтковцы лгуть, аки бы мы хулимъ церковь ихъ: не буди сего и помыслити намъ». Именно, авторъ-діаконовецъ поясняетъ, за что они, діаконовцы, хулятъ вѣтковцевъ. «Церкви гдѣ либо суть, аще и стѣны чувственныя, но въ нихъ мнози святыя иконы суть, и книги въ нихъ же суть божественныя, и мощи святыхъ, и на церквахъ кресты святые: и то все чествуемъ, а не хулимъ». Но церковію аще «нарицается людское собраніе, и аще пѣціи собираются и, лукавнуя, хулятъ святыя вещи церковныя, таковыхъ святохульниковъ мы хулимъ», каковы и суть вѣтковцы.

«Согласіе» 9: въ посланіи въ слободу Корычъ вѣтковцы,—говоритъ авторъ «Книжицы»,—«насъ за святое, крестообразное, каженіе еретиками и раскольниками нарекли, ихъ же сію дерзость безумную священный отецъ» Вѣтковскій «Ѳеодосій зѣло зазираетъ и осуждаетъ въ посланіи своемъ» на Керженецъ. Дѣйствительно, Ѳеодосій, хотя далъ наставленіе попу Димитрію и діакону Александру оставить двукратное кажденіе и кадить по принятому тогда на Вѣткѣ обычаю, но сдѣлалъ это только ради «примиренья» въ средѣ раскола, а двукратное кажденіе не осудилъ: «мы,—писалъ Ѳеодосій,—на тое уставное каженіе вины и пороку не полагаемъ, и не ругаемъ, понеже предано отъ святыхъ отецъ».

«Согласіе» 11: здѣсь авторъ «Книжицы» обращаетъ вниманіе на то, что изъ исторіи Вѣтки извѣстно уже нѣсколько неправильныхъ дѣйствій, отъ которыхъ отказались потомъ сами вѣтковцы; такъ точно слѣдовало бы имъ отказаться и отъ своего способа кажденія. «Вѣтковцы прежде пѣли завомо хомонное пѣніе; у нихъ же было въ крещеніи, послѣди трехъ погруженій отъ никоніанъ, паки погружали. А потомъ, разсмотря по Писанію, отложили оное пѣніе, не согласное святымъ книгамъ, и во второе уже не погружаютъ крещенныхъ въ три погруженія. Добрѣ тако разсудивше. Тако бы имъ подобало праведно разсудить и обычное каженіе, и кропленіе... Аще бо что и было прежде по невѣдѣнію, и то въ ересь не полагаютъ святіи: забвенье и недоумѣніе надъ всѣми хвалится, но зло упорство и хула на познанную правду церковную».

«Согласіе» 13: здѣсь говорится о томъ, какую «вину» положили вѣтковцы за пріемъ діаконовскаго попа. «Вѣтковскіе

учители по слободамъ разослали» извѣщеніе, «дабы въ домы своя не пускали такого священника, который, по Писанію, творитъ правѣ и преки крестъ кадиломъ. А кто пуститъ сотворити что: крестины, или молебенъ отпѣть, и ино что, на таковаго вину папскую наложили—10 талеровъ. Мнятся убо христіане быти, а за правду церковную различно гонятъ и ругаютъ православныхъ».

«Согласіе» 14: діаконовцы два раза подавали вѣтковцамъ писанія въ защиту своего способа кажденія, но вѣтковцы свидѣтельства діаконовцевъ оставили безъ вниманія. «О крестообразіи, еже творятъ священніи крестъ кадиломъ, согласно же и прочими вещьми, тридесять свидѣтельствъ, а во вторые вкратцѣ дванадесять свидѣтельствъ подаде священный отецъ Патрикій на увѣщаніе вѣтковскимъ учителемъ, отъ Устава божественныхъ отецъ восточныхъ, и отъ прочихъ святыхъ Писаній, имъ же больше 1000 лѣтъ, отнележе написаша святіи, како сами творили, тако и церкви святой предали творити». Вѣтковцы на эти писанія отвѣта не дали.

«Согласіе» 18: здѣсь говорится, что «вѣтковскимъ учителемъ отвѣты подаде священный отецъ Патрикій, съ прочими отцы, сего ради: понеже тіи вѣтковцы многія разсылали письма, порицая крестообразное святое каженіе новоумышленнымъ, и двомахами оболгали, и ины многи лжи писали; а христіанъ, православномудрствующихъ о крестѣ Христовѣ и о знаменіи его, и любящихъ крестъ Христовъ въ каженіи, и кропленіи, и въ знаменованіи крестномъ, таковыхъ еретиками и развратниками оклеветали. Сего ради писаша къ нимъ съ любовію и молебно, и дабы како учинити соединеніе и миръ, и да объявятъ на письмѣ къ нимъ: кую вѣдаютъ ересь, или ину вину. Они же отвѣту на письмѣ ни единыя строки не дали о томъ» [67]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что діаконовцы отстаивали свои мнѣнія серьезно и гораздо основательнѣе, чѣмъ оправдывались вѣтковцы. Совершенно справедливо говорили діаконовцы и то, что вѣтковцы, хотя и говорили, что они «оберегаются нововводства», разумѣя подъ послѣдними «новшества никоніанскія», но сами «многимъ разногласіемъ и многими раздоры въ горшая впадаютъ» *).

П. Смирновъ.

---

[67]) Рукоп. Кіевской акад. № 0. 8°. 41.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Миссіонерскія радости.

По Японіи. Изъ поѣздки въ Маебаси и Такасаки.

3-го января, въ субботу, я получилъ возможность исполнить настоящую просьбу христіанъ въ городахъ Маебаси и Такасаки и, прибывъ къ нимъ, вмѣстѣ съ ними провелъ нѣсколько незабвенныхъ дней.

Недалека дорга,—часа три ѣзды поѣздомъ. Недолгое путешествіе,—всего оно заняло пять дней. Невелики были поэтому и сборы мои. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, пришелъ къ Владыкѣ за инструкціями и совѣтами. „Теплѣе одѣвайтесь! А въ остальномъ—Духъ Святый научитъ васъ всему"... Неспокойно спалось ночью: безпокоила мысль, какъ бы не проспать. Но вотъ уже 6 ч. утра. Наскоро напились съ ректоромъ Семинаріи Ив. Ак. Сэнума чаю, и напутствуемые благопожеланіями и благословеніями Владыки, усѣлись въ „дзинрикися". Съ неба посылали намъ привѣтъ еще свѣтившія звѣзды. На колокольнѣ нашего Суругадая раздавался тризвонъ къ субботней Литургіи.

На росписаніяхъ поѣздовъ въ Японіи вы напрасно стали бы искать ст. *Тоокёо.* Такой станціи нѣтъ. Всѣ же тоокёйскія станціи носятъ названія той мѣстности, въ которой онѣ находятся. Такъ, есть ст. *Симбаси,*—для поѣздовъ на югъ отъ Тоокёо, ст. *Реогоку,*—для поѣздовъ на востокъ отъ Тоокёо, ст. *Уэно,*—для поѣздовъ на западъ и главнымъ образомъ на сѣверъ отъ Тоокёо, и ст. *Иидамаци,*—для поѣздовъ на западъ отъ Тоокёо. Намъ нужно было садиться на ст. Уэно. Въ 6 ч. 40 м. у., безъ всякихъ предварительныхъ звонковъ, раздался довольно пронзительный свистокъ, и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы двинулись на дѣланіе на Христовой нивѣ.

Утромъ разсвѣтаетъ здѣсь столь же быстро, сколь быстро темнѣетъ вечеромъ. Не заставилъ себя долго ждать разсвѣтъ и теперь. Вотъ зарумянилось небо. Все ярче и ярче становилась окраска его восточнаго склона. Красиво блещутъ своими золотистыми верхушками, закрывающія этого царя природы, облака. Но имъ ли спорить съ нимъ?! Могуче выкатывается свѣтило на ясный просторъ. И удержанное на время облаками, тѣмъ великолѣпнѣе свѣтитъ оно теперь міру.

Не избалованъ я красотами природы! Не награждаетъ насъ ими довольно-таки унылый сѣверъ. И здѣсь невольно восхищаешься каждой новостью! Летитъ поѣздъ къ западу. Далеко налѣво, все болѣе и болѣе оставаясь позади, подняла къ небу свой правильный конусъ Фудзи-санъ. Великолѣпна эта гора—гордость Японіи въ своемъ снѣжномъ уборѣ, когда на общемъ блестящемъ фонѣ, за десятки верстъ, рѣзко выдѣляются всѣ ея впадины своими тѣневыми цвѣтами. Но освѣщенная утреннимъ солнцемъ, Фудзи-санъ предстала сегодня предъ нами въ своемъ розоватомъ одѣяніи. Розоватыя же вершины тѣхъ хребтовъ, кои, нагроможденные одинъ на другой, виднѣются около Фудзи-санъ, еще болѣе великолѣпія придаютъ всей этой волшебной картинѣ.

Однако,—летитъ поѣздъ, летитъ и время! Солнышко поднимается все выше и выше, и, къ сожалѣнію, блѣднѣютъ на горахъ краски, и мы въ концѣ-концовъ видимъ предъ собою лишь знакомый бѣлоснѣжный конусъ!

Направо и налѣво,—поля, поля и поля! Но теперь они покрыты тонкимъ льдомъ: мы въѣхали въ „небывалые“ холода,—Реомюръ показывалъ — 4°. Кой-гдѣ виднѣется еще выпавшій 28 декабря и не успѣвшій растаять снѣгъ. Среди облетѣвшихъ деревьевъ привѣтливо выглядываетъ зеленѣющій бамбукъ; много жизни въ соснахъ, криптомеріяхъ; а этотъ заборъ изъ земныхъ лиственныхъ деревьевъ, подернутый на верху, точно бордюромъ, молодыми, ярко-красными побѣгами невольно напоминаетъ русскую раннюю весну. А мы ѣдемъ вѣдь въ самую суровую здѣсь зиму. Но вотъ, на огородѣ женщина таскаетъ изъ гряды рѣдьку. Этимъ картина зимней обстановки вполнѣ была дополнена.

Въ Японіи есть обычай довольно подробно рекомендовать новаго человѣка собравшемуся обществу. На этотъ случай и мой спутникъ пожелалъ узнать мою жизнь въ деталяхъ. И долго, проѣзжая среди этихъ красотъ природы, видя

жизнь, ключомъ бьющую весь годъ, не исключая и зимы, долго я вспоминалъ и разсказывалъ и дѣтство свое золотое, и юность бодрую, веселую; и служебные годы свои. Факты, событія,—всѣ они воскрешали въ моей памяти и новгородскіе лихи и болота, и дремучіе лѣса; и суровыя зимы, и весеннюю и осеннюю непролазную грязь; и зимній сезонъ крестьянской спячки. Ужъ слишкомъ рѣзскій контрастъ. Одно тамъ, другое здѣсь... И невольно подъ давленіемъ этихъ противоположныхъ воспоминаній и переживаній, задавался я вопросомъ: уже не здѣсь ли начало разгадки многихъ событій историческихъ.

Однако, мои размышленія скоро были прерваны. Ст. *Симмаци*—по-русски „Новъ городъ". Мы только что начали шутить по поводу того, что я-де пріѣхалъ въ Новгородію,—какъ въ вагонъ пришелъ начальникъ станціи со справкой: „ѣду ли я",—то христіане изъ Маебаси запрашивали сюда по телеграфу. Таково ихъ нетерпѣливое ожиданіе; и чувствуя въ немъ нѣчто большее, чѣмъ простое любопытство, я невольно углубился въ другія думы. И просилъ Господа Бога быть со мною при моемъ общеніи съ христіанами. Вотъ—городъ Такасаки... На станціи привѣтствуютъ меня батюшка о. Іоаннъ Оно съ катихизаторомъ. Батюшка ѣдетъ со мною до Маебаси. Промелькнули 6 миль, раздѣляющія эти два города. И около 10 ч. утра, проѣхавъ 69 миль, мы прибыли къ своей цѣли.

Маебаси.

Маебаси—главный городъ провинціи Гумма, съ населеніемъ около 40—50 тысячъ. Сдѣлавшись административнымъ центромъ и сосредоточивъ въ себѣ міръ чиновный, онъ, однако, уступилъ своему сосѣду—Такасаки въ торговомъ отношеніи.

На станціи меня встрѣчали представители христіанъ—старосты, человѣкъ 10; во главѣ ихъ стоялъ въ черной русской рясѣ, съ золотымъ кабинетскимъ крестомъ на груди, мѣстный священникъ о. Павелъ Морита. Язычники съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на нашу встрѣчу. Но любопытство ихъ перешло въ удивленіе, когда начальникъ станціи почтительно провожалъ насъ по платформѣ, а кондуктора отдавали намъ честь. Подчиняясь на мѣстѣ со-

ставленному плану, я прошелъ прежде всего въ домъ начальника станціи Уме Тароо Нагара. Онъ *еще* не христіанинъ. Говорю: „еще“, потому что глубоко вѣрю, что его многолюбящая и благочестиво настроенная душа скоро найдетъ Христа. Но жена его Мареа Нагара уже давняя христіанка (изъ Сендая). Замѣчательна исторія этой женщины! Она тяжко болѣла въ продолженіе 17 лѣтъ. Положеніе ея становилось безнадежнымъ. Доктора отказывались отъ всякихъ надеждъ. Благочестивая Мареа пожелала „особороваться“. Надъ нею было совершенно таинство Елеосвященія, и послѣ него она настолько оправилась, что могла уѣхать въ Сендай на родину, откуда черезъ мѣсяцъ возвратилась совершенно здоровой. Появленіе Мареы въ городѣ уже здоровой было большимъ событіемъ, и о немъ много писали мѣстныя газеты. Сама же Мареа глубоко вѣритъ, что помощь она получила отъ соборованія и ея убѣжденіе весьма повліяло и на мужа. И недалекъ онъ уже отъ Царствія Божія!.

Передъ св: иконами теплится лампадка. Горятъ на трехсвѣчникѣ свѣчи. Изъ маленькой кадильницы (въ видѣ чашечки; употребляются и у буддистовъ) курится фиміамъ. Домъ наполнился встрѣчавшими меня христіанами. И горячо неслась къ Богу недолгая молитва наша... Хотѣлось послѣ молитвы пожелать чего-нибудь хозяевамъ... И я пожелалъ хозяину поскорѣе стать христіаниномъ, объединиться съ нами и съ женою въ молитвахъ; и благословилъ его на начало добраго пути. Батюшка поспѣшилъ въ „Кайдоо“—въ церковный домъ; а мы нѣсколько минутъ провели въ пріятной бесѣдѣ, принимая радушное угощеніе хозяевъ.

Однако,—время ѣхать. Усѣлись на „дзинрикися“. И довольно длиннымъ поѣздомъ направились къ церковному дому. Появленіе длинныхъ волосъ въ провинціальномъ, хотя и губернскомъ, городѣ было событіемъ, и подъ выстрѣлами сотенъ паръ не только дѣтскихъ глазъ я проѣзжалъ по узкимъ улицамъ. Минутъ 10—15 ѣзды,—не болѣе, и мы останавливаемся у воротъ „Кайдоо“.

Церковный домъ стоитъ въ глуби довольно обширнаго двора-сада. Къ нему ведетъ отъ наружныхъ воротъ прямая дорога-аллея. Въ воротахъ изъ вѣтокъ хвойныхъ деревьевъ, свитыхъ въ густыя гирлянды, устроена прекрасная арка, на верху которой мелкими желтыми плодами изображена славянская надпись: „желанный“... Въ воротахъ—батюшка въ

парчевой ризѣ, съ св. крестомъ на блюдѣ и катихизаторъ въ стихарѣ; на улицѣ—большая толпа любопытствующихъ; вдоль дороги-аллеи, до церковнаго дома, христіане всѣхъ возрастовъ въ праздничныхъ нарядахъ. Солнышко привѣтливо ласкаетъ эту Христову семью. При пѣніи „Достойно есть“ (конечно, по японски) я прошелъ въ Церковь, гдѣ о. Павелъ Морита немедленно же началъ благодарственный молебенъ. Призвавъ на свое вступленіе въ Церковь Маебаси Божіе благословеніе, и видя христіанъ, за мой приходъ къ нимъ Бога благодарящихъ, я не умолчалъ и сказалъ имъ краткій привѣтъ: „Мы, братья, только что переживали воспоминанія событій дѣтства Христа Спасителя. Еще подъ сводами св. Храмовъ какъ бы продолжаетъ звучать ангельское благовѣстіе мира: Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“... И будетъ оно продолжаться въ св. Церквахъ за каждой почти службой...—Между тѣмъ,—что мы видимъ около себя?—Вотъ готовы ринуться въ бой между собою народы, и народы христіанскіе. Вотъ готовятся ввести въ жизнь въ другомъ концѣ свѣта законы,—законы, миру не служащіе. Вотъ во дни св. воспоминаній раздаются стоны ужаса, вопли раненыхъ, видятся слезы сиротъ въ благословенной Италіи. Ссоры, вражды, раздѣленія; и даже болѣе—убійства, грабежи, разбои всюду и въ семьяхъ, и въ обществахъ...—И невольно задаешься вопросомъ: воспѣтъ миръ, а видимъ всюду вражду,—какъ это понять? Что за неожиданность?..

Братья! Ничего неожиданнаго здѣсь нѣтъ! Вотъ,—на поляхъ виѳлеемскихъ еще не замерли чудные аккорды ангельскаго пѣснопѣнія,—а Иродъ уже „мятется“ и скоро тѣ же виѳлеемскія поля оглашаются плачемъ безутѣшныхъ матерей... Не пророчественное ли здѣсь указаніе нашихъ будущихъ судебъ?.. А тогда настойчиво сердце требуетъ отвѣта: да гдѣ же этотъ *миръ*, ангелами воспѣтый? Въ самомъ дѣлѣ,—*гдѣ онъ?*

Отвѣтъ какъ будто труденъ, а на самомъ дѣлѣ такъ онъ простъ! Рождались великіе полководцы міра,—ангелы не встрѣтили ихъ пѣснями о мирѣ. Во дворцахъ смѣнялись Императоры,—ни одинъ изъ нихъ не былъ привѣтствованъ этимъ небеснымъ гимномъ! Являлись великіе законодатели, они упорядочивали жизнь человѣка;—но и они не вызвали небеснаго привѣта... Но вотъ, рождается Младенецъ-Христосъ,—и поля оглашаются чудными ангельскими пѣснями... А если такъ,—гдѣ же *миръ?*

Да—конечно—у Христа! И только—у Него, около Него, у тѣхъ, кто носитъ въ себѣ духъ Его! Враждуютъ народы,—плохіе они—значитъ—христіане! Враждуютъ общества, классы, семьи, отдѣльныя лица,—не прониклись они—значитъ—*духомъ* Христовымъ, нося имя Христово! Раздаются тамъ и здѣсь вопли отчаянія среди напастей жизни,—нѣтъ у сихъ людей—значитъ—Христа, какъ благого Распорядителя ихъ жизни. Печально все это? Скорбно? Но Самъ Христосъ говорилъ, что Сынъ человѣческій, снова придя, найдетъ глубокое паденіе вѣры въ Него и—конечно—каждому воздастъ по дѣламъ его.

Итакъ, братья, *миръ есть*, но его нужно искать, и ищите только у Христа! Васъ Христосъ призвалъ къ Себѣ, призвавъ изъ среды многомилліонной массы язычества. Припадите же въ эти дни священныхъ воспоминаній къ яслямъ Спасителя, и прислушайтесь, что скажетъ вамъ Младенецъ—Царь мира. Возьмите въ руки Его Св. Евангеліе, и укладывайте каждое слово Его въ сердцѣ своемъ. Устройте свою жизнь такъ, какъ скажетъ вамъ черезъ Св. Евангеліе Младенецъ—Царь мира. Словомъ,—сдѣлайтесь христіанами не по имени только, а и по душѣ!

И вы тогда *почувствуете* тотъ благодатный *миръ*, который напрасно *внѣ Христа* ищетъ человѣчество. Какъ яркій свѣтильникъ, вы будете свѣтить тогда своею мирною жизнью среди царящей вокругъ злобы и вражды. Какъ благовонный цвѣтокъ, вы рѣзко будете выдѣляться изъ всѣхъ и привлекать къ себѣ жаждущія свѣжаго воздуха души. А есть они и въ язычествѣ!..

Пусть лежатъ въ грязи тѣ, для коихъ грязь—своя обстановка. Но это не люди! Пусть ходятъ запачканными въ грязи другіе,—они быть можетъ не видали чистыхъ людей! Богъ васъ избралъ изъ многихъ! Будьте же чисты, какъ кристаллъ! Не скверните, не пачкайте себя никакою злобою! И тогда,—глядя на дышащія миромъ христіанскія общины, и враги наши должны будутъ воспѣть: „на землѣ миръ“ есть!

Объ этомъ, и—сколько помнится—такъ я говорилъ. Потомъ—всѣхъ по очереди благословилъ, и такъ какъ настало уже урочное время японскихъ обѣдовъ,—въ квартирѣ о. Павла, въ этомъ же церковномъ домѣ нашелъ себѣ и пріютъ, и трапезу.

Во время трапезы обсуждался планъ моей работы въ

Маебаси, и такъ какъ церковь здѣсь не малая [57 домовъ, 272 человѣка], а всѣхъ христіанъ хотѣлось посѣтить въ ихъ домахъ, то съ часу дня мы и поѣхали на „дзинрикисѣ“ по городу. Морозецъ держался, но свѣтило и солнышко; и было достаточно тепло въ тепломъ подрясникѣ и комнатной рясѣ. Батюшка и катихизаторъ сопровождали меня.

Вотъ мы въ домѣ Спиридона Фукасава,—одинъ изъ старостъ, наиболѣе живой членъ общины; здѣсь остановились мой спутникъ, и пріѣхавшіе для служенія изъ Тоокёо діаконъ и иподіаконъ. На краткомъ молебнѣ стоитъ предо мною 25 человѣкъ, представители трехъ поколѣній. Это ли не домашняя церковь! И я много говорилъ о томъ, чтобы сія домашняя церковь, вдохновляемая Христовою любовію, ярко свѣтила своею доброю жизнью для окружающаго ее міра языческаго. Домъ регента Павла Оонума,—я говорилъ о той милости Божіей, которая дала ему возможность войти въ дѣло ангеловъ на небѣ; и напоминая, что чтецы и пѣвцы— уста общины молящейся, просилъ и регента, и катихизатора продолжать быть хорошими устами церкви. Въ домѣ старосты Іоанна Окаяма говорилъ я о томъ, что старосты не только хозяйствомъ церковнымъ должны вѣдать; но и о духовномъ ростѣ своей общины промышлять: падающихъ— поднимать, колеблющихся—поддерживать, дремлющихъ—будить, все живое соединять въ крѣпкую семью... Вотъ мы въ великолѣпномъ чертогѣ... Хозяинъ Петръ Такаку—главный завѣдующій знаменитымъ здѣшнимъ шелковымъ производствомъ. Въ его палатахъ останавливаются Императорскіе Принцы во время своихъ путешествій. При видѣ этихъ чертоговъ невольно говорилось о томъ, чтобы рабъ Божій Петръ особенно заботился въ душѣ своей уготовать чертогъ для Господа... Малюткамъ Петра Фунацу говорю о необходимости и пользѣ много и усердно трудиться и учиться. Учителю народной школы Неофиту Като напоминаю, какъ онъ своею жизнію, своею душею безъ словъ можетъ вѣщать впечатлительнымъ дѣтямъ, насколько благъ Христосъ. Григорій Такахаси... Благочестивѣйшій человѣкъ... Не особенно богатъ, но всегда первый отзывается на всякую церковную и братскую нужду. И я повторялъ лишь его внутреннія переживанія, когда говорилъ о сладости работы для Христа! Іоаннъ Кимура,—его родной братъ священникомъ на Кюу-

сію. Онъ знаетъ, насколько священникъ нуждается въ помощи энергичныхъ старостъ и поэтому я призываю его къ доброй работѣ. У Якова Наказима стоитъ на молебнѣ 14 человѣкъ! Я говорю этой домашней церкви о любви, какъ той примѣтѣ, по которой истиннаго ученика Христова нужно узнавать (Іо. XIII. 35) и призываю ихъ къ жизни по любви Христовой.—Авраамъ Ватанабе прежде велъ широко торговыя дѣла (шелкъ); но нынче его благополучіе поколебалось. Какъ не сказать было о томъ, что Господь даетъ каждому то, что ему для души полезно; какъ не утѣшить было его надеждою, что Тотъ, Который беретъ, можетъ столь же скоро и легко и опять дать, если человѣкъ не оскорбитъ Его своимъ ропотомъ и маловѣріемъ! Мы въ домѣ Акилы Кувазима... Хозяйка—душа христіанскихъ женщинъ, ихъ т. ск. „староста". И долго я говорилъ о жизни женщины, этой живой носительницы семейныхъ традицій и религіозныхъ вѣрованій; о долгѣ женщинъ-христіанокъ нести Христа и въ души своихъ знакомыхъ, а часто и родственныхъ язычницъ. Съ глубокимъ вниманіемъ слушала меня раба Божія... Ея жизнь—говорила она—была несчастна и теперь всю себя она отдаетъ Христу и Его дѣлу... И не слова это были!... По крайней мѣрѣ, когда я всталъ для послѣдняго благословенія, ея душа сказалась сколь неожиданно, столь же ясно: она бросилась къ моимъ ногамъ и начала цѣловать ихъ, и никакія усилія не могли остановить ее!.. Провожаемый благодарными слезами за посѣщеніе и наставленіе, ушелъ я. Но этотъ порывъ благочестивой христіанки, эти ея слезы и теперь еще жгутъ меня... И понудительно говорятъ мнѣ: *къ кому* удостоилъ меня Господь пріѣхать, и чѣмъ, какъ не самоотверженной работой, я могу Ему воздать!..—Посѣтили дома Петра Хасебе, Давида Мацумото... Въ домѣ Петра Каммури только что схоронили пятнадцатилѣтнюю дочь: напомнилъ я плачущимъ, что Господь жнетъ спѣлую пшеницу, и что не людямъ со своими планами вмѣшиваться въ планы Божіи. Молясь объ усопшей, родители должны сосредоточить теперь свою любовь на здравствующихъ дѣткахъ, и беречь ихъ здоровье, какъ зѣницу ока. У Ноя Кувадзима на молебнѣ стоитъ 12 человѣкъ, и всѣ съ возженными свѣчами... Ярко горятъ свѣчечки! Свѣтло въ комнатѣ стало! И я говорилъ о жизни христіанъ, которая должна свѣтить столь же ярко и столь же мощно разгонять около себя тьму

и мракъ (а дѣло было уже къ вечеру...). Домомъ благочестивѣйшаго Мартиніана Тоомія мы и закончили сегодняшнее посѣщеніе христіанъ.

Побывали до 6 часовъ вечера въ 17 домахъ... Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ молились вмѣстѣ дома или родственные, или слишкомъ далекіе: такъ было сдѣлано для того, чтобы всѣ могли получить мое наставленіе и благословеніе (посѣтить всѣ дома не было бы времени). Въ каждомъ домѣ мы помолились. Предъ св. иконами — лампадки, или свѣчи, всюду—ладонъ... Со всѣми я побесѣдовалъ. Всѣхъ я благословилъ...

А сколько радости при входѣ! А сколько любви въ непремѣнныхъ скромныхъ угощеніяхъ!.. Сердце не позволяло кого-либо оскорбить отказомъ!..—Но любовь христіанъ не только провожала насъ при выходѣ изъ дому: она слѣдовала за нами по пятамъ!.. И возвратившись въ Кайдоо мы здѣсь нашли и фрукты, и печенья, и даже яства — суси!.. Да! *Прекрасные* здѣсь христіане! Имѣя такую здоровую основу, такой здоровый корень, можно въ Маебаси, помощью Божіей, воздвигнуть прекрасное зданіе, вырастить вѣтвистое дерево!

Ровно въ 7 час. зажглись лампадки и свѣчи въ церкви и началось всенощное бдѣніе... Полная церковь молящихся, старательное и довольно успѣшное пѣніе хора, пережитыя среди христіанъ минуты,—все это особенно подвигало душу на бесѣду съ Господомъ. Проповѣдь послѣ службы говорилъ катихизаторъ изъ г. Уэно—Судзуки.—Преподавъ всѣмъ общее благословеніе, я отпустилъ христіанъ въ свои дома.

Послѣ службы ко мнѣ зашли представиться и побесѣдовать всѣ катихизаторы прихода о. Павла: мѣстный Илія Сато, изъ Уэно—Пав. Судзуки, изъ Гокане—Пав. Теразима, изъ Асикага—Ал. Мурокоси. Пригласилъ я сюда же и представившагося мнѣ англиканскаго миссіонера-японца. Долго мы бесѣдовали за стаканомъ чаю! Прощаясь, англиканинъ сказалъ: „я одинаково чту и своего священника и вашего о. Павла; и своего епископа, и васъ"... Благословляя его, и я ему сказалъ, что глубоко вѣрю, что тѣ, которые откололись отъ насъ (—мы ни отъ кого не откалывались), по силѣ церковной молитвы, снова соединятся въ единое стадо съ нами; и глубоко убѣжденъ, что англиканская церковь скорѣе другихъ подастъ намъ руку общенія: любовное отношеніе къ намъ ея представителей,—хорошее знаменіе желаннаго будущаго.

Подъ впечатлѣніемъ полнаго содержаніемъ дня я ушелъ въ комнатку на второмъ этажѣ, отведенную мнѣ для ночлега. И уже далеко за полночь удалось мнѣ лечь на отдыхъ. Твердая японская подушка-валикъ, толстое японское одѣяло въ видѣ громаднаго халата съ воротомъ и рукавами, бумажныя ширмы съ трехъ сторонъ, вмѣсто стѣнъ; наконецъ, просвѣчивающіяся щели;—все это было для меня новостью! И однако, тепла было достаточно для того, чтобы спать здоровымъ сномъ. Пѣніе же пѣтуховъ среди ночи по всему городу вносило и нѣкоторое разнообразіе!

Такъ прошло 16 (3) января. Новое впечатлѣніе отъ каждой проѣханной мили, отъ каждаго встрѣченнаго человѣка, отъ каждаго пережитаго часа; впечатлѣніе бодрящее, къ жизни впередъ зовущее! Благодареніе же Господу, изъ атмосферы сѣрыхъ будней приведшему меня на этотъ ликующій, сіяющій день Христовъ!

Воскресенье, 4 (17) января. Съ самаго ранняго утра солнышко свѣтило ярко; очень скоро оттаяла земля и начали таять остатки снѣга. На дворѣ церковномъ и въ Церкви постоянныя хлопоты: приготовляются къ первой въ Маебаси архіерейской службѣ. За полчаса до службы и я спустился внизъ. Потянулись ко мнѣ за благословеніемъ христіане: одни благодарятъ за вчерашнее посѣщеніе, другіе представляются... Но вотъ на спинѣ несетъ молодой человѣкъ паралличнаго старца и спускаетъ его у моихъ ногъ... Сколько было радости у сего страдальца (Іосифъ Сайто), когда я благословилъ его! Съ какимъ восторгомъ на лицѣ онъ продолжалъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, умиленно глядя на меня!..

Къ 10 часамъ все въ Церкви было готово, и я по маленькому колокольчику пошелъ въ Церковь. Даже кафедру устроили,—удивился я... Но каково же было мое удивленіе, когда кафедра неожиданно оказалась мягкой! Оказывается,—христіане сложили квадратомъ свои „футонъ“'ы (подушки подъ ноги, для сидѣнья на полу) и прикрыли ихъ ковромъ! Церковь была полна молящимися. Пѣли очень хорошо, не исключая и „εις πολλα“ на женскихъ голосахъ. Проповѣдь сказалъ ректоръ Семинаріи Ив. Ак. Сэнума: меня берегли къ дневной бесѣдѣ съ язычниками.

По окончаніи Литургіи всѣ христіане приложились ко св. кресту и до 2-хъ часовъ ушли по домамъ. Пообѣдавъ вполнѣ

по-японски (а нужно замѣтить, что хорошо приготовленный японскій обѣдъ куда вкуснѣе плохо приготовленнаго европейскаго; а такъ какъ... словомъ: японскому обѣду бываешь радъ!) и я ушелъ въ свою клѣтушку на второй этажъ. Раздвинулъ бумажныя ширмы. Лучи солнышка ворвались въ комнатку и быстро нагрѣли ее... И вотъ здѣсь-то, подъ теплыми лучами солнышка, обдумывалъ я окончательно бесѣду свою!..—Приближался часъ моей бесѣды... Все идетъ и идетъ народъ... Вотъ у самыхъ воротъ сняли шапки... Эти не чувствуютъ себя здѣсь дома: это—навѣрняка—язычники! Вотъ парами пришли болѣе 40 дѣвицъ какого-то средняго учебнаго заведенія.. Вотъ язычники въ европейской одеждѣ,—это вѣроятно людъ чиновный, какіе-нибудь „начальства"!.. Высокая фигура американца-миссіонера, двѣ дѣвочки-подростка съ нимъ; еще какой-то миссіонеръ-протестантъ... Всѣ эти люди спѣшатъ въ нашъ церковный домъ. Что ихъ влечетъ послушать проповѣдь пріѣзжаго православнаго епископа? Недовольство пустотою жизни внѣ Христа? Или простое любопытство? Сознаніе величія проповѣдуемаго Христа? Или желаніе лишь провести время? Однако, лица у всѣхъ серьезныя. Всѣ идутъ какъ-то озабоченно. И невольно тревожно забилось сердце мое. Идутъ, ожидаютъ отъ тебя быть можетъ отвѣта на запросы души... Неужели не дамъ?.. Спѣшатъ къ тебѣ за желаннымъ словомъ... Неужели уйдутъ въ разочарованіи?.. Близилось время бесѣды,—тревожнѣе билось сердце мое!.. Сознаюсь,—въ Россіи не переживалъ я такихъ волненій и въ сотой степени! Напряженно работаетъ голова, поднимая откуда-то изъ глубины новые доводы, новыя мысли... Неожиданно предъ сознаніемъ встаютъ положенія, которыя такъ ясны теперь, но которыя доселѣ почему-то не приходили въ голову!.. Мысли тутъ же облекаются въ наиболѣе убѣдительную, но и возможно изящную форму... Заходятъ люди... Спрашиваютъ тебя... Ты что-то говоришь имъ... Но твое сознаніе ясно только на одномъ пунктѣ... И пунктъ этотъ—предметъ бесѣды... Однако,—вотъ уже и урочное время... Меня приглашаютъ... Перенесъ я себя, сколько могъ оторваться отъ земли, предъ очи Всемогущаго Бога, и у Него просилъ себѣ помощи на дѣланіе мое на нивѣ, столь—видимо—жаждущей благотворной влаги!

Въ церковномъ домѣ поснимали уже всѣ ширмы. И все же—всюду полно! Тутъ и рядовые горожане-язычники, тутъ

и члены Городского Управленія! Вотъ сидитъ директоръ учительской Семинаріи, а вотъ и г. Секигуци, членъ Парламента отъ Маебаси! Рядами, чинно сидятъ дѣвицы; на стульяхъ разсажены американцы... Поражаетъ преобладаніе мужчинъ... Полностью отсутствуютъ дѣти, не всегда помогающія проповѣднику... И все еще идутъ и идутъ! Христіане, какъ гостепріимные хозяева, встрѣчаютъ посѣтителей и каждаго провожаютъ на его мѣсто: потѣснятся сосѣди,—смотришь— и помѣстился человѣкъ... Особенно хлопочетъ дѣдушка Спиридонъ Фукасава, у котораго въ городѣ столько связей и столько знакомствъ... Собралось, по счету христіанъ, не менѣе 300 язычниковъ. Это ли не нива??? Христіане же толпились позади церкви...

Запѣли пѣвчіе молитву „Царю Небесный“... Язычники сидѣли... О. Павелъ Морита говоритъ вступительную рѣчь, въ коей—по мѣстному обычаю—сообщаетъ собравшимся свѣдѣнія обо мнѣ... Запѣли — „Отче нашъ“—конечно — все по-японски!.. „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“..,— молилось въ это время сердце Господу, чтобы *днесь* Онъ черезъ мою немощь далъ насущный хлѣбъ и сей, сѣдящей сейчасъ въ ожиданіи хлѣба, народной массѣ!..—При гробовомъ молчаніи собравшихся я началъ свою рѣчь...

И говорилъ я о землѣ, прекрасной въ разнообразіи своихъ горъ, морей, заливовъ, рѣкъ, въ разнообразіи своей чудной растительности; говорилъ я о множествѣ наполняющихъ ее организмовъ... Говорилъ я объ этомъ величественномъ звѣздномъ мірѣ съ его центромъ—солнцемъ. Переносилъ мысль слушателей отъ этого солнца къ возможному, но невѣдомому намъ иному солнцу... (ср. Еп. Ѳеофанъ, на 20 ст. 1 гл. Римл.). Ставилъ я все это величіе, все это великолѣпіе, всю эту разумность видимаго міра предъ сознаніемъ своихъ слушателей и задалъ имъ вопросъ: гдѣ причина того, что все это *есть*? Другими словами—*Кто* причина всего этого? Не случай (ибо это было бы чудомъ, не меньше Бога), *а Богъ*,— вотъ кто причина всего великолѣпнаго разнообразія природы!—Сказавъ затѣмъ о Богѣ нашемъ, Который былъ уже тогда, когда не было ни міра, ни времени (о Богѣ вѣчномъ); о Богѣ нашемъ, Который въ Божественной мысли Своей носилъ этотъ чудный планъ великолѣпнаго міра (о Богѣ личномъ); о Богѣ нашемъ, Который, будучи вѣчнымъ, можетъ быть только духомъ, ибо матерія невѣчна;—я сказалъ

далѣе, что какъ природа и наука не знаютъ двухъ предметовъ равныхъ, такъ не можетъ быть и двухъ боговъ равныхъ: одинъ изъ нихъ непремѣнно будетъ меньше другого, а потому—не будетъ богомъ; поэтому мы знаемъ не много боговъ, а *Единаго Бога*, явившаго Себя роду человѣческому въ Трехъ Лицахъ—Отца, Сына и Св. Духа...

Единый, вѣчный, безсмертный, духъ—Богъ сотворилъ все, что только есть и на землѣ, и во всемъ мірѣ. Изложилъ далѣе возможно подробно и ясно исторію міротворенія по Библіи въ ея постепенности, и указавъ на поражающее сходство новѣйшихъ научныхъ данныхъ съ древнимъ Моисеевымъ сказаніемъ о міротвореніи, я особенно подробно изложилъ твореніе человѣка. „Дыханіе жизни" человѣкъ получилъ непосредственно отъ Творца безсмертнаго, и оно—это дыханіе жизни, эта человѣческая душа—тоже безсмертна и, тоскуя по Богѣ, влечетъ человѣка къ небу.

Кратко сказалъ о райскихъ дняхъ, о несчастномъ паденіи перваго человѣка, о размноженіи грѣшнаго человѣчества по всему лицу земному.

Необходимо было возсоздать прежняго *добраго* человѣка. И вотъ премудрость Божія благоволитъ, чтобы Божество воплотилось въ человѣчество... Рожденный отъ Дѣвы Маріи Іисусъ и былъ симъ и Богомъ и Человѣкомъ,—былъ Богочеловѣкомъ! Онъ Своею жизнью, во всемъ исполняя волю Божію, научилъ и показалъ, какъ люди должны и могутъ жить по-божьему; а Своею смертью Онъ удовлетворилъ оскорбленную правду Божію... Всѣ, вѣрующіе въ Сего Богочеловѣка Іисуса, и есть *новые люди*, живущіе по волѣ Божіей, а не своей. Ихъ-то мы и называемъ христіанами!

На вопросъ: чему училъ Христосъ, не такъ легко отвѣчать кратко! Сія Св. Книга—Св. Евангеліе,—вотъ чему училъ Онъ! Берите ее, прочитайте и узнаете. Но коротко сказать можно. „Страждущимъ и обремененнымъ" предлагаетъ Онъ Свое ученіе на горѣ. Вникните въ это ученіе! И я проанализировалъ предъ слушателями всю нагорную бесѣду (Мѳ. V—VII гл.).

Что же считаетъ первымъ Христосъ въ Своемъ ученіи? Не землю и тѣло, а небо и душу! Не факты и поступки, а ихъ основу, ихъ подкладку, предшествующее имъ настроеніе! Чего Онъ требуетъ сначала, потомъ и послѣ всего? Любви, любви и любви! Любовь—это „примѣта христіанъ". Развивъ

по-подробнѣе это ученіе о любви, я и закончилъ свою бесѣду призывомъ: въ вѣкъ вражды, ссоръ, убійствъ, войнъ, что всегда раздѣляетъ и разрушаетъ, идти къ Богу,—носителю, раздаятелю всеобъемлющей любви, которая все соединяетъ, утверждаетъ!..

Увѣренностью, что только при вѣрѣ въ этого Бога-Любовь Японія будетъ вполнѣ духовно счастлива я и закончилъ свою бесѣду.

Пропѣли „Достойно есть"... Я всѣхъ слушателей поблагодарилъ... Благословилъ... Поблагодарилъ гостей и батюшку... А они—все сидятъ!.. Уже вѣдь 5 часовъ! Цѣлыхъ три часа шла бесѣда! Изъ нихъ $2^{1}/_{2}$ пришлось на мою долю! И они еще ни утомлены?..

Да! Пріятно, отрадно было видѣть, какъ тебя пожирали глазами. Ни одинъ человѣкъ не нарушилъ своего духовнаго равновѣсія своимъ уходомъ! При видѣ столь жаждущей слова аудиторіи еще болѣе поднимался духъ, и дѣлалось все, что было въ моихъ силахъ, чтобы удовлетворить слушателей... Удовлетворились ли? Посѣяно ли слово Христово въ чье-либо сердце?.. Хотѣлось бы заглянуть въ души моихъ слушателей!.. Но есть признаки и утѣшительные!..

Такъ, въ мѣстныхъ газетахъ подробно была описана обстановка бесѣды и прямо заявлено, что бесѣда произвела сильное впечатлѣніе, почему она-де и будетъ изложена на страницахъ газеты... Ожидаю номеровъ: интересно, какъ изложитъ мои слова газета языческая!—Вотъ передаютъ, что во время бесѣды къ г. Секигуци, прибѣжали изъ дому: „жена—де опасно больна"... „Если больна,—пусть пріѣдетъ такой-то докторъ", —отвѣчаетъ Секигуца а самъ отказывается уйти; и скоро онъ былъ докторомъ извѣщенъ, что жена его, „не такъ ужъ больна! Не къ смерти"... Вотъ у меня письмо въ рукахъ: однимъ язычникамъ очень понравилась—оказывается—исторія міротворенія; другіе желали бы еще и еще слушать нравственное ученіе Христа...

Словомъ,—сердце чувствуетъ, что предо мною сидѣли не безплодные камни! Но если бы и таковые были, развѣ Божія Сила не способна ихъ уготовать въ почву добрую?.. Богу и поручаю я посянныя мною сѣмена!

Разошлись мои слушатели... Сердце преисполнено радостнаго сознанія!.. Но и горло напоминаетъ о себѣ... И какъ пріятно было выпить стаканъ горячаго молока! Приходятъ

радостные христіане... Вотъ одинъ изъ нихъ подноситъ мнѣ большое блюдо „суси“ (бутерброды изъ риса и сырой рыбы, рака, яицъ, каракатицы)... Заходитъ ко мнѣ довольный Уме-Тарго Нагара, начальникъ станціи, коего я угощаю „суси“ и чаемъ.

Около 6 ч. веч. христіане пригласили меня въ помѣщеніе Церкви. Занавѣсъ съ крестомъ скрываетъ отъ насъ иконостасъ... Уставлены „покоемъ“ низенькіе японскіе столы... За поперечнымъ уготовано мѣсто мнѣ... Поставлены большія чашки съ приготовленнымъ кушаньемъ... Всѣ мы помолились; и я сказалъ привѣтъ, въ коемъ перенесъ моихъ добрыхъ христіанъ къ „вечерямъ любви“ первыхъ вѣковъ, и пожелалъ—не оскудѣвать никогда въ братской любви!.. Тридцать христіанъ-мужчинъ участвовали въ этой скромной трапезѣ, и всѣ были страшно довольны, видя, что ихъ „Сикёо“ и сидитъ по-японски „терпѣливо“ (да и не дурно!), и ѣстъ *ихъ* кушанье не вилкой, а палочками-*хаси!*

Въ 7 час. веч. снова собрались въ церковный домъ христіане: въ этотъ часъ у нихъ былъ назначенъ „кангей-консинкай“, привѣтственное и дружелюбное собраніе. Очень мило оно было составлено! Послѣ молитвы, пѣвчіе спѣли по-русски „Боже, Царя Храни“ и даже повторили его дважды! Всѣ собравшіеся слушали гимнъ нашъ стоя. Непосредственно за нашимъ, былъ спѣтъ и японскій гимнъ, по моей просьбѣ тоже повторенный... Я, внѣ программы, поблагодаривъ свою паству за ея деликатное сердце и, пожелавъ великимъ сосѣднимъ народамъ, русскому и японскому, славнаго будущаго, на почвѣ постепеннаго укрѣпленія взаимнаго уваженія и дружественныхъ отношеній, провозгласилъ „банзай“ Его Величеству Россійскому Императору и Его Величеству Японскому Микадо... Поднялись кверху руки и могучее—„банзай“ заключило эту маленькую „международную“ манифестацію...

Катихизаторъ церкви въ Маебаси Илія Сато началъ „кангей-консинкай“ своею теплою рѣчью, какъ *представитель* церкви. Его смѣнили мальчикъ воскресной школы, дѣвочка воскресной школы: недлинны, несложны, но трогательны необычайно эти дѣтскія выступленія! Говорила затѣмъ представительница женщинъ; заговорилъ и рядовой христіанинъ—Спиридонъ Фукасава. Рѣчь его не была краткою: заранѣе онъ испросилъ себѣ не менѣе 20 мин. Рѣчь его была по-

строена по строгому плану; но несомнѣнно—еще болѣе строго выношена въ его сердцѣ! И по послѣдней причинѣ она не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на слушателей... Спиридона смѣняли одинъ за другимъ катихизаторы—Мурокоси, Судзуки, Терадзима... Всѣ эти рѣчи успѣли уже достаточно расшевелить сердца собравшихся; и весьма ясно онѣ подсказали и мнѣ и направленіе и содержаніе моей рѣчи, коею и должна была закончиться оффиціальная часть „кангей-консинкая"...—Поблагодаривъ слушателей своихъ за ту любовь, которую преизобильно всѣ христіане изливаютъ на меня и въ своемъ обращеніи со мною, и въ своихъ рѣчахъ ко мнѣ и обо мнѣ,—я сказалъ имъ, что теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, я могу съ сердцемъ неколеблющимся сказать Господу: „вотъ я—Господи! Готовъ я, пошли меня"! И отдать свои силы на служеніе тому дѣлу, величіе и святость коего вижу ясно, но и нужды коего сознаю...—Однако, успѣхъ дѣла, посылаемый всегда Господомъ, немыслимъ, если мы *сами* будемъ дремать, и не пойдемъ бодро впередъ. Поэтому—и батюшка, и катихизаторы должны теперь работать въ 10, въ 100 разъ больше; работать не покладая рукъ! Но и каждый христіанинъ долженъ сознать, что нести Христа въ среду язычества—дѣло *и его!* Каждый долженъ стать проповѣдникомъ Христа въ средѣ своихъ знакомыхъ, своихъ сверстниковъ, своихъ сослуживцевъ. И тогда-то дѣло наше „закипитъ", и подкрѣпляемые Божьей помощью мы бодро пойдемъ въ своихъ сердцахъ, въ своихъ домахъ—„вглубь", а внѣ домовъ—и „въ ширь"... Діаволъ будетъ тормозить наше дѣло. Непріятно ему подобное шествіе впередъ Христа. Могутъ явиться не только столкновенія самолюбій, матеріальная недостача, духовное разслабленіе, но и международныя войны!.. Но будемъ уразумѣвать его корни и на каждое препятствіе отвѣтимъ удесятеренными силами! И посрамится тогда лукавый! И побѣдно пойдетъ впередъ Христосъ!..

Приблизительно это я говорилъ. „Не я, не батюшки, не катихизаторы только, а всѣ мы, не покладая рукъ, должны работать для Христа! Съ надеждою на помощь Божію, объединившись и оживившись,—впередъ къ большой побѣдѣ!"—Вотъ сущность моего обращенія къ христіанамъ. И христіане здѣсь *послушны!* Они ждутъ зова, и отвѣчаютъ на него не только бурными аплодисментами! „Мы всѣ славнымъ при-

сутствіемъ Вашего Преосвященства въ нашемъ городѣ много и много оживлены и возбуждены духомъ въ великую нашу духовную пользу“,—пишутъ мнѣ изъ Маебаси. И—конечно—это такъ на самомъ дѣлѣ. А тогда—цѣль пока достигнута. Богъ же да хранитъ ихъ духовную ревность до слѣдующаго нашего общенія!

Началась часть неоффиціальная. Всѣмъ роздали по „кульку“ гостинцевъ. Всѣмъ разнесли японскій чай. Мнѣ принесли даже горячее молоко... Явилось на сцену „кото“: играла на немъ женщина подъ аккомпаниментъ скрипки; впервые слышу это сочетаніе, и весьма недурное! Играютъ на „кото“ двѣ женщины,—одна недавно перешла къ намъ изъ протестантства... Тамъ и здѣсь послѣ игры разговариваютъ... А предметовъ для разговора сколько угодно!.. И лишь въ 10 час. 20 мин. вечера запѣли заключительную молитву, и я благословилъ всѣхъ съ пожеланіемъ покойной ночи.—Ужъ слишкомъ обиленъ впечатлѣніями былъ день. И всѣ мои попытки успокоить роившіяся въ головѣ моей мысли и вмѣстѣ съ этимъ заснуть долго-долго не имѣли успѣха! На башнѣ городской большой колоколъ давно уже пробилъ 12, а желаннаго сна нѣтъ, какъ нѣтъ *)!

Епископъ **Сергій.**

---

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Профессоръ Никандръ Ивановичъ Глоріантовъ.

(† 7 Января 1898 г.).

Жизнь покойнаго наставника относится къ не очень давнему прошлому, но это прошлое во многомъ такъ своеобразно, что не только уходящее старое поколѣніе, но и смѣняющее его новое можетъ, кажется, остановиться на этомъ времени не безъ интереса. Предъ тѣмъ, кто знакомится съ тогдашней жизнью и по архивнымъ матеріаламъ и по воспоминаніямъ современниковъ, вырисовываются такія явленія изъ недавней русской дѣйствительности, мимо которыхъ нельзя пройти безъ пристальнаго вниманія; нѣкоторыя же изъ нихъ вызываютъ и недоумѣніе, и сожалѣніе.

Н. И. Глоріантовъ былъ сынъ священника села Салдаманова, лукояновскаго уѣзда, нижегородской губерніи, Іоанна Алексѣевича Колосова; родился 2 іюня 1828 года. Отецъ его, вскорѣ послѣ рожденія сына, былъ перемѣщенъ на священническую вакансію въ село Мамлѣево, позже былъ переводенъ на протоіерейское мѣсто въ г. Горбатовъ, нижегор. г., а еще позже—на мѣсто настоятеля Трехсвятительской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ. Этими перемѣщеніями родителя Н. И—ча объясняются кажущіяся разности въ указаніяхъ архивныхъ документовъ относительно мѣста рожденія покойнаго Н. И—ча и мѣста службы его родителя. Въ возрастѣ 8 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ (возрастѣ, по тогдашнимъ понятіямъ, очень молодомъ) поступилъ для школьнаго обученія въ Арзамасское дух. училище; время вступленія въ училище—6-е сентября 1836 г. При окончаніи училищнаго курса имѣлъ всего 14 лѣтъ отъ роду; кончилъ курсъ подъ № 2; аттестованъ былъ, при отправ-

леніи въ Нижегородскую семинарію, такъ: «поведенія весьма хорошаго; способностей и успѣховъ весьма хорошихъ, прилежанія постоянно ревностнаго». Въ семинарію поступилъ въ 1842 г., во 2-е низшее отдѣленіе. Въ спискахъ класса, съ перваго же года семинарскаго обученія, занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ (обыкновенно 3-е): его оффиціальныя аттестаціи: «способностей быстрыхъ, прилежанія весьма ревностнаго» или «неутомимаго» и т. п. Въ спискахъ учениковъ на экзаменахъ 1848 г., времени окончанія курса, занималъ по однимъ предметамъ 2-е, по другимъ—1-е мѣсто; въ разрядныхъ спискахъ за 1848 г. поставленъ былъ подъ № 1. Какъ видно изъ разныхъ оффиціальныхъ документовъ, ученикъ Г. съ перваго же класса семинаріи обнаружилъ вообще большія природныя способности и былъ у всѣхъ наставниковъ на лучшемъ счету. Извѣстно, что его ученическія письменныя разсужденія на философскія и богословскія темы, въ виду особенныхъ достоинствъ содержанія и изложенія, наряду съ другими немногими сочиненіями сотоварищей, по распоряженію ректора семинаріи, списывались въ особыя книги, которыя и доселѣ хранятся въ семинарской фундаментальной библіотекѣ.

Высокая оффиціальная оцѣнка ученика Г. его наставниками и начальниками, видимо, совпадала съ таковою же оцѣнкою и со стороны товарищей. По словамъ одного изъ нихъ, «экзамены въ семинаріи производились тогда три раза въ годъ: предъ Рождествомъ, предъ Пасхой и предъ лѣтними каникулами», и «Н. И. Глоріантовъ на первомъ же экзаменѣ выказалъ такіе успѣхи и познанія по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, что ректоръ семинаріи не зналъ, какъ его хвалить и обласкать за отличные отвѣты». Передается такой случай, обнаруживающій острый и живой умъ семинариста Г. Предложено было классу написать сочиненіе на тему: «Главныя причины крестовыхъ походовъ». У одного воспитанника дѣло съ сочиненіемъ не ладилось; Г. вызвался помочь товарищу и сталъ устно излагать свои мысли, а товарищъ записывалъ продиктованное. Запись была переписана и представлена наставнику. Послѣдній, ознакомившись съ сочиненіемъ, прочиталъ его и въ классѣ, а затѣмъ предложилъ желавшимъ указать его хорошія и слабыя стороны. Сдѣлать разборъ сочиненія вызвался самъ его дѣйствительный авторъ Г., который и указалъ въ немъ гораздо больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Преподаватель, однако, призналъ сочиненіе весьма

хорошимъ, и только выразилъ (въ письменной рецензіи на работѣ) сомнѣніе, есть ли номинальный авторъ сочиненія его подлинный авторъ. Съ переходомъ изъ низшаго въ среднее отдѣленіе семинаріи Г., по словамъ того же его однокурсника, сталъ обнаруживать особенные успѣхи и познанія въ физико-математическихъ наукахъ и языковѣдѣніи. На каждый почти урокъ по физикѣ и математикѣ онъ приносилъ съ собой въ классъ какую-нибудь модель; между наставникомъ и Г. завязывался споръ по изъясненію физическихъ явленій, и Г., по воспоминаніямъ его товарища, часто ставилъ учителя въ тупикъ. Подобные случаи бывали и на классѣ Св. Писанія въ высшемъ отдѣленіи. Въ спорахъ съ преподавателемъ П. И. Н—мъ, мало занимавшимся своимъ предметомъ, «Г. разбивалъ его въ пухъ и прахъ. Раздраженный Н. хваталъ Г-ва за рукавъ и тащилъ въ Правленіе къ ректору съ жалобой на него». Однажды «ректоръ, выслушавъ жалобу, закричалъ на всю семинарію: «знаю, знаю... Ты, Н., плохой учитель, худо преподаешь Св. Писаніе, а Глоріантовъ—мальчикъ хорошій, кроткій, даровитый, искусный въ Словѣ Божіемъ, и къ тому же знающій еврейскій языкъ. Идите въ классъ». И тѣмъ дѣло кончалось.

Этотъ ректоръ—памятный въ исторіи нижегородской семинаріи архимандритъ Аполлоній, сдѣлавшій необыкновенно много для благоустройства семинаріи во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкъ умный, хотя въ обыденныхъ сношеніяхъ, по своей вспыльчивости, бывавшій слишкомъ рѣзкимъ. По выводамъ новѣйшаго историка нижегородской семинаріи, г. А. Тихова, «строгая, но не суровая дисциплина, поддерживаемая авторитетомъ ректора Аполлонія, налагала на всю семинарскую жизнь его времени и питомцевъ особый отпечатокъ. Это были строгія черты дѣловитости и трудолюбія. Опредѣленность настроенія учащихся, необходимая для полной устойчивости и успѣшности всякаго дѣла, въ свою очередь составляла благопріятную почву, на которой вообще складывались отношенія воспитанниковъ. «У насъ замѣчателенъ былъ духъ товарищества,—вспоминаетъ о своемъ времени одинъ аполлоніевецъ:—всѣ мы были, какъ члены одной мирной семьи, другъ друга тяготы носили, какъ могли; способнѣйшіе помогали мало успѣшнымъ». Черты аполлоніевскаго режима и требовательности неизгладимо запечатлѣлись на многихъ его питомцахъ на всю жизнь». Изъ своихъ питомцевъ ректоръ Аполлоній, вообще умѣвшій цѣнить людей по ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, особенно отличалъ и

выдѣлялъ ученика Г., хотя изъ нижегородской семинаріи за время ректорства Аполлонія вышло много другихъ дѣльныхъ людей, да и въ томъ самомъ курсѣ, къ которому принадлежалъ Г., было не мало способныхъ юношей, въ томъ числѣ, напримѣръ, Окотинъ Иванъ, въ монашествѣ Іустинъ, впослѣдствіи магистръ петерб. академіи и херсонскій архіепископъ, и нѣкоторые другіе семинаристы, одного съ Г—мъ, 1-го отдѣленія («класса») Богословія, а также воспитанники 2-го отдѣленія: Матвѣевскій Павелъ, впослѣдствіи видный с.-петербургскій протоіерей и почтенный духовный писатель; Соколовъ Александръ, окончившій казанскую академію въ 1852 году первымъ магистромъ и назначенный баккалавромъ въ спб. академію, послѣ же перемѣщенный на другую службу; Поспѣловъ Іоаннъ, окончившій магистромъ московскую академію и долго съ большою пользою для православной церкви служившій въ священномъ санѣ въ Прибалтійскомъ краѣ; Раевъ Павелъ, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій Палладій; Орловъ Рафаилъ, въ монашествѣ Романъ, магистръ казанской академіи, и другіе.

Г., при окончаніи семинарскаго курса въ 1848 г., какъ лучшій студентъ, былъ предназначенъ къ поступленію въ академію, но, по злокачественной болѣзни ноги, отправиться въ академію не могъ. Онъ былъ посланъ, по выздоровленіи, въ слѣдующемъ году, и именно въ с.-петербургскую академію, въ которую и поступилъ съ отличіемъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго отношенія казанской духовной академіи, къ округу которой принадлежала тогда нижегородская семинарія, отъ 5 ноября 1849 г., на имя правленія нижегородской семинаріи: «При пріемѣ въ С.-Петербургскую дух. академію семинарскихъ воспитанниковъ, присланныхъ въ текущемъ (1849) году въ составъ новаго академическаго курса, одинъ изъ трехъ воспитанниковъ нижегородской семинаріи Никандръ Глоріантовъ оказался въ числѣ лучшихъ кандидатовъ, выдержавшихъ удовлетворительно испытаніе во всѣхъ предметахъ пріемнаго экзамена. Вслѣдствіе сего г. оберъ-прокуроръ изволилъ поручить Правленію Казанской Академіи за представленіе сказаннаго воспитанника въ Спб. Академію объявить правленію нижегородской семинаріи признательность начальства».

Во все время обученія въ Академіи Г. удерживалъ репутацію даровитаго, многосвѣдущаго и усерднаго студента. Въ спискахъ преподавателей академическихъ наукъ онъ занималъ мѣста обыкновенно въ числѣ первыхъ семи студентовъ (подъ

№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7), и очень рѣдко—ниже; словесныя аттестаціи его успѣховъ давались преподавателями обыкновенно высшія. Въ спискѣ студентовъ XX курса, составленномъ по окончаніи публичныхъ испытаній въ 185¹/₂ учебн. году, Г. поставленъ подъ № 2. Въ спискѣ студентовъ, содержащемъ отмѣтки за отвѣты на экзаменахъ при окончаніи курса въ іюнѣ 1853 г., при фамиліи Г. встрѣчаемъ почти исключительно высшія отмѣтки. Въ окончательномъ спискѣ завершившихъ учебный курсъ воспитаниковъ XX-го (послѣ преобразованія) академическаго выпуска Г. стоитъ на 2-мъ мѣстѣ. Товарищами его по курсу, сравнительно очень большому (61 чел.), были: Самуилъ Михайловскій, первый магистръ этого курса, бывшій баккалавромъ Академіи, позже—протоіерей въ Петербургѣ; священникъ А. Верещагинъ, въ иночествѣ Асинкритъ, третій магистръ въ курсѣ, нѣкоторое время служившій въ Академіи баккалавромъ; И. Вознесенскій, бывшій баккалавръ; П. Лебедевъ, также служившій баккалавромъ; іеромонахъ Павелъ (Лебедевъ), впослѣдствіи экзархъ Грузіи; вышеупомянутый П. Матвѣевскій; іеромонахъ Ѳеогностъ (Лебедевъ), умершій въ санѣ митрополита кіевскаго; іеромонахъ Іустинъ (Охотинъ) и другіе почтенные и способные труженики. Диссертацію на ученую степень писалъ Г. на тему: «Историческое изслѣдованіе о возведеніи Фотія на патріаршій константинопольскій престолъ». Это сочиненіе, отмѣченное высшимъ балломъ 10, вмѣстѣ съ успѣхами Г. въ изученіи наукъ академическаго курса, доставило ему степень магистра богословія. Читавшій диссертацію, послѣ академическаго рецензента, архіепископъ варшавскій Арсеній, какъ видимъ изъ его довольно обстоятельнаго и любопытнаго отзыва, призналъ «обиліе матеріаловъ, трудолюбіемъ сочинителя собранныхъ», нашелъ, что «за трудъ, за собраніе многихъ свѣдѣній, за основательность весьма многихъ соображеній, слѣдуетъ автору отдать справедливость», что «главная задача изслѣдованія — правильность и законность возведенія Фотія въ патріарха сочинителемъ разсмотрѣна и обсуждена почти со всѣхъ сторонъ и довольно основательно», хотя указалъ и немало слабыхъ, по его мнѣнію, сторонъ и пунктовъ въ сочиненіи. Эти указанія, характеризующія учено-литературный трудъ Г., въ не меньшей можетъ быть мѣрѣ характерны и для самого преосвященнаго рецензента. Въ ученой степени магистра былъ Г. утвержденъ 18 апрѣля 1855 года.

По окончаніи Н. И. Глоріантовымъ курса наукъ въ Академіи, ему было поручено, въ видѣ опыта, преподаваніе физики въ Академіи 1 сентября 1853 г.; черезъ мѣсяцъ, 28 сентября, былъ онъ опредѣленъ на должность баккалавра по классу физики. Это назначеніе, какъ пишетъ одинъ изъ близко знавшихъ покойнаго его учениковъ, произошло при главномъ участіи и вліяніи такихъ строгихъ и разборчивыхъ цѣнителей, какими были ректоръ Академіи, докторъ богословія, Макарій, впослѣдствіи митрополитъ московскій, и инспекторъ, докторъ богословія, архимандритъ Іоаннъ, впослѣдствіи епископъ смоленскій, знавшій Г. въ теченіи болѣе 2½ лѣтъ. По свидѣтельствамъ позднѣйшихъ учениковъ покойнаго наставника (XXIV и XXV курсовъ), Г. былъ отличнымъ преподавателемъ. Зная свою науку, онъ излагалъ предметъ живо, ясно и понятно, а нерѣдко и остроумно. Любовь наставника къ интересной дисциплинѣ и основательное, отчетливое знаніе ея привлекали слушателей, которые обыкновенно весьма усердно, не смотря на обиліе преподававшихся въ Академіи наукъ, посѣщали аудиторію Н. И—ча, особенно интересуясь производимыми на физическихъ приборахъ опытами. Недовольствуясь обычнымъ, положеннымъ программою, числомъ уроковъ, усердный баккалавръ, а потомъ профессоръ, приглашалъ студентовъ заниматься съ нимъ производствомъ опытовъ и по вечерамъ, въ самомъ помѣщеніи физическаго кабинета, и многіе студенты охотно посѣщали эти приватныя лекціи и проводили на нихъ не малое время съ интересомъ и, конечно, съ пользою для себя. Достойно особаго вниманія то, что, «излагая содержаніе своей науки и изслѣдуя силы и законы природы, Г. никогда не затемнялъ въ сознаніи студентовъ идеи о той единой, Божественной Силѣ, Которая выше всѣхъ законовъ и Которой зиждется и управляется міръ». Г. излагалъ свою науку обыкновенно изустно, живой рѣчью; своихъ лекцій онъ обычно не издавалъ. Въ Архивѣ Св. Синода сохранились, правда, литографированныя записки по нѣкоторымъ отдѣламъ физики (Введеніе въ науку и первыя ея главы, затѣмъ главы XII и слл. о магнетизмѣ, электричествѣ и электромагнитныхъ явленіяхъ), съ подписями баккалавра Глоріантова на нѣкоторыхъ листахъ; но, какъ показываютъ цифровыя даты въ концѣ тетрадей и фамиліи переписчиковъ—студентовъ, эти записки, назначенныя вѣроятно для подготовленія студентовъ собственно къ экзаменамъ, относятся почти къ самому началу

преподавательской службы Н. И—ча (конецъ 1854 и 1855 годовъ), и по нимъ безусловно нельзя судить ни о преподавателѣ, ни о преподаваніи, особенно въ послѣдующіе годы. И краткіе и сравнительно обстоятельные, въ большинствѣ случаевъ собственной рукой Н. И—ча написанные, обзоры предметовъ, преподанныхъ имъ по классу физики, за нѣкоторыя полугодія и цѣлые учебные годы, сохранились въ архивѣ Академіи. По свидѣтельству одного изъ студентовъ XXV курса (1859—1863), къ экзамену готовились студенты по подробному, весьма искусно и систематично составленному преподавателемъ конспекту, который выдавался предъ началомъ лекцій, такъ что слушатели заранѣе знали предметъ каждой лекціи и могли заносить въ конспектъ дополнительныя разъясненія. Всѣ студенты, какъ свидѣтельствовалъ при гробѣ умершаго наставника одинъ изъ его бывшихъ учениковъ, цѣнили его «обширныя и многостороннія знанія», его «дарованіе и искусство преподаванія», а также его «простое и сердечное отношеніе» къ нимъ и «по истинѣ братское и дружеское обращеніе» съ ними.

Въ качествѣ преподавателя физики, завѣдуя физическимъ кабинетомъ при Академіи, покойный очень заботился о пріобрѣтеніи новыхъ приборовъ, а нѣкоторые изъ нихъ, менѣе сложные, приготовлялъ и самъ; «физическій кабинетъ, по словамъ одного изъ его учениковъ, былъ его любимымъ дѣтищемъ, за которымъ онъ ухаживалъ съ отеческою заботливостью; вновь пріобрѣтенный интересный приборъ приводилъ его въ восторгъ».

Кромѣ исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей по занимаемой каѳедрѣ въ Академіи, Г. выполнялъ много порученій по устройству физическихъ кабинетовъ въ среднихъ духовныхъ школахъ. Частію вмѣстѣ съ баккалавромъ, впослѣдствіи профессоромъ математики Е. И. Ловягинымъ, частію единолично, Г. составлялъ, по порученіямъ академическаго правленія, вслѣдствіе распоряженій духовно-учебнаго управленія, списки инструментовъ, которые признавались тогда необходимыми для надлежащаго устройства физико-математическихъ кабинетовъ въ семинаріяхъ. Были составлены списки приборовъ для олонецкой, волынской, подольской, тамбовской, кишиневской и, можетъ быть, другихъ семинарій. Въ спискахъ обозначались инструменты, необходимые для объясненія общихъ свойствъ тѣлъ, статики и динамики, гидростатики и гидродинамики, аэростатики и аэродинамики, акустики, свѣта, теплорода или теплотвора, магнетиз-

ма, электричества и гальванизма, и инструменты, нужные для практической геометріи, каковы: астролябія съ цѣпью, мензула съ принадлежностями, готовальни, также глобусы небесный и земной. При этомъ, ради экономіи, указывались способы снабженія семинарскихъ физическихъ кабинетовъ нужными приборами съ возможно меньшими затратами на то казенныхъ суммъ. Онъ же, вмѣстѣ съ профессоромъ Л., по порученію академическаго правленія, свидѣтельствовалъ исправность и полноту физическихъ инструментовъ, назначенныхъ для семинарій, и даже надзиралъ за надлежащею ихъ укупоркою. Въ тѣ времена профессорамъ, какъ видимъ, приходилось выполнять довольно неожиданныя порученія синодскихъ чиновниковъ. Иногда доводилось, по требованіямъ духовно-учебнаго управленія при Синодѣ, вновь пересматривать составленный уже списокъ инструментовъ, для того, чтобы сообразовать его съ ранѣе составленными въ Академіи для другихъ семинарій и одобренными въ Синодѣ списками, въ случаѣ же отступленій отъ одобренныхъ списковъ объяснять основанія отступленій. Позже, по особому порученію, Г. составлялъ програму физики и космографіи для семинарій. Внѣ связи съ занятіями по каѳедрѣ, но въ связи съ общими обязанностями академической службы, находилось возложенное на Г., вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, правленіемъ Академіи, въ исполненіе синодальнаго распоряженія, порученіе перевести съ греческаго языка на русскій книгу Дѣяній Апостольскихъ. Тѣми же, конечно, причинами объясняется неоднократное назначеніе Г. членомъ временнаго ревизіоннаго комитета для провѣрки экономическихъ отчетовъ Академіи.

Вѣроятно для восполненія средствъ къ существованію, вслѣдствіе крайней скудости тогдашняго содержанія академическихъ наставниковъ, Г., одинаково со многими другими преподавателями, занималъ нѣкоторое время одну изъ второстепенныхъ должностей, именно проходилъ должность помощника эконома съ 12 апр. 1856 г. по 14 янв. 1859 года; кромѣ того, исправлялъ должность эконома Академіи съ 2 іюня 1858 г. по 30 іюля того же года. Своего рода воспособленіемъ въ матеріальной нуждѣ баккалавра былъ, кажется, и Всемилостивѣйшій подарокъ въ 300 р., котораго Г. былъ удостоенъ 17 февраля 1859 года въ годовщину 50-лѣтія Академіи.

Въ сентябрѣ 1860 г. ректоръ Академіи, епископъ выборгскій Нектарій, обращая вниманіе академическаго правленія на

«отличныя познанія баккалавра физики Н. Г—ва въ преподаваемой имъ наукѣ и особенную ревность его въ прохожденіи наставнической должности», предложилъ правленію, «въ награду Г—ва за его прежніе труды и въ поощреніе къ дальнѣйшимъ», ходатайствовать о возведеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора. Правленіе, согласившись съ ректоромъ, «по вниманію къ отлично усердной и полезной службѣ баккалавра Г. и въ поощреніе его къ дальнѣйшимъ трудамъ», ходатайствовало предъ митрополитомъ с.-петербургскимъ «о возведеніи баккалавра Г. въ званіе экстраординарнаго профессора физики, съ предоставленіемъ ему права присутствовать въ засѣданіяхъ конференціи наравнѣ съ ординарными профессорами». Тогдашній митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ 4 сентября согласился съ правленіемъ. Но матеріальное положеніе новаго профессора чрезъ это немного улучшилось. По формуляру за 186⁷/₈ годъ, онъ получалъ по должности экстраорд. профессора 429 р. и добавочнаго отъ лавры содержанія 471 р., при 100 рубляхъ по степени магистра.

Съ преобразованіемъ Академіи по Высочайше утвержденному 30 мая 1869 г. новому уставу, отмѣнившему преподаваніе физико-математическихъ наукъ въ д. академіяхъ, Н. И. Глоріантовъ Совѣтомъ Академіи былъ избранъ на должность профессора латинскаго языка и его словесности и, по утвержденіи Св. Синодомъ въ этой должности, вступилъ въ отправленіе новыхъ своихъ обязанностей 15 августа 1869 г. Съ того же числа вступилъ онъ въ исполненіе обязанностей члена Совѣта Академіи, согласно состоявшемуся избранію, по правиламъ устава.

Н. И. Г., какъ есть основанія думать, преподавалъ новый предметъ не съ тою любовію, какъ физику, но съ неменьшимъ усердіемъ. Новая должность потребовала отъ него широкаго изученія памятниковъ латинской литературы, и это изученіе, при большихъ способностяхъ и замѣчательной памяти Н. И—ча, тѣмъ менѣе могло его затруднять, что латинскій языкъ былъ ему хорошо извѣстенъ еще со времени его училищнаго и семинарскаго обученія. По свидѣтельству одного изъ его учениковъ, который былъ къ нему довольно близокъ въ послѣдніе годы его жизни, Н. И—чъ даже спустя много лѣтъ послѣ ухода изъ Академіи «могъ произнесть наизусть цѣлыя тирады изъ латинскихъ прозаиковъ и поэтовъ, дѣлая при этомъ остроумныя къ нимъ комментаріи и филологиче-

скія поясненія». О томъ же свидѣтельствуетъ одинъ переживпіій его однокурсникъ по семинаріи. Свое знакомство съ ученою литературою, по предмету академическихъ занятій, не только старою, представленною въ академической библіотекѣ довольно хорошо, но и новою, насколько это было возможно при весьма ограниченныхъ библіотечныхъ средствахъ, Г. постепенно расширялъ. При классныхъ занятіяхъ со студентами читалъ онъ Цицерона, Ливія, Тацита, Овидія («Превращенія» и «Календарь»), Виргилія (Энеиду и нѣкот. эклоги), Горація, Лукреція, Сенеку; излагалъ правила латинскаго стихосложенія, предлагалъ курсы исторіи римской литературы, раскрывалъ студентамъ нѣкоторые отдѣлы изъ грамматики (правила объ употребленіи изъявительнаго и сослагательнаго наклоненія, объ употребленіи латинскаго глагола); студенты IV курса, подъ его наблюденіемъ, самостоятельно изучали авторовъ, которыми по программѣ положено было заниматься въ семинаріяхъ. Воспитанникъ старой духовной школы, въ которой латинскій языкъ былъ отчасти языкомъ преподаванія и—слѣдовательно—до извѣстной степени языкомъ живымъ, и самъ владѣвшій латинской рѣчью, Н. И—чъ при своихъ занятіяхъ со студентами временами предлагалъ и имъ устно передавать нѣкоторыя русскія фразы по латыни, чѣмъ иногда видимо ставилъ слушателей въ затрудненіе. Къ немалому, вѣроятно, огорченію профессора, ему приходилось вообще преподавать латинскій языкъ студентамъ, не всегда достаточно подготовленнымъ къ академическимъ занятіямъ древними языками и литературами. То время было уже временемъ упадка изученія древнихъ языковъ въ духовныхъ школахъ. Это подтверждаютъ не только воспоминанія лицъ, учившихся въ семинаріяхъ въ ту пору, но и результаты повѣрочнаго, устнаго и письменнаго, испытанія по обоимъ классическимъ языкамъ (а не по одному лишь языку, по выбору экзаменующагося, какъ дѣлалось прежде и какъ дѣлается, къ сожалѣнію, доселѣ), произведеннаго, согласно предположенію церковно-практическаго отдѣленія и опредѣленію Совѣта, въ августѣ 1876 года, въ первый разъ по введеніи Устава 1869 г. Количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ въ эту пору было сравнительно значительно. Около этого времени профессора древнихъ языковъ имѣли еженедѣльно шесть лекцій въ первыхъ трехъ курсахъ (по 2 на каждомъ курсѣ) и 1 лекцію въ IV курсѣ.

Въ этотъ періодъ службы Г. исполнялъ и нѣкоторыя осо-

быя порученія, имѣвшія и не имѣвшія отношеніе къ его каѳедрѣ. Онъ, напримѣръ, разсматривалъ студенческія диссертаціи, написанныя на ученую степень, и составилъ отзывы о сочиненіяхъ студентовъ Яреда, Воинова, Знаменскаго, Брянцева, Соснякова («Пизанскій соборъ»), Соколова («Опытъ обозрѣнія трудовъ русскихъ толкователей Свящ. Писанія»), Архангельскаго («Тертулліанъ, его жизнь и ученіе»). Входилъ, по избранію, въ составъ совѣтской коммиссіи изъ трехъ лицъ для обсужденія вопроса о занятіяхъ студентовъ IV курса магистерскимъ сочиненіемъ и, вмѣстѣ съ проф. И. В. Чельцовымъ, поддерживалъ единственно правильное рѣшеніе вопроса, которое потомъ было принято и Совѣтомъ (Журналы Совѣта за 1874 г., стр. 247—253, и проф. прот. С. Соллертинскаго Опытъ исторической записки о состояніи Спб. Д. Академіи, 1910, стр. 87).

Послѣ ревизіи, произведенной въ январѣ 1875 г. архіепископомъ литовскимъ Макаріемъ, въ синодальномъ указѣ были сдѣланы профессору Г., какъ и нѣсколькимъ другимъ наставникамъ, начальственныя замѣчанія относительно преподаванія. Признавая сдѣланныя ему замѣчанія не вызванными существомъ дѣла и не соотвѣтствовавшими дѣйствительному положенію вещей, профессоръ Г. такое свое мнѣніе открыто выразилъ въ оффиціальномъ представленіи Совѣту Академіи, въ свое время появившемся и въ печати, и притомъ выразилъ, къ сожалѣнію, въ формѣ довольно рѣзкой, «не соотвѣтствующей должнымъ отношеніямъ подчиненности къ высшей церковной власти» (какъ нашелъ исправлявшій тогда должность синодальнаго оберъ-прокурора). Въ виду обстоятельствъ дѣла и при тогдашнемъ отношеніи центральныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства къ высшимъ духовнымъ школамъ, можно было заранѣе предвидѣть, что исходъ дѣла не будетъ благопріятенъ ни для профессора, ни для ректора и Совѣта Академіи, косвенно до нѣкоторой степени поддержавшихъ коллегу. Есть основанія догадываться, что предвидѣлъ это и профессоръ Г. Не ожидая, вѣроятно, ничего для себя хорошаго, къ тому же одолѣваемый недугами, Н. И—чъ еще въ концѣ 1876 г. рѣшилъ просить Совѣтъ объ увольненіи отъ академической службы. Старому профессору было тяжело разставаться съ Академіею, въ которой онъ, по его собственнымъ словамъ, провелъ «болѣе четверти столѣтія, начиная съ самыхъ молодыхъ юношескихъ лѣтъ», «живя одною общею съ нею жиз-

нію». «Закончивъ въ Академіи свое собственное образованіе, я», писалъ Н. И., «съ тѣхъ поръ и до сего времени непрерывно раздѣляю ея труды по образованію другихъ и, можно сказать, сроднился съ ней душею; между нами образовалась такая связь, которая разрывается не легко: мнѣ стало трудно представлять себя чѣмъ-нибудь другимъ, а не профессоромъ Академіи». Въ виду разстроеннаго состоянія здоровья, которое и въ болѣе молодые годы не отличалось крѣпостью, прося увольненія отъ службы при Академіи, онъ выразилъ надежду, что ректоръ Академіи не откажетъ ему въ ходатайствѣ предъ высшимъ начальствомъ о матеріальномъ обезпеченіи его старости. «Это», писалъ старый профессоръ, «моя послѣдняя просьба къ Академіи». Такъ какъ Н. И. не дослужилъ до 25-лѣтія около 2 лѣтъ и такимъ образомъ полной, полагающейся за 25-лѣтнюю службу, пенсіи не выслужилъ, то возбуждено было ходатайство о назначеніи ему за свыше 23-лѣтнюю духовно-учебную службу, по сокращенному сроку, полной пенсіи, полагающейся за 25-лѣтнюю службу по званію экстраординарнаго профессора, каковая пенсія въ количествѣ 800 р. сер. въ годъ, и была ему назначена. Увольненіе отъ службы при Академіи послѣдовало 22 марта 1877 г. Въ виду, однако, предстоявшаго окончанія учебнаго года, оказалось нужнымъ принять во вниманіе необходимость участія профессора Г., до послѣдняго времени преподававшаго латинскій языкъ студентамъ всѣхъ курсовъ, въ производствѣ экзаменовъ въ маѣ и іюнѣ, а также и то, что производившаяся имъ, по порученію Совѣта, ревизія академической библіотеки могла быть окончена лишь къ концу истекавшаго академическаго года. Поэтому Совѣтъ просилъ с.-петербургскаго митрополита ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о дозволеніи профессору Г., примѣнительно къ § 60 академическаго устава, исправлять должность профессора до окончанія академическаго года, съ вознагражденіемъ по разсчету изъ полнаго оклада экстраординарнаго профессора. Дозволеніе было дано.

Корпорація наставниковъ Академіи, какъ видно и изъ изложеннаго, цѣнила и должные и сверхдолжные труды Н. И-ча. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, по существу очень важные, требовали крайней тщательности, но вложенной въ дѣло энергіи интересомъ дѣла не вознаграждали. Такъ напримѣръ, съ марта 1873 года и до времени оставленія службы при Академіи, т. е. въ теченіи четырехъ лѣтъ, онъ занятъ

былъ повѣркою библіотечныхъ каталоговъ и наличности книгъ, поступившихъ въ академическую библіотеку, послѣ ревизіи въ 1857 году, въ теченіи 16 лѣтъ, съ 1857 года по 1872 годъ включительно. Новая ревизія заключалась въ повѣркѣ каталоговъ по документамъ Правленія Академіи и въ сличеніи съ ними наличной библіотеки. Трудъ этотъ, по оффиціальному совершенно точному удостовѣренію, исполненъ былъ съ примѣрною тщательностью и веденъ былъ съ неутомимостью. За этотъ 4-лѣтній трудъ была выражена Совѣтомъ профессору Г. благодарность Совѣта, со внесеніемъ въ формулярный о службѣ его списокъ. Представленный Совѣту Н. И—мъ обширный докладъ о ревизіи библіотеки выразительно свидѣтельствовалъ объ удивительной точности и добросовѣстности профессора Г. въ исполненіи поручаемыхъ ему даже отмѣнно сухихъ дѣлъ, которая вошла какъ бы въ его природу и безъ мысли о которой знавшимъ покойнаго нельзя было и представить его. Въ этомъ докладѣ, помимо чисто ревизіонныхъ указаній, намѣчены были и очень существенныя библіотечныя нужды, которыя могъ знать и указать только человѣкъ, всю свою жизнь проведшій въ обществѣ книгъ. Цѣнили жизненный трудъ своего наставника и бывшіе его слушатели, не склонные и не привыкшіе быть неблагодарными, какъ это видно и изъ посвященныхъ его памяти некрологовъ. И начальство не всегда обходило даровитаго и трудолюбиваго профессора своимъ вниманіемъ. По опредѣленію Св. Синода, вслѣдствіе представленія митрополита Никанора, обозрѣвавшаго Академію въ 1855 году, преподано было ему благословеніе Св. Синода 29 декабря 1855 года; 18 апрѣля 1868 г. былъ онъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степени; 7 іюля 1869 г. пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени; 16 апрѣля 1872 г. пожалованъ знаками ордена св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною; былъ представляемъ и къ ордену св. Владиміра 4-й степени, но этому ходатайству нашимъ чиновничествомъ не было дано движенія. Имѣлъ также бронзовую на Андреевской лентѣ медаль въ память войны 1853—1856 годовъ.

Послѣдніе 20 слишкомъ лѣтъ своей жизни Н. И—чъ провелъ на родинѣ, гдѣ онъ поселился навсегда, совершивъ предварительно поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ, для поправленія здоровья. Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ показываютъ печатныя статьи покойнаго изъ этого періода жизни, его

пытливый, но вѣрующій умъ опять вернулся къ опытамъ примиренія вѣры съ наукой, занимавшимъ его въ Академіи. Здѣсь вновь ожилъ и его старый интересъ къ физикѣ. Изъ физическихъ явленій особенно занимало его электричество. Онъ устроилъ,—повидимому по собственнымъ плану и рисункамъ,—какую-то довольно массивную машину съ тяжелымъ чугуннымъ колесомъ, стоившую ему не менѣе 300 р. Работа машины его не удовлетворяла; при сильной работѣ колеса, машина давала какіе-то огоньки; попытки произвести въ приборѣ требуемыя улучшенія, даже при помощи другихъ, понимавшихъ дѣло, лицъ, не удавались. Пользуясь своею машиною, Н. И—чъ добылъ какой-то цѣнный для него матеріалъ, выраженный въ математическихъ выкладкахъ, но къ положительнымъ результатамъ, по его (какъ утверждають) собственному признанію, не пришелъ. Въ концѣ концовъ, должно быть разувѣрившись въ осуществимости своихъ плановъ, Н. И. передалъ этотъ свой приборъ, безвозмездно, въ распоряженіе колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, въ которой машина и была продана на сломъ за 37 рублей. Эта неудача подѣйствовала видимо неблагопріятно на настроеніе Н. И—ча, сильно ослабивъ и его интересъ къ новѣйшимъ открытіямъ въ естествовѣдѣніи. Если въ прежнее время открытія Эдиссона сильно его интересовали, то теперь открытіе Рентгеновскихъ лучей уже мало его занимало. Изъ времени жизни Н. И—ча въ Нижнемъ передается еще слѣдующій случай. Старостѣ одной изъ городскихъ церквей (Покровской), въ бесѣдѣ съ нимъ, онъ высказалъ: «у васъ въ церкви бываетъ масса народа, а храмъ вашъ малъ и низокъ; нужно его расширить; мѣстность около храма этому благопріятствуетъ». Староста отвѣтилъ: «мы и сами давно думаемъ объ этомъ, но не знаемъ, гдѣ тогда отправлять богослуженіе». «Спустя немного времени мы,—пишетъ бывшій настоятель этого храма,—получили отъ Н. И—ча собственноручный чертежъ, признанный нами, по тщательномъ разсмотрѣніи, весьма практичнымъ, въ виду того, что въ немъ указана была полная возможность совмѣстимости и перестройки храма и непрерывнаго совершенія богослуженія въ немъ, въ одно и то же время».

Удивительно скромный въ оцѣнкѣ своихъ трудовъ, Н. И. не любилъ не только говорить, но и слышать о своихъ заслугахъ. Но люди, знавшіе Н. И—ча, цѣнили трудъ его жизни. Бесѣдами съ нимъ дорожили и его случайные зна-

комые. Одна интеллигентная дама объ этихъ бесѣдахъ отзывалась такъ: «во всю жизнь мою здѣсь, въ Нижномъ, я никогда не слыхала, кто бы такъ умно, остро и увлекательно говорилъ, какъ профессоръ Глоріантовъ». Въ отношеніяхъ къ другимъ всегда, и въ Петербургѣ и въ Нижнемъ, былъ привѣтливъ и благодушенъ; былъ въ общемъ жизнерадостенъ, не смотря на частыя недомоганья; въ хорошія минуты, какъ сообщали знавшіе его сослуживцы, любилъ добродушно пошутить; въ тяжелыя обыкновенно говорилъ: «пора въ землячку». Знакомствъ не искалъ, тѣмъ болѣе—на старости лѣтъ; но посѣтителямъ всегда былъ радъ. Между такими посѣтителями бывали и пріѣзжавшіе въ Нижній свѣтскія и духовныя лица, въ томъ числѣ и архіереи, изъ бывшихъ учениковъ его по Академіи. Жилъ онъ въ Нижнемъ, какъ и въ Петербургѣ, чрезвычайно просто; изъ своего (полученнаго по наслѣдству) дома выходилъ только въ садъ при домѣ, за которымъ заботливо и умѣло ухаживалъ, на прогулку внѣ дома и въ церковь. Скончался, какъ добрый христіанинъ, 7 января 1898 года. Тѣло почившаго похоронено, рядомъ съ могилами его родителей, на кладбищѣ нижегородскаго женскаго Крестовоздвиженскаго монастыря.

Научно-литературные труды покойнаго находились въ болѣе или менѣе близкой связи съ его занятіями по академическимъ каѳедрамъ. Свободный отъ односторонности, къ которой склонны бываютъ естествовѣды, Н. И. видѣлъ въ познаніяхъ о природѣ средство для уясненія христіанскихъ истинъ. Свои естественно-научныя знанія онъ примѣнилъ къ уясненію проблеммъ вѣрующей мысли—въ рядѣ интересныхъ статей, напечатанныхъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за 1861 г., томъ I, отд, 2, стр. 69—88 и 155—212, и т. II, отд. 2, стр. 205--232, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на ученіе современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія“. (Отд. оттискъ—Спб. 1861). Въ этомъ трудѣ, возможность появленія котораго въ академическомъ журналѣ приходилось автору отстаивать, Н. И., по свидѣтельству одного, покойнаго нынѣ, русскаго библеиста, значительно расходился съ господствовавшимъ пониманіемъ библейскаго повѣствованія о твореніи міра, хотя въ основномъ своемъ взглядѣ стоялъ на древне-отеческой точкѣ зрѣнія. Названныя статьи обратили на себя вниманіе. Продолженіе этого труда по соглашенію Библіи съ естествознаніемъ было помѣщено авторомъ въ „Христ. Чтеніи“ за 1883 г. іюль—авг., ч. II, стран. 10—43, подъ заглавіемъ „Шестодневъ и потопъ“, а окончаніе—въ томъ же журналѣ за 1892 г., ч. II, стр. 38—57, подъ первоначальнымъ заглавіемъ: „Взглядъ на ученіе современной геологіи“, и проч. Уже послѣ смерти автора въ „Хр. Чт.“ за 1898 г.

ч. II (CCVI), ст. 705—737, была напечатана статья: „Богословіе и естествознаніе. (Мысли стараго профессора)".

Литературнымъ плодомъ занятій Н. И. древне-классическою литературою былъ рядъ статей, посвященныхъ также исторіи творенія и потопа, въ связи съ жизнію человѣчества, и дальнѣйшимъ судьбамъ міра, но съ точки зрѣнія другихъ матеріаловъ, именно: „Происхожденіе міра и человѣка и послѣдующая судьба ихъ по изображенію древнихъ римскихъ поэтовъ: Сивиллины книги" („Христ. Чт." 1877, ч. I, стр. 42—78); „Превращенія" Овидія: разсказъ его о твореніи" („Хр. Чт." 1877, ч. I, стр. 396—422); „Повѣствованіе Овидія о первобытномъ состояніи человѣчества и всемірномъ потопѣ вмѣстѣ съ предсказаніемъ о послѣднемъ концѣ міра" („Хр. Чт." 1877, ч. I, стр. 601—644); „Виргиліевы Буколики и предсказанія Виргилія о возвращеніи золотого вѣка" („Хр. Чт." 1877, ч. II, стр. 261—326).

Нѣсколько раньше, во второмъ выпускѣ „Собранія древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ", изданныхъ въ переводѣ на русскій языкъ при „Христіанскомъ Чтеніи", былъ напечатанъ, какъ можно думать на основаніи указаній (не вполнѣ ясныхъ) въ напечатанныхъ отчетахъ Академіи за 1874 и 1875 г.г., сдѣланный Н. И—мъ переводъ съ латинскаго языка на русскій языкъ сирскихъ литургій: св. апостола Іакова и св. Василія Великаго. Переводъ первой литургіи, съ предисловіемъ переводчика, занимаетъ въ академическомъ изданіи страницы 3—44; переводъ второй съ предисловіемъ занимаетъ страницы 81—108. Возможно участіе Н. И-ча и въ переводѣ другихъ древнихъ литургій съ латинскаго на русскій языкъ.

Матеріалы для біографіи Н. И. Глоріантова взяты: изъ дѣлъ и журналовъ внутренняго и внѣшняго Правленія, Конференціи и Совѣта СПБ. Дух. Академіи; изъ бумагъ архива нижегородской духовной семинаріи, по выпискамъ изъ нихъ, любезно сдѣланнымъ для автора настоящаго очерка преподавателемъ нижегородской семинаріи В. Ѳ. Бѣляевымъ, и по извлеченіямъ, сдѣланнымъ А. И. Тиховымъ въ многочисленныхъ и цѣнныхъ статьяхъ о нижегородской дух. семинаріи, которыя печатались имъ въ „Ниж. Еп. Вѣд." за годы съ 1900 по 1905 включительно и которыя имѣются также въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ (въ томъ числѣ: „Нижегородская Дух. Семинарія въ 1840—1851 годахъ", Нижній Новгородъ, 1903); изъ письменныхъ сообщеній о покойномъ профессорѣ его родного брата В. И. Глоріантова и однокурсника почившаго по семинаріи, нижегородскаго протоіерея Д. Е. Орлова; изъ посвященныхъ умершему профессору, послѣ его кончины, статей о немъ его учениковъ по Академіи † проф. Ѳ. Г. Елеонскаго (въ „Церк. Вѣстникѣ" 1898, № 5, столб. 153 и слл.) и бывшаго инспектора нижегородской семинаріи, магистра Спб. Академіи, Г. А. Полисадова („Нижегор. Еп. Вѣд." 1898, № 2, стр. 58—65), который въ томъ же выпускѣ названнаго изданія напечаталъ и сказанную имъ у гроба умершаго трогательную поминальную рѣчь о немъ (стр. 66—68). Въ предлагаемый очеркъ вошло также нѣчто изъ личныхъ воспоминаній составителя, который былъ также ученикомъ почившаго незабвеннаго наставника, и изъ справокъ въ синодальномъ архивѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ имѣются въ двухтомномъ

очеркѣ † проф. И. А Чистовича: „Исторія СПБ. Дух. Академіи“ (СПБ. 1857) и „С.-Петербургская Дух. Академія за послѣднія 30 лѣтъ“ (СПБ., 1889) и книгѣ † библіотекаря Академіи А. С. Родосскаго: „Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ СПБ. Дух. Академіи“ (СПБ. 1907). О жизни въ нижегородскихъ духовныхъ школахъ времени Н. И-ча и ближайшихъ къ нему годовъ извѣстны составителю настоящаго очерка воспоминанія почтеннаго нижегородскаго іерея, изложенныя въ „Нижегор. Ц.-Общ. Вѣстникѣ“ за 1908 г. (часть ихъ перепечатана въ „Волгарѣ“ 1908 г., № 265, подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго. Нижегородское дух. училище въ 50-хъ годахъ“), и воспоминанія брата покойнаго, недавно также умершаго, В. И. Глоріантова, помѣщенныя въ „Дѣйствіяхъ Нижегор. Губ. Ученой Архивной Коммиссіи“, именно въ „Сборникѣ статей, сообщеній, описей и документовъ“, томъ VIII (1910 г.), стр. 52—57, подъ заглавіемъ: „Жизнь семинарская былого времени“.

А. Садовъ.

Протопресвитеръ I. Л. Янышевъ, какъ дѣятель по старокатолическому вопросу [1].

Если мы возьмемъ печатные труды о. протопресвитера I. Л. Янышева за послѣднія два-три десятилѣтія, то наше вниманіе невольно остановитъ на себѣ тотъ фактъ, что почти всѣ они относятся къ одному вопросу,—вопросу о старокатолицизмѣ. Одни изъ нихъ посвящены уясненію сущности старокатолическаго движенія и его отношенія къ православію, другія даютъ въ переводѣ на русскій языкъ оффиціальныя и оффиціозныя вѣроизложенія старокатоликовъ, третьи знакомятъ съ важнѣйшими фактами изъ исторіи движенія и съ ходомъ сношеній старокатоликовъ съ православными по вопросу о возсоединеніи. Уже изъ этого одного можно видѣть, какое важное мѣсто занималъ старокатолицизмъ въ ряду богословскихъ интересовъ покойнаго о. протопресвитера. Этотъ свой интересъ къ старокатолицизму и къ старокатоликамъ о. I. Л. Я—въ много разъ проявлялъ и при личныхъ соприкосновеніяхъ своихъ съ С.-Петербургской Духовной Академіей и съ ея учащимъ персоналомъ. Присутствуя, напр., на защитѣ магистерской диссертаціи въ Академіи на тему, связанную съ вопросами изъ исторіи папской власти, онъ выступаетъ съ одушевленнымъ словомъ о старокатолическихъ ученыхъ, работающихъ въ этой области, или въ другой разъ, бесѣдуя на общемъ товарищескомъ собраніи членовъ академической кор-

[1]) Рѣчь, произнесенная съ небольшими сокращеніями въ торжественномъ собраніи Общества духовной и матеріальной взаимопомощи бывшихъ питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи 13 декабря 1910 года.

пораціи по поводу другой диссертаціи, посвященной между прочимъ уясненію «полемическихъ мотивовъ противъ современнаго намъ папства» въ древнемъ памятникѣ западной церковной письменности, онъ опять поминаетъ старокатолическихъ борцовъ противъ папства; о старокатолицизмѣ и о великой важности затронутыхъ имъ вопросовъ и для православной богословской науки заводитъ онъ рѣчь, принимая у себя въ новой квартирѣ приглашенную академическую корпорацію. Даже въ Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, гдѣ его бесѣды вращались большею частію въ совершенно иной сферѣ пастырско-проповѣднических интересовъ, о. І. Л. Я—въ дѣлаетъ однажды тему о старокатолицизмѣ предметомъ спеціальнаго доклада. Самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ глубокаго участія о. І. Л. Янышева къ старокатолицизму служатъ наконецъ неоднократныя поѣздки его, «никѣмъ не посылаемаго», заграницу для присутствованія на старокатолическихъ конференціяхъ и конгрессахъ. Въ нынѣшнемъ нашемъ собраніи, посвященномъ воспоминанію о покойномъ о. протопресвитерѣ, вполнѣ умѣстно будетъ поэтому остановиться на этой столь характерной сторонѣ его церковной и богословской дѣятельности, которой онъ отдавалъ такъ много вниманія и которою связалъ свое имя съ исторіей старокатолическаго вопроса у насъ въ Россіи.

Принимая почетное для меня предложеніе Совѣта Общества духовной и матеріальной взаимопомощи бывшихъ питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи сдѣлать сообщеніе объ о. І. Л. Я—вѣ, какъ дѣятелѣ по старокатолическому вопросу, я вполнѣ сознавалъ всю затруднительность для меня, какъ не стоявшаго близко къ покойному о. протопресвитеру и имѣвшему возможность лично наблюдать его дѣятельность въ коммиссіи по старокатолическому вопросу въ небольшой лишь сравнительно періодъ времени и въ той стадіи, когда работа коммиссіи не имѣла уже прежней интенсивности и свѣжести,—всю затруднительность дать полное изображеніе трудовъ и заслугъ здѣсь о. І. Л. Я—ва и особенно съ надлежащею силою показать всю глубину его личнаго сочувствія высокимъ идеаламъ движенія, хорошо вѣдомую, безъ сомнѣнія, его близкимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ. Я могъ сдѣлать поэтому попытку дать лишь самыя общія очертанія дѣятельности о І. Л. Я—ва по старокатолическому вопросу, на основаніи печатныхъ трудовъ его и другого имѣющагося въ

печатной литературѣ матеріала, такъ какъ его переписка за немногими исключеніями осталась для меня недоступною, а можетъ быть, и неизвѣстною [1]).

Интересъ къ старокатолицизму, сущность котораго о. І. Л. Я—въ такъ мастерски изложилъ въ своей статьѣ: «Объ отношеніи старокатоликовъ къ православію», имѣлъ у о. І. Л. Я—ва до нѣкоторой степени подготовленную почву еще до начала старокатолическаго движенія. Идеи, выставленныя на знамени движенія, совпали во многомъ съ его собственными завѣтными взглядами на западную церковную исторію. Еще въ 1854 г. въ своемъ первомъ ученомъ трудѣ, подъ заглавіемъ: «Историческій взглядъ на постепенное отдѣленіе западной церкви отъ православной восточной», о. І. Л. Янышевъ высказывалъ, что главною причиною отпаденія западной церкви было извратившее всю церковную жизнь стремленіе римскихъ папъ къ господству надъ всѣми помѣстными церквами и къ единовластію во всемъ мірѣ. І. Л. Я—ву суждено было сдѣлаться современникомъ полнаго торжества этого стремленія въ теоріи на Ватиканскомъ соборѣ, гдѣ ученіе о папской власти и непогрѣшимости возведено было въ догматъ вѣры, но онъ же былъ свидѣтелемъ и того, какъ послѣ этого въ небольшой части католическаго міра пробудилась христіанская совѣсть, сознано было все противорѣчіе папской доктрины церковной древности и заявленъ рѣшительный протестъ противъ нея, закончившійся отдѣленіемъ лучшихъ представителей католицизма отъ окончательно порабощенной римскому епископу западной церкви. Понятно, какъ это движеніе должно было отозваться въ душѣ І. Л. Я—ва, увидѣвшаго усвоеніе и на западѣ той идеи, которая уже давно занимала его самого, понятно, съ какимъ сочувствіемъ онъ долженъ былъ отнестись къ борцамъ противъ врага каѳолической церкви. «Развѣ можно,—говорилъ онъ впослѣдствіи на вѣнскомъ старокатолическомъ конгрессѣ 1897 г.,—развѣ можно всякому, сколько-

---

[1]) Я имѣлъ возможность пользоваться нѣсколькими письмами о І. Л. Я—ва по старокатолическому вопросу (они будутъ напечатаны въ „Хр. Чтеніи“) благодаря высокопреосв. Николаю, архіепископу варшавскому, передавшему ихъ—частію чрезъ мое посредство—въ даръ С.-Петербургской Духовной Академіи. Е. П. Янышева любезно предоставила мнѣ возможность ознакомиться съ письмами разныхъ лицъ къ о. І. Л. Я—ву и съ другими бумагами, касающимися старокатолицизма. Долгомъ считаю выразить за это мою признательность.

нибудь знакомому со словомъ Божіимъ и исторіей древней церкви и не лишенному чувства чести и здраваго смысла человѣку оставаться равнодушнымъ, когда онъ ясно видитъ, что неправда, явная ложь выдается всему міру за истину, открытую самимъ Богомъ, за такую истину, непризнаніе которой подвергаетъ будто бы человѣка проклятію, осужденію на вѣчныя муки. Развѣ не позоръ для стараго цивилизованнаго запада, для католическаго именно запада, что онъ въ 1870 г. въ лицѣ знатнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ своихъ іерарховъ сначала нѣсколько встрепенулся было на защиту Христова евангелія, но скоро потомъ и постыдно поникъ и преклонился передъ тѣмъ, что сами же эти іерархи во всеуслышаніе проповѣдывали, какъ ложь. Развѣ можно послѣ этого не сочувствовать отъ всего сердца христіанамъ, мужамъ науки и чести, которымъ измѣнили ихъ іерархи, которые самоотверженно возстали за Христово евангеліе и вотъ уже болѣе 25 лѣтъ несутъ на себѣ подобно древнимъ подвижникамъ всѣ, только имъ однимъ извѣстныя, тяжелыя послѣдствія ихъ великаго предпріятія?» «Для насъ, восточныхъ и русскихъ христіанъ,—говорилъ о. І. Л. Я—въ, обращаясь къ членамъ конгресса,—вы въ вашемъ лицѣ спасаете вѣру въ существованіе на западѣ честной богословской науки и истинно христіанскаго, чуждаго іезуитизму и политикѣ настроенія» [1]). Уже тотъ одинъ фактъ, что старокатолики «являются борцами за идеальные интересы въ нашъ матеріальный вѣкъ» [2]) даетъ имъ въ глазахъ І. Л. Я—ва полное право на сочувствіе. Но не одинъ только протестъ противъ «ужасной лжи ватиканскихъ декретовъ» привлекалъ о. І. Л. Я—ва въ старокатолицизмѣ. Не менѣе того располагала его къ себѣ и положительная идея, за которую выступили вожди движенія, идея каѳолической вселенской церкви, противъ которой такъ тяжко погрѣшилъ ватиканскій католицизмъ. Отдѣлившись отъ папской церкви, старокатолицизмъ поставилъ себѣ цѣлью возвращеніе къ истинному каѳолицизму древней, единой и нераздѣленной церкви. Самымъ названіемъ своимъ, однозначущимъ, по объясненію о. І. Л. Я—ва, съ нашимъ: «древлеправославный», старокатолики хотѣли, по его словамъ, выразить то, что остаются вѣрными

---

[1]) *П. І. Янышевъ,* IV интернац. старокат. конгрессъ, Спб. 1897, стр. 18—19.

[2]) *П. І. Янышевъ,* Объ отношеніи старокатоликовъ къ православію, Спб. 1890, стр. 28.

основамъ прежней р.-католической вѣры и церковнаго устройства, «когда въ р.-католической церкви существовала дѣйствительная іерархія, епископы, какъ преемники апостольскихъ полномочій, существовала и истинная церковь Христова, какъ хранительница и толковательница богооткровенной истины, признавалось и древнее правило для толкованія этой истины, именно правило, выраженное Викентіемъ лиринскимъ: только то признавать за богооткровенное ученіе, чему въ христіанской церкви вѣрили всѣ, всегда и повсюду» [1]). Съ новымъ догматомъ все это однажды навсегда безповоротно измѣнилось. «Епископы ватиканской церкви обратились въ комиссаровъ папы, такъ какъ папа одинъ, по ватиканскому новому догмату, въ себѣ самомъ обладаетъ всею полнотою власти, и богооткровеннымъ ученіемъ теперь должно признавать не то, чему вѣровала и вѣруетъ вся церковь всегда и вездѣ, а лишь то, что благоугодно будетъ за таковое признать одному папѣ» [2]). Возставая противъ этихъ новшествъ и желая сохранить въ неприкосновенности старый порядокъ, старокатолики тѣмъ самымъ ставили себя на ту каѳолическую почву, на которой стоитъ и православная церковь. Особенно высоко цѣнилъ о. І. Л. Я—въ въ этомъ отношеніи упомянутый сейчасъ богословскій критерій каѳоличности, формулированный Викентіемъ лиринскимъ и принятый въ качествѣ древне-церковнаго основного правила старокатотоликами въ первомъ пунктѣ главнаго старокатолическаго вѣроизложенія, утрехтской деклараціи: «quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est». «Это общее начало,—говоритъ о. І. Л. Я—въ, надобно считать важнѣйшимъ съ православной точки зрѣнія. Оно для насъ потому особенно важно и интересно, что оно есть то самое, которымъ искони руководствуется православная церковь, въ частности православные богословы» (преосв. Макарій, преосв. Сильвестръ, проф. Чельцовъ) [3]). Въ защиту этого принципа о. І. Л. Я—въ со всею силою выступилъ противъ прот. Е. К. Смирнова, который считалъ его недостаточнымъ и выдвигалъ противъ него безспорно вѣрную саму по себѣ, но не могущую замѣнить и не устраняющую его мысль о непосредственномъ опознаніи себя вселенскою церковью, обвиняя старокатоликовъ въ протестантизмѣ. І. Л. Я—въ справедливо доказывалъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 8. [2]) Тамъ же, стр. 9.
[3]) Тамъ же, стр. 16—17.

своемъ отвѣтѣ прот. Е. К. Смирнову, что принципъ Викентія Лиринскаго лежалъ въ основѣ дѣятельности вселенскихъ соборовъ, и что возраженіе противъ него означаетъ принципіальный отказъ отъ сознательнаго оправданія и объективнаго доказательства своего православія, такъ какъ православными сознаютъ себя сами и всѣ другія исповѣданія и секты [1]). Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія привѣтствовалъ о. І. Л. Я—въ и дальнѣйшее, еще болѣе опредѣленное, заявленіе старокатоликовъ въ упомянутомъ вѣроизложеніи о томъ, что они «твердо держатся вѣры древней церкви, какъ она выражена во вселенскихъ символахъ и вообще признанныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ нераздѣленной церкви перваго тысящелѣтія». Это заявленіе, — увѣрялъ онъ,—теоретически «прямо ставитъ старокатоликовъ на почву православія, подчиняя всю ихъ вѣроучительную дѣятельность контролю непогрѣшимаго богооткровеннаго ученія, какъ оно выразилось во вселенскихъ символахъ, въ вѣроопредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и въ согласномъ ученіи отцовъ древней нераздѣленной церкви перваго тысячелѣтія» [2]). «Не могу,—говорилъ онъ въ извѣстной уже намъ рѣчи своей на вѣнскомъ конгрессѣ 1897 г., — не могу не сочувствовать вамъ и какъ *сознательно* вѣрующій христіанинъ. Вѣдь та почва, на которой вы, вынужденные искать христіанскую правду, остановились, есть единственно твердая и здоровая, богатая несомнѣнными свидѣтельствами о томъ, какъ усвоено и введено въ жизнь міра евангеліе, и въ чемъ состоитъ наше временное и вѣчное спасеніе! Безъ древней церкви семи вселенскихъ соборовъ для насъ не было бы христіанской истины, какъ не было бы въ мірѣ и христіанства вообще» [3]). И этотъ основной принципъ не остался у старокатоликовъ, по убѣжденію о. І. Л. Я—ва, мертвою буквою или вывѣскою, которою прикрывалось протестантское содержаніе, а былъ и на самомъ дѣлѣ примѣненъ ими къ тѣмъ догматическимъ и важнѣйшимъ каноническимъ и обрядовымъ разностямъ, которыя отдѣляли западную церковь отъ восточной православной, такъ что о старокатоликахъ дѣйствительно можно

---

[1]) *П. І. Янышевъ*, Къ вопросу о старокатолицизмѣ. Правда ли, что старокатолики предлагаютъ намъ православнымъ interkommunion (взаимопричащеніе) и съ нимъ протестантизмъ? Спб. 1894, стр. 23.

[2]) *П. І. Янышевъ*, Объ отношеніи старокатоликовъ къ православію, стр. 18.

[3]) *П. І. Янышевъ*, IV, интернац. старокат. конгрессъ, стр. 19.

сказать, что они очень близко подошли къ православной церкви, разумѣется, «не по внѣшнему облику, не по частностямъ церковной дисциплины и обрядовъ богослуженія, въ чемъ западъ никогда не былъ тожественъ съ востокомъ, въ чемъ и православныя автокефальныя церкви, принадлежащія къ разнымъ національностямъ, далеко не тожественны между собою, а въ неприкосновенной святынѣ богооткровенной истины, въ догматахъ, строго отличаемыхъ отъ человѣческихъ разсужденій о нихъ, и опредѣляющихъ все дѣло спасенія во Христѣ и всю суть христіанской нравственной жизни». І. Л. Я—въ заявлялъ (въ 1890 г.), что въ этой области догматически необходимаго онъ «затрудняется указать хотя что-либо, что существенно отличало бы старокатолическое вѣроученіе отъ православнаго» [1]. Это свое убѣжденіе о полномъ согласіи во всемъ существенномъ старокатоликовъ съ православіемъ о. І. Л. Я—въ постоянно высказывалъ и въ печати и въ письмахъ. «Изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ внѣ православія христіанскихъ обществъ, — пишетъ онъ преосв. Николаю епископу алеутскому и аляскинскому (нынѣ высокопреосв. архіепископу варшавскому)—только старокатолики (не говорю о русскихъ бѣглопоповцахъ и поповцахъ австрійскаго толка) вполнѣ согласны съ догматическимъ ученіемъ православной церкви». «Старокатолицизмъ представляетъ собою, по моему мнѣнію, для восточной православной церкви единственное на всемъ христіанскомъ западѣ свѣтлое и глубокосочувственное явленіе»—говорилъ онъ на люцернскомъ конгрессѣ. «Старокатолики,—читаемъ у него въ другомъ мѣстѣ,—единственные на западѣ убѣжденные и самоотверженные чтители церкви седьми вселенскихъ соборовъ». Этому своему взгляду на старокатолицизмъ и своимъ чувствамъ по отношенію къ нему о. І. Л. Я—въ оставался въ общемъ вѣренъ до конца своей жизни. Въ защиту ихъ онъ изложилъ въ своихъ печатныхъ трудахъ всѣ доводы, какіе могъ, и хотя вообще не расположенный къ полемикѣ, особенно въ настоящемъ дѣлѣ, по самому существу своему требующемъ, по его выраженію, «только мира и любви и правды», онъ не усумнился выступить съ печатнымъ опроверженіемъ противъ несправедливыхъ и неосновательныхъ, по его мнѣнію, нападокъ на старокатолицизмъ прот. Е. К. Смирнова и настолько былъ убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что

---

[1]) *П. І. Янышевъ*, Объ отнош. старок. къ правосл., стр. 22.

когда въ виду очень недвусмысленно заявленнаго въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ сферахъ духовнаго вѣдомства покровительства взглядамъ прот. Е. К. Смирнова, у него возникло сомнѣніе, дадутъ ли ему даже довести до конца печатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ» своихъ возраженій о. Е. К. Смирнову, онъ высказывалъ (въ письмѣ къ † А. А. Кирѣеву) твердую рѣшимость «все таки напечатать» свою статью, хотя бы для этого потребовалось «Высочайшее разрѣшеніе». Ознакомленіе русскаго православнаго общества съ старокатолицизмомъ, разъясненіе истинной природы старокатолическаго движенія и указаніе того, что въ старокатолицизмѣ есть сроднаго съ православіемъ, и составляетъ важнѣйшую заслугу о. I. Л. Янышева, какъ дѣятеля по старокатолическому вопросу. Для того, чтобы дать возможность русскимъ читателямъ судить о старокатолицизмѣ по собственнымъ старокатолическимъ вѣроизложеніямъ оффиціальнаго характера, о. I. Л. Я—въ перевелъ на русскій языкъ и напечаталъ въ 1876 г. старокатолическій «Катихизисъ, изданный въ Боннѣ по порученію старокатолическаго синода въ 1875 г.» и старокатолическое «Руководство къ обученію каѳолической вѣрѣ въ высшихъ школахъ, изданное по порученію старокатолическаго синода въ Боннѣ 1875 г.»,—первый въ «Церковномъ Вѣстникѣ», второе въ «Христіанскомъ Чтеніи». Подъ его редакціей переведенъ трудъ проф. Лангена: «Разность въ ученіи о Троицѣ между западною и восточною церковью» (1876 г.). Позднѣе, когда въ связи съ работою коммиссіи по старокатолическому вопросу, старокатолическій вопросъ сдѣлался предметомъ болѣе оживленнаго обсужденія въ русской богословской литературѣ, и когда со стороны нѣкоторыхъ авторовъ обозначилось очень несочувственное отношеніе къ старокатоликамъ, о. I. Л. Я—въ считалъ долгомъ справедливости дать возможность русскимъ читателямъ узнать, что сами старокатолики говорятъ въ свою защиту, напр. противъ обвиненій † проф. А. Ѳ. Гусева, и предложилъ въ переводѣ на русскій языкъ «новыя оффиціальныя и другія данныя для сужденія о вѣрѣ старокатоликовъ». (1902 г.).

Дѣятельность о. I. Л. Я—ва не ограничивалась однако одною этою работою надъ теоретическимъ ознакомленіемъ православныхъ съ старокатолическимъ движеніемъ. Ему суждено было и практически потрудиться въ великомъ дѣлѣ сближенія между симпатичными для него ревнителями каѳолической

истины на западѣ и православною церковью. Какъ извѣстно, старокатолицизмъ, возстановивъ у себя каѳолическое ученіе и каѳолическій церковный строй, не остался стоять замкнуто съ этою своею реформою, а съ самаго же начала обнаружилъ стремленіе возстановить самымъ дѣломъ и древнее единство каѳолической церкви, войти въ общеніе съ другими церковными обществами, стоящими или желающими стоять на каѳолической почвѣ. Объединеніе христіанъ, постепенное и прогрессивное было основной идеей всего старокатолическаго движенія. «Передъ душой І. Л., пишетъ † проф. А. П. Лопухинъ, возстала свѣтлая надежда на возможность не только побороть неправду на западѣ, но и начать процессъ возвращенія западнаго міра къ возсоединенію съ православнымъ востокомъ, къ осуществленію вѣковѣчной молитвы православной церкви о соединеніи всѣхъ. Умомъ и сердцемъ онъ отдался этому важному движенію» [1]). Опытомъ своей прежней службы въ качествѣ заграничнаго священника о. І. Л. Я—въ уже подготовленъ былъ къ воспріятію широкой идеи возможнаго единенія западнаго міра съ востокомъ. «Живя около 15 лѣтъ среди нѣмцевъ,—говорилъ онъ о себѣ,—и имѣя непрестанныя большею частію самыя добрыя отношенія къ протестантамъ и католикамъ, видя ихъ часто весьма глубокую религіозную настроенность и въ то же время полное уваженіе и къ православнымъ религіознымъ особенностямъ, я часто спрашивалъ себя, что мѣшаетъ намъ объясниться другъ съ другомъ и сблизиться въ церковномъ отношеніи, и я пришелъ къ полному убѣжденію, что искреннее религіозное сближеніе ихъ съ православными вполнѣ возможно, и что церковное раздѣленіе коренится не столько въ отвращеніи человѣка отъ истины, сколько въ національныхъ и сословныхъ предубѣжденіяхъ и эгоистическихъ интересахъ какъ иновѣрцевъ, такъ и насъ православныхъ» [2]). Тѣмъ съ большею готовностью долженъ былъ о. І. Л. Я—въ отозваться на желаніе единенія, заявленное такъ близко подошедшими къ православію старокатоликами. Онъ не разъ высказывалъ передъ самими старокатоликами, какъ отрадно ему видѣть это стремленіе ихъ къ христіанскому миру, къ христіанской истинѣ и свободѣ, къ единенію въ вѣрѣ

---

[1]) L-ти-лѣтній юбилей прот. І. Л. Янышева, Спб. 1900, стр. 39.

[2]) Сборникъ протоколовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. С.-Петербургскій отдѣлъ. 3-й годъ, 1874—1875, Спб. 1875, стр. 152.

и любви, какъ привлекательна задача, поставленная себѣ старокатоликами. Со стороны православныхъ онъ всячески старался пробудить въ отвѣтъ старокатоликамъ такое же желаніе единенія. При этомъ онъ не останавливался на одномъ культивированіи пассивнаго уніональнаго настроенія, а хотѣлъ, чтобы православные сами дѣятельно пошли навстрѣчу многообѣщающему движенію, активно заявили себя въ западной церковной жизни, постарались привлечь къ себѣ сродные элементы тамъ. Съ глубокимъ богословскимъ разумѣніемъ существа каѳоличности, давшимъ ему возможность увидѣть и оцѣнить внутреннюю правду старокатолическаго движенія и сродство старокатолицизма съ православіемъ, у него счастливо соединялись свойственныя истинно-миссіонерскимъ натурамъ, широта кругозора въ пониманіи задачъ православія въ мірѣ и энергія сознанія долга, налагаемаго каѳолическимъ характеромъ церкви. «Мнѣ живо представляется, — говорилъ онъ, — великая обязанность православной церкви принять теплое участіе въ этомъ новомъ религіозномъ движеніи на западѣ, обязанность, отъ которой мы не смѣемъ отказаться, если только считаемъ себя дѣйствительно православными». Участіемъ въ старокатолическомъ движеніи выражается, по взгляду о. І. Л. Я—ва «истинный характеръ вселенской церкви, которая имѣетъ сердце, носитъ въ себѣ чувство божественнаго Основателя своего къ религіознымъ судьбамъ міра и въ частности къ положенію цѣлыхъ сотенъ тысячъ старокатоликовъ, подъ геройскимъ и самоотверженнымъ руководствомъ высокоразвитыхъ вождей своихъ смѣло оторвавшихся отъ несокрушимаго человѣческими силами новаго римскаго чудовища». Чрезъ это далѣе открывается,— думалъ онъ,—на будущее время для истинной церкви, всегда имѣющей право, слѣдовательно и обязанность, вселенскаго голоса, случай обратить чрезъ старокатоликовъ слово къ западу [1]). Себя лично о. І. Л. Я—въ считалъ въ особенности призваннымъ къ дѣятельному участію въ старокатолическомъ движеніи по самому служебному положенію своему тогда, какъ ректора Академіи. Онъ думалъ, что это положеніе возлагаетъ на него обязанность «содѣйствовать освѣщенію всего, что чуждая намъ и большею частію враждебная западная жизнь представляетъ сколько-нибудь, если не сроднаго, то по крайней мѣрѣ и не совсѣмъ чуждаго, а, можетъ быть, и сколько-

[1]) Тамъ же, стр. 132.

нибудь полезнаго въ области богословской науки и церковной жизни» [1]). Кромѣ этихъ чисто церковныхъ мотивовъ, къ дѣятельному стремленію къ сближенію и единенію съ старокатоликами, располагали о. І. Л. Я—ва, по его словамъ, еще мотивы патріотическіе, именно сознаніе важности и даже необходимости честныхъ сношеній съ другими культурными народами для нормальнаго роста русскаго народа и всесторонняго развитія его силъ и благосостоянія [2]).

Убѣжденный по всѣмъ этимъ соображеніямъ въ большой важности и нравственной обязательности для членовъ православной церкви сдѣлать все, что можно, для единенія старокатоликовъ съ православною церковью, І. Л. Я—въ самъ первый подавалъ примѣръ въ этомъ дѣлѣ другимъ. Добровольно, единственно изъ желанія послужить доброй цѣли, онъ взялъ на себя въ качествѣ богослова вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами нелегкій трудъ представительства православнаго общества передъ старокатоликами съ цѣлію ознакомленія старокатоликовъ съ вѣрованіями и точкой зрѣнія восточной церкви и восточныхъ богослововъ, и усердно трудился надъ разъясненіемъ разностей въ ученіи между западною и восточною церквами и надъ выработкою общихъ положеній, которыя могли бы быть положены въ основу единенія. Эта работа велась главнымъ образомъ на старокатолическихъ конгрессахъ и конференціяхъ, въ которыхъ о. І. Л. Я—въ неоднократно принималъ участіе, а затѣмъ въ учрежденной въ С.-Петербургѣ оффиціальной коммиссіи по старокатолическому вопросу. Въ первое время по возникновеніи старокатолическаго движенія о. І. Л. Я—въ стоялъ не одинъ съ своими симпатіями и интересомъ къ этому движенію. Живое участіе къ старокатолицизму обнаружило тогда Общество любителей духовнаго просвѣщенія, с.-петербургскій отдѣлъ котораго основанъ былъ съ цѣлію между прочимъ «поддерживать сношенія съ поборниками православной истины заграницей и оказывать имъ нравственную опору». Первая поѣздка о. І. Л. Я—ва къ старокатоликамъ и состоялась въ качествѣ делегата Общества для присутствованія на второмъ старокатолическомъ конгрессѣ въ Кельнѣ въ 1872 году. Онъ встрѣтился здѣсь и съ англиканскими поборниками единенія, усмотрѣвшими въ старокатоли-

---

[1]) *П. І. Янышевъ*, Объ отнош. старок. къ правосл., стр. 28.
[2]) *П. І. Янышевъ*, IV интерн. старок. конгрессъ, стр. 19—20.

цизмѣ также сродные себѣ элементы и хотѣвшими войти въ общеніе съ старокатоликами. Впослѣдствіи о. І. Л. Я—въ вспоминалъ свои первыя впечатлѣнія отъ этой встрѣчи съ явившимися въ своихъ пышныхъ орнатахъ англійскими епископами, въ сравненіи съ которыми русскіе делегаты имѣли довольно скромный видъ, но зато чувствовали за собою дѣйствительное право говорить, какъ представители церкви, вѣрной древней каѳолической основѣ. І. Л. Я—въ въ качествѣ такого представителя и выразилъ свою радость по поводу намѣренія старокатоликовъ возвратиться къ нераздѣленной церкви семи вселенскихъ соборовъ и сразу намѣтилъ путь для всей дальнѣйшей работы. «Если мы,—говорилъ онъ,—будемъ исходить изъ того, чтобы держаться того, что всегда и вездѣ считалось христіанскою истиною, то я не сомнѣваюсь, что мы на пути научнаго изслѣдованія все болѣе будемъ идти къ единенію» [1]).

Особенно памятно было участіе о. І. Л. Я—ва въ спеціально устроенныхъ знаменитымъ вождемъ старокатоликовъ, проф. Деллингеромъ, въ 1874 и 1875 гг. въ Боннѣ совѣщаніяхъ представителей старокатолицизма, православія и англиканства для обсужденія вопроса о соединеніи церквей на основѣ ученія вселенской церкви до великаго раздѣленія,—извѣстныхъ подъ именемъ Боннскихъ конференцій. На первой конференціи 1874 года обсуждались по заранѣе составленной схемѣ разности въ ученіи съ одной стороны между православными и старокатоликами, съ другой между православными и англиканами, и православнымъ делегатамъ приходилось формулировать взглядъ православной церкви по каждому пункту ученія того и другого исповѣданія. Положеніе ихъ, вообще довольно отвѣтственное, затруднялось еще болѣе тѣмъ, что они должны были высказываться по затронутымъ вопросамъ безъ всякаго предварительнаго приготовленія. Дѣло велось такимъ образомъ, что сначала поочередно прочитывались заготовленные на англійскомъ языкѣ (котораго не І. Л. Я—въ ни его товарищъ по делегаціи, о. А. Тачаловъ, не понимали) тезисы, содержавшіе проектъ согласительнаго изложенія, потомъ переводились предсѣдателемъ конференціи Деллингеромъ на нѣмецкій языкъ, и послѣ этого сейчасъ же у православныхъ спра-

---

[1]) Die Verhandlungen des zweiten Altkatholiken-Congresses zu Köln. Officielle Ausgabe. Köln und Leipzig 1872, S. 42.

шивали ихъ мнѣнія, заявленія согласія или несогласія. Не смотря на трудность быстро разбираться въ искусно и тонко составленныхъ формулахъ и сразу точно опредѣлять отношеніе къ нимъ православнаго ученія, русскіе делегаты, первенствовавшіе среди православныхъ членовъ, съ честью выдержали испытаніе. Въ частности о. І. Л. Я—въ, занимавшій среди нихъ первое мѣсто, заявилъ себя и стойкимъ защитникомъ православной истины и тонкимъ богословомъ-мыслителемъ. Онъ съ самаго начала твердо опредѣлилъ, что разумѣютъ православные подъ «почвою нераздѣленной церкви», отнеся сюда не только то, что содержится въ никейско-константинопольскомъ символѣ и въ опредѣленіяхъ семи вселенскихъ соборовъ,—это готовы были допустить и старокатолики,—но и ученіе о семи таинствахъ, и настаивалъ на этомъ послѣднемъ пунктѣ, когда противъ него сталъ возражать Деллингеръ [1]). Далѣе въ проектѣ изложенія ученія объ исхожденіи Св. Духа, признававшемъ желательнымъ, чтобы вся церковь «серьезно обсудила вопросъ о возстановленіи первоначальной формы символа, не жертвуя истиною, которая выражена въ настоящей западной формѣ (Filioque)», о. І. Л. Я—въ рѣшительно возсталъ противъ слова: «истиною», говоря, что восточные не могутъ допустить, что Filioque можетъ выражать истину. «Ежели ученіе о вѣчномъ исхожденіи Духа отъ Отца и Сына удерживается вами, какъ истина,—заявилъ онъ,—то единеніе невозможно». Не соглашался онъ и на замѣну словъ: «не жертвуя истиною» словами: «не рѣшая догматической стороны вопроса», ибо,—объяснялъ онъ,—«мы восточные не можемъ признать догматическій вопросъ открытымъ», и готовъ былъ допустить развѣ лишь такую формулу: «не жертвуя какимъ-либо ученіемъ, могущимъ содержаться въ Filioque» [2]). Когда же старокатолическій епископъ Рейнкенсъ, раздраженный такою настойчивостью, вздумалъ обратиться къ восточнымъ съ увѣщаніемъ не быть требовательными и съ напоминаніемъ о томъ, какъ онъ выразился, догматѣ, что «высшая заповѣдь есть любовь», о. І. Л. Я—въ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему, что любовь старается уважать право и сама немыслима внѣ связи съ справедливостью. «Любовь,—говорилъ онъ,—привела насъ

[1]) Сборн. проток. Общ. люб. дух. просв. Спб. отд., годъ III, 1874—1875, стр. 37—38.

[2]) Тамъ же, стр. 43—46.

сюда, но она же побуждаетъ напомнить, что не мы, а третій вселенскій соборъ наложилъ анаѳему на тѣхъ, которые прибавили бы что-нибудь къ символу» [1]). Со всею твердостью возсталъ также о. І. Л. Я—въ противъ заготовленнаго тезиса о почитаніи святыхъ, объявлявшаго это почитаніе необязательнымъ. «Какъ возможно для христіанина, — спрашивалъ онъ,—дѣлать различіе между обязанностью и тою практикою, которая внушается ему его церковью?» [2]). На неумное возраженіе, что почитаніе святыхъ необязательно уже по тому одному, что для христіанина невозможно знать и имена всѣхъ святыхъ, онъ замѣтилъ, что принципъ почитанія святыхъ, а не призываніе того или другого святого, дорогъ намъ. Образъ дѣйствія о. І. Л. Я—ва на конференціи нашелъ себѣ полное одобреніе со стороны с.-петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія, которому онъ представилъ отчетъ о поѣздкѣ на конференцію и отъ котораго хотѣлъ непремѣнно услышать такую или иную оцѣнку того, что имъ было сдѣлано. Т. И. Филипповъ, подвергшій въ засѣданіи отдѣла рѣчи о. І. Л. Я—ва на конференціи очень обстоятельному и требовательному разбору, заявилъ, что относится къ поведенію о. І. Л. Я—ва на конференціи, какъ повѣреннаго лица отдѣла, съ глубокимъ уваженіемъ, которое, надѣялся онъ, раздѣлятъ и всѣ присутствующіе въ собраніи. «Порученіе, полученное Вами отъ нашего Общества,—сказалъ въ заключеніе Т. И. Филипповъ,—Вы исполнили не только вполнѣ добросовѣстно, но даже блистательно... Я почитаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось привѣтствовать Васъ съ Вашимъ блестящимъ успѣхомъ» [3]). А изъ разсказа А. П. Лопухина мы знаемъ, какое чувство восторженнаго удивленія вызвало въ студентахъ С.-Петербургской Духовной Академіи это участіе ихъ ректора «въ обсужденіи величайшаго и самаго жизненнаго для христіанскаго міра вопроса на собраніи вмѣстѣ съ свѣтилами западноевропейской богословской науки» [4]).

На второй боннской конференціи 1875 г., занимавшейся главнымъ образомъ обсужденіемъ ученія объ исхожденіи Св. Духа и принявшей рядъ важныхъ тезисовъ по этому вопросу, равно какъ по вопросу объ отношеніи между догматомъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 40. [2]) Тамъ же, стр. 62—63.
[3]) Тамъ же, стр. 176.
[4]) L-ти-лѣтній юбилей прот. І. Л. Янышева, стр. 36.

богословскимъ мнѣніемъ, о. І. Л. Я—ву принадлежала уже не столь руководящая роль, какъ на первой, но и здѣсь онъ внесъ свою также не малую долю въ общую работу православныхъ, когда, напр., поддерживая Овербека, рѣшительно указалъ на важность опредѣленнаго указанія того, до какого именно времени простирается тотъ періодъ «нераздѣленной церкви», о которомъ такъ часто говорилось въ сношеніяхъ съ старокатоликами [3]), когда далѣе въ согласительную формулу ученія о Св. Духѣ, изложенную словами св. Іоанна Дамаскина, предложилъ внести «одно изъ самыхъ важныхъ для православнаго смысла изреченій св. отца» [1]). Впрочемъ, для самого о. І. Л. Я—ва лично конференція 1875 г. имѣла едва ли не больше значенія, чѣмъ первая. Онъ вынесъ изъ нея не одно только убѣжденіе въ томъ, что старокатолики «стремятся какъ можно всестороннѣе сблизиться съ православною церковью», но и болѣе глубокій взглядъ на самую природу разности между восточною и западною церквами въ ученіи о Св. Духѣ, и этотъ взглядъ его сдѣлался у него исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей работы. «Только на послѣдней конференціи,— признавался онъ,—я хорошо узналъ, что понятіе ἐκπορεύεσθαι, отнюдь не опредѣленное вселенскою церковью въ смыслѣ, соединенномъ съ нимъ «Православнымъ Исповѣданіемъ», безусловно принимается старокатоликами, и что латинское procedere имѣетъ совершенно другой смыслъ для нихъ, чѣмъ тотъ, какой доселѣ мы обыкновенно соединяли съ нимъ. Благодаря только лишь этому-то знакомству съ старокатоликами я вполнѣ убѣдился, что для дѣйствительнаго разъясненія разсматриваемаго вопроса не съ догматически опредѣленной, а съ научно богословской стороны, необходимо намъ вновь вникнуть въ ученіе всѣхъ отцовъ какъ восточной, такъ и западной церкви, касающихся этого вопроса» [2]). Результатъ собственнаго изученія вопроса о. І. Л. Я—въ формулировалъ на конференціи въ четырехъ тезисахъ, въ которыхъ, между, прочимъ высказывалъ мысль, что Духъ Святый «по своему бытію исходитъ отъ Отца, а по своему дѣйствію или явленію, будетъ ли то въ вѣчности или во времени, не только отъ Отца, но и отъ Сына». «Тотъ взглядъ,—говоритъ о. І. Л. Я—въ,—что просіяніе Духа Св. отъ Отца чрезъ Сына

---

[1]) Сборн. проток. Общ. люб. дух. просв. Спб. отд., IV годъ, 1875—1876. Спб. 1876, стр. 91.

[2]) Тамъ же, стр. 17, 193. [3]) Тамъ же, стр. 165.

простирается также и на имманентную вѣчную жизнь Божества, въ виду того, какъ высказываются объ этомъ напр. св. Григорій Нисскій и св. Іоаннъ Дамаскинъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть терпимъ въ церкви, какъ богословское мнѣніе» [1]). Этотъ тезисъ I. Л. Я—ва, какъ извѣстно, по существу принятъ былъ впослѣдствіи и с.-петербургскою коммиссіею по старокатолическому вопросу.

Боннскія конференціи отмѣчаютъ собою высшую точку участія восточныхъ богослововъ въ работѣ по соглашенію съ старокатоликами, въ частности и о. I. Л. Я—ва. Послѣ этого всякія сношенія его съ старокатоликами прерываются на цѣлыя 15 лѣтъ. Лишь въ 1890 г., получивъ отъ старокатоликовъ утрехтскую декларацію вмѣстѣ съ швейцарскимъ катихизисомъ и богослужебною книгою, по прочтеніи которыхъ его «всегда живое сочувствіе къ старокатоликамъ стало, по его словамъ, еще живѣе», о. I. Л. Я—въ опять появляется среди старокатоликовъ на I интернаціональномъ конгрессѣ въ Кельнѣ и опять вступаетъ въ сношенія съ ними. Особенно важныя послѣдствія имѣла поѣздка о. I. Л. Я—ва на слѣдующій международный старокатолическій конгрессъ въ Люцернѣ въ 1892 г. Сначала о. I. Л. Я—въ, повидимому, не намѣревался почему-то ѣхать на этотъ конгрессъ, на которомъ предполагалось сдѣлать шагъ впередъ на пути къ возсоединенію, и его вѣрный сотрудникъ въ старокатолическомъ вопросѣ А. А. Кирѣевъ долженъ былъ настойчиво убѣждать его принять участіе въ конгрессѣ. «Поѣдемте, Иванъ Леонтьевичъ!»— повторяетъ онъ въ своихъ письмахъ къ нему. «Вы одинъ можете помочь дѣлу. Помогите ему». I. Л. Я—въ поѣхалъ, и его поѣздкѣ суждено было начать собою новый періодъ въ сношеніяхъ русскихъ богослововъ съ старокатоликами. Въ Люцернѣ о. I. Л. Я—въ сказалъ одушевленную рѣчь на тему объ отношеніи русской церкви къ прочимъ автокефальнымъ церквамъ, гдѣ мужественно указывалъ на многія ненормальныя явленія въ указанной области, и самымъ яснымъ образомъ заявилъ еще разъ свои симпатіи къ старокатолицизму, къ самой церковности старокатолической [2]), и свою вѣру въ то, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 61.

[2]) „Какъ хорошо,—говорилъ здѣсь I. Л. Я-въ,—старокатолическое богослуженіе! Какъ утѣшительно было для насъ, для меня по крайней мѣрѣ, молиться вмѣстѣ съ вами, какъ прекрасны проповѣди, какъ пре-

«Спаситель, единая глава своей святой церкви, не оставитъ безъ своего благословенія и помощи честныхъ стремленій старокатоликовъ къ соединенію съ другими христіанскими церквами». На конгрессѣ на этотъ разъ дѣйствительно постановлено было просить старокатолическихъ епископовъ оффиціально вступить съ церковными властями дружественныхъ церквей, и прежде всего православной русской церкви, въ переговоры о воз-соединеніи. І. Л. Я—въ, полагая по свойственной ему осторожности, что для такого прямого и оффиціальнаго обращенія не настало еще время, такъ какъ стороны еще недостаточно знаютъ другъ друга, предложилъ вмѣсто того, чтобы старокатолическіе епископы частнымъ образомъ переговорили объ этомъ вопросѣ съ представителями православной церкви и о результатахъ переговоровъ сообщили слѣдующему конгрессу [1]). Это предложеніе было принято, и между о. І. Л. Я—мъ съ одной стороны и представителемъ старокатоликовъ, утрехтскимъ архіепископомъ Гулемъ, съ другой состоялось частное соглашеніе въ томъ смыслѣ, что архіепископу будутъ сообщены изъ С.-Петербурга требованія, или условія, принявъ которыя старокатолики могутъ, если пожелаютъ, оффиціально просить Св. Синодъ о принятіи ихъ въ каноническое общеніе. По возвращеніи съ конгресса о. І. Л. Я—въ, чтобы дать дальнѣйшее движеніе дѣлу, предпринимаетъ шагъ, который можно назвать чрезвычайнымъ. Онъ излагаетъ принятое на конгрессѣ рѣшеніе во всеподданнѣйшей запискѣ и представляетъ ее Государю Императору, возбуждая въ ней вопросъ, не признано ли будетъ цѣлесообразнымъ назначить коммиссію для проектированія ожидаемаго старокатоликами отвѣта, присовокупляя, что отвѣтъ этотъ, по одобреніи Св. Синодомъ, могъ бы быть отправленъ частнымъ образомъ на имя утрехтскаго архіепископа. Результатомъ было назначеніе Св. Синодомъ особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа финляндскаго (нынѣ митрополита с.-петербургскаго) для точнаго выясненія тѣхъ условій и требованій, какія могли бы быть положены въ основу переговоровъ о соединеніи старокатоликовъ съ православною русскою церковью [2]).

красна литургія, какъ прекрасно общее пѣніе, какъ прекрасны отношенія между духовенствомъ и общиною!" (Der zweite internat. Altkatholiken-Kongress in Luzern. Stenographischer Bericht, Luzern 1892, S. 254).

[1]) Ibid. S. 42—43. [2]) Указъ Св. Синода отъ 15 декабря 1892 г. за № 5039.

въ число членовъ коммиссіи, включавшей лучшія богословскія силы столицы (между прочимъ профессоровъ С.-Петербургской Дух. Академіи † И. Е. Троицкаго, † В. В. Болотова и А. Л. Катанскаго) вошелъ и самъ о. І. Л. Я—въ. Вопросъ о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковью послѣ довольно длиннаго промежутка времени поставленъ былъ такимъ образомъ снова и на этотъ разъ сдѣлался предметомъ обсужденія уже не частныхъ совѣщаній заинтересовавшихся движеніемъ лицъ съ старокатоликами, а оффиціально назначенной церковною властію коммиссіи. Этой новой постановкою вопросъ обязанъ былъ всецѣло о. І. Л. Я—ву. Со стороны старокатоликовъ для разсмотрѣнія сообщеннаго имъ мнѣнія с.-петербургской коммиссіи назначена была вскорѣ также особая коммиссія въ Роттердамѣ. Обѣ коммиссіи обмѣнялись доселѣ два раза своими заключеніями по всѣмъ затронутымъ въ переговорахъ пунктамъ и одинъ разъ сверхъ того спеціально по вопросу о Filioque. І. Л. Я—въ, единственный тогда изъ членовъ коммиссіи, лично знакомый съ важнѣйшими представителями старокатолическаго движенія, давалъ коммиссіи необходимыя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи старокатолическаго общества; чрезъ его посредство коммиссія получала отъ старокатоликовъ нужныя ей рѣдкія изданія, относящіяся къ исторіи старокатолицизма. Онъ же взялъ на себя трудъ перевода первыхъ двухъ заключеній с.-петербургской коммиссіи на нѣмецкій языкъ и сообщенія старокатоликамъ, равно какъ переводъ на русскій языкъ отвѣтныхъ заключеній коммиссіи роттердамской. Тѣ и другія напечатаны были имъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» и потомъ изданы отдѣльными брошюрами: «Мнѣнія уполномоченныхъ представителей православія и старокатоличества по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными, 1896»; «IV интернаціональный старокатолическій конгрессъ съ приложеніемъ отвѣтовъ с.-петербургской коммиссіи на мнѣніе коммиссіи роттердамской по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковью, 1897»; «Новыя оффиціальныя и другія данныя для сужденія о вѣрѣ старокатоликовъ, 1902». Въ 1903 г. вмѣстѣ съ крупными перемѣнами въ личномъ составѣ коммиссіи расширены были и ея задачи чрезъ возложеніе на нее работъ еще и по англиканскому вопросу. По этой причинѣ, а также по нѣкоторымъ другимъ причинамъ частію случайнаго характера дѣятельность коммиссіи въ томъ, что касалось старокатолическаго вопроса, шла

теперь медленнѣе, чѣмъ въ первый періодъ. І. Л. Я—въ,—вообще принимавшій самое живое участіе въ работахъ коммиссіи даже послѣ потери зрѣнія, когда, во вниманіе къ его положенію, засѣданія коммиссіи устраивались въ его квартирѣ—съ величайшимъ вниманіемъ относился и къ вопросу объ англиканствѣ и — въ самое послѣднее время — къ вопросу объ англійскихъ старокатоликахъ, занявшихъ въ старокатолической семьѣ нѣсколько особое положеніе, но видимо болѣе всего желалъ продолженія сношеній съ роттердамскою коммиссіею и сожалѣлъ, что работа идетъ медленно. «Кажется, мы всѣ поохладѣли къ этому дѣлу», замѣтилъ онъ однажды меланхолически. Съ своей стороны онъ старался, сколько можно, подвинуть работу впередъ и поспѣшить съ давно ожидаемымъ отвѣтомъ на послѣднее заключеніе старокатоликовъ, хотя бы даже съ отвѣтомъ частичнымъ, на одинъ только изъ разбираемыхъ пунктовъ. Когда на очередь ставилось обсужденіе заключеній роттердамской коммиссіи, онъ замѣтно оживлялся, чувствуя себя въ хорошо знакомой области. Въ этой области авторитетъ его среди членовъ коммиссіи былъ общепризнаннымъ, и, будучи простымъ членомъ коммиссіи, не выступая даже самъ въ коммиссіи съ рефератами по разнымъ техническо-богословскимъ вопросамъ, онъ фактически былъ, можно сказать, руководителемъ и направителемъ всей работы. Члены коммиссіи знаютъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою тщательностью взвѣшивалъ и обдумывалъ онъ каждое слово, каждое выраженіе, въ проектѣ отвѣта старокатоликамъ, какъ его тонкое мышленіе и его всегдашняя осмотрительность и испытанный тактъ открывали ему нерѣдко неудобство того или иного выраженія и подсказывали другое, болѣе подходящее, по признанію затѣмъ и другихъ членовъ. Постоянная напряженная работа мысли, чувствующаяся для читателей во всѣхъ вообще трудахъ о. І. Л. Я—ва, гдѣ онъ высказываетъ свои мысли съ простотою и вмѣстѣ оригинальностью лица, владѣющаго вполнѣ своимъ предметомъ, была характерною чертою и для всего того, что онъ дѣлалъ по старокатолическому вопросу. И въ своихъ сужденіяхъ въ коммиссіи, и въ печатныхъ трудахъ о старокатолицизмѣ о. І. Л. Я—въ все время оставался изслѣдователемъ, не теряющимъ критическаго отношенія къ предмету. Въ отличіе отъ своего также много потрудившагося соработника въ благородномъ дѣлѣ подготовленія единенія церквей, покойнаго генерала А. А. Кирѣева, кото-

рый не видѣлъ рѣшительно никакихъ препятствій къ немедленному вступленію во взаимообщеніе съ старокатоликами, въ сердцѣ котораго единеніе двухъ церквей, по выраженію проф. Мишо, уже заранѣе совершилось [1]), для о. І. Л. Я—ва полное соглашеніе съ старокатоликами оставалось еще проблемою, которую должна была рѣшить работа богословской мысли. Лично убѣжденный въ томъ, что во всемъ существенномъ старокатолики согласны съ православною церковью, онъ не обходилъ богословскихъ затрудненій, усердно выдвигавшихся на пути къ возсоединенію писателями, несочувствующими старокатолицизму, а считалъ необходимымъ внутренно преодолѣвать ихъ, искалъ все большаго разъясненія и разслѣдованія предмета. Съ этою цѣлію онъ хотѣлъ привлечь новыхъ работниковъ въ этой дорогой ему области, возлагая свои надежды особенно на профессоровъ духовныхъ академій. Вотъ почему, издавая документы, относящіеся къ старокатолическому движенію или къ сношеніямъ старокатоликовъ съ православными, онъ намѣренно печаталъ ихъ въ академическихъ журналахъ, гдѣ ихъ скорѣе могли прочесть богословы-спеціалисты, а не въ оффиціальномъ изданіи Св. Синода съ его десятками тысячъ подписчиковъ. Извѣстно, что въ С.-Петербургской Духовной Академіи о. І. Л. Янышевымъ учреждена премія для выдачи за сочиненія, посвященныя, между прочимъ, изслѣдованію старокатолицизма. Эта всегда добросовѣстная работа мысли и искреннее исканіе истины больше всего способны были внушить довѣріе къ руководительству о. І. Л. Я—ва въ старокатолическомъ вопросѣ, къ его способности найти здѣсь тотъ путь, которымъ должно идти православное богословіе; велико было довѣріе и къ его практической мудрости, умѣвшей выбрать лучшія средства для желательной цѣли. Въ мысли, высказанной при жизни о. І. Л. Я—вымъ, нашла для себя коммиссія по старокатолическому вопросу и послѣ смерти его руководственное указаніе относительно дальнѣйшаго направленія дѣла въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ засѣданій, когда, благодаря энергичному веденію дѣла двумя смѣнившимися новыми предсѣдателями, быстро была доведена до конца намѣченная программа работы. Свое безпристрастіе и свою строгую вѣрность православнымъ началамъ о. І. Л. Я—въ не разъ обнаруживалъ и послѣ боннскихъ конференцій. Защищая старокатоли-

[1]) „Revue internationale de Théologie“, 1910, oct.-déc., p. 651.

ковъ отъ обвиненій, казавшихся ему несправедливыми, онъ вовсе не склоненъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на такіе факты изъ жизни старокатоликовъ, которые дѣйствительно могли возбудить сомнѣнія относительно вѣрности старокатоликовъ провозглашеннымъ ими началамъ. Такъ, констатируя въ своей статьѣ «объ отношеніи старокатоликовъ къ православію» полное согласіе оффиціальныхъ старокатолическихъ вѣроизложеній съ ученіемъ древней церкви, о. І. Л. Я—въ не скрываетъ и того, что есть одно обстоятельство въ судьбѣ старокатолицизма, «способное сильно поколебать увѣренность въ ихъ правовѣріи и разрушить всякую надежду на церковное ихъ общеніе съ православными», именно совершившійся фактъ взаимообщенія въ таинствѣ евхаристіи двухъ старокатолическихъ епископовъ съ нѣкоторыми изъ епископовъ англиканской церкви. Онъ только допускаетъ возможность благопріятнаго истолкованія этого факта въ томъ смыслѣ, что въ данномъ случаѣ дѣло шло объ англиканахъ, фактически отрѣшившихся отъ кальвинистскихъ доктринъ и усвоившихъ старокатолическія вѣрованія, хотя не отрицаетъ въ то же время возможности и совершенно обратнаго истолкованія [1]). Позднѣе о. І. Л. Я—въ былъ глубоко опечаленъ тѣмъ, что старокатолическій епископъ Веберъ, предсѣдатель роттердамской коммиссіи, въ своей брошюрѣ о «Троицѣ и мірозданіи» объявилъ Filioque «философскимъ догматомъ», заслуживающимъ полнаго признанія, и правильнымъ по своему содержанію. По этому поводу о. І. Л. Я—въ съ грустью говорилъ, что если старокатолики дѣйствительно стоятъ на такой точкѣ зрѣнія, то соглашеніе безнадежно. Тяжело подѣйствовало на него также появленіе «въ оффиціозномъ, если не оффиціальномъ», органѣ нѣмецкихъ старокатоликовъ: «Altkatholisches Volksblatt» за 1909 г. статьи протестанта Бейшлага, содержащей рѣшительное отрицаніе почитанія св. иконъ, св. мощей, частной исповѣди, постовъ и процессій, при чемъ редакція не сдѣлала никакой оговорки и какъ будто согласилась съ авторомъ статьи. І. Л. Я—въ просилъ А. А. Кирѣева, собиравшагося тогда на конгрессъ въ Вѣну, обратить на этотъ фактъ самое серьезное вниманіе старокатолическихъ епископовъ, и настолько былъ огорченъ этимъ обстоятельствомъ, а также неудачной редакціей одного тезиса, заготовленнаго для конгресса, что не по-

[1]) *И. І. Янышевъ,* Объ отношен. старокатоликовъ къ православію, стр. 25—27.

слалъ конгрессу даже обычнаго привѣтствія въ отвѣтъ на полученное приглашеніе и удивлялся легкому отношенію къ настоящему инциденту самого А. А. Кирѣева, у котораго на всѣ подобные случаи былъ готовъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что старокатолическая церковь за поступки отдѣльныхъ лицъ, даже и епископовъ, не отвѣтственна.

Глубоко преданный идеальнымъ цѣлямъ старокатоликовъ, I. Л. Я—въ принималъ близко къ сердцу и вообще все, что касалось старокатолицизма. Онъ состоялъ въ перепискѣ со многими изъ старокатолическихъ дѣятелей, давалъ нѣкоторымъ изъ нихъ, по ихъ просьбѣ, разнаго рода совѣты, дѣлалъ для нихъ справки у русскихъ профессоровъ, съ готовностью оказывалъ и матеральную помощь, жертвуя изъ своихъ средствъ то на построеніе храма для старокатоликовъ, то на поддержаніе старокатолическаго движенія среди чеховъ, то на покрытіе дефицита по изданію «Международнаго богословскаго обозрѣнія». А. А. Кирѣевъ въ своей неустанной пропагандѣ въ пользу старокатолицизма и въ беззавѣтно преданной защитѣ старокатолическихъ интересовъ постоянно дѣлился своими планами и мыслями съ о. I. Л. Я—вымъ и, послѣ того какъ въ 1892 г. вызвалъ своими статьями въ защиту старокотоликовъ прот. Е. К. Смирнова на полемику, столь непріятную I. Л. Я—ву, не предпринималъ, по предложенію о. I. Л. Я—ва, ни одного сколько нибудь рѣшительнаго шага безъ вѣдома его. Старокатолики по достоинству цѣнили симпатіи къ нимъ о. I. Л. Я—ва и платили ему тѣми же чувствами; между прочимъ въ началѣ 1890-хъ годовъ они хотѣли дать ему степень доктора богословія отъ бернскаго университета, но I. Л. Я—въ отклонилъ это предложеніе. Старокатолическія изданія отмѣтили кончину I. Л. Я—ва сочувственными некрологами.

I. Л. Я—въ сошелъ въ могилу, не увидя даже приближенія къ давней цѣли его стремленій, къ возсоединенію западныхъ христіанъ съ восточными. Но свѣтлый образъ его, какъ поборника великаго дѣла возстановленія каѳолическаго единства, глубоко и безкорыстно преданнаго своей цѣли и неустанно и энергично трудившагося надъ проложеніемъ пути къ ней, останется навсегда въ памяти всѣхъ, кто имѣлъ возможность знать его, и послужитъ ободряющимъ примѣромъ для будущихъ дѣятелей.

И. П. Соколовъ.

Творенія св. Амвросія Медіоланскаго и ихъ хронологія *).

Expositio evangelii secundum Lucan. Указаніе въ данномъ сочиненіи (III, 38) на Апологію Давида позволяетъ установить въ качествѣ terminus'a, post quem, 384 годъ, а ссылка на Expos. evan. s. L. въ толкованіи на псаломъ 40 (n. 38), написанномъ едва ли ранѣе 394 г., въ De institut. virginis 6, 42, относимомъ къ 391—392 г., въ De patriarchis 4, 21, появившемся послѣ 388 года и, наконецъ, въ Expositio in ps. CXVIII (14, 38), изданномъ въ 387—389 г., даетъ возможность указать 389 годъ, какъ terminus, ante quem. Это же подтверждается свидѣтельствомъ блаж. Іеронима, который упоминаетъ о данномъ произведеніи св. Амвросія въ своемъ переводѣ толкованія Оригена на ту же книгу. Переводъ же Іеронима, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, изданъ въ 389 или 390 г. [1])

О времени написаніи Éxpositio evangelii secundum Lucan обстоятельно разсуждаетъ Schenkl, [2]) по мнѣнію котораго настоящую книгу св. Амвросій началъ писать въ 385, а окончилъ въ 389 году. Что толкованіе начато въ 385 г., это Schenkl основываетъ, съ одной стороны, на VII, 52, гдѣ о еп. Меркуринѣ, принявшемъ имя аріанскаго епископа Авксентія, еще не говорится, какъ о гонителѣ православныхъ, что̀ имѣетъ мѣсто въ Sermo de basil. tradend., а, съ другой,—на VII, 178, гдѣ Амвросій, прославляя мучениковъ Феликса, Набора и Виктора, не упоминаетъ о Гервасіи и Протасіи, откуда Schenkl заключаетъ, что мощи этихъ послѣднихъ святыхъ ко времени напи-

*) Окончаніе. См. январь.

[1]) De viris illustr., 135; Ср. Schenkl, pars IV, praef., p. IX.

[2]) Schenkl, IV, V—IX.

санія данной книги открыты еще не были.—Приведенныя соображенія сообщаютъ, конечно, мнѣнію Schenkl'я нѣкоторую доказательность, однако, не безусловную. Дѣло въ томъ, что цитаты, на которыхъ оно основывается, взяты имъ изъ той же VII книги, въ которой (и при томъ всего черезъ нѣсколько страницъ) Амвросій упоминаетъ (n. 238) объ установившемся въ церкви обычаѣ всенароднаго пѣнія псалмовъ и гимновъ, каковому обычаю начало было положено на страстной недѣлѣ 386 г. [1]) Впрочемъ, не отрицая въ принципѣ того предположенія Schenkl'я, что Амвросій началъ писать Expositio evang. s. Lucan еще въ 385 г. и даже поддерживая его, мы не находимъ, однако, возможнымъ согласиться съ другимъ его утвержденіемъ, именно, что данная книга окончена лишь въ 389 г. Если къ веснѣ 386 г. Амвросіемъ было написано уже, какъ утверждаетъ Schenkl, цѣлыхъ семь книгъ (изъ десяти), если, далѣе, IX глава этой книги не могла, по мнѣнію Schenkl'я, появиться раньше осени 388 г. (Амвросій восхваляетъ въ ней [n. 32] наступавшій миръ и успокоеніе, каковую похвалу онъ, по признанію самаго Schenkl'я [2]), не могъ расточать раньше смерти Максима, убитаго въ 388 г.), то непонятно, почему VIII-ю книгу Амвросій писалъ почти три года, когда онъ свободно могъ написать ее въ благопріятную для его писательской дѣятельности вторую половину 386 г. Очевидно, въ данномъ пунктѣ Schenkl допустилъ какую-то ошибку. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду его ссылку на похвалы миру въ IX, 32, которыя де написаны св. Амвросіемъ не раньше смерти Максима, т. е., не раньше 388 г. Этотъ доводъ, заимствованный [3]) Schenkl'емъ у Rauschen'a, есть плодъ недоразумѣнія. Во-первыхъ, Rauschen въ указываемомъ Schenkl'емъ мѣстѣ ничего не говоритъ ни о похвалахъ миру, ни о томъ, что Амвросій не могъ расточать ихъ раньше смерти Максима; во-вторыхъ, упоминая о наступившемъ умиротвореніи послѣ гоненій Юстины и въ связи съ этимъ о Максимѣ, Rauschen имѣетъ въ виду Expositio in ps. CXVIII и, именно, 11, 22 (ошибочно напечатано 14, 22) [4]), а не IX, 32 Expositio

---

[1]) Cp. August., Confess. IX, 7, 15. [2]) Pars IV, praef. IX.

[3]) Pars IV, praef., p. IX.

[4]) Ср. письмо Амвросія къ Марцеллинѣ (20, 12), въ которомъ онъ говоритъ, что послѣ событій 386 г. въ Миланѣ между гражданами не осталось ни одного аріанина.

evang. s. Lucan. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и того, что похвалы миру въ IX, 32 Exposit. ev. s. Lucan такого характера, что ихъ скорѣе можно отнести не къ политическому, а церковному миру, наступившему послѣ окончательнаго пораженія Юстины и открытія мощей Гервасія и Протасія, т. е., послѣ 386 г. [1]).

Какъ выводъ изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ, что Expositio ev. s. Lucan написано въ 385—387 гг.

Expositio in psalmum CXVIII. Въ самомъ Expositio указывается на пѣніе гимновъ (7, 25 sq.; 8, 48), на существованіе уже толкованія на Луку (14, 38), на установившееся празднованіе дня памяти Гервасія и Протасія (6, 16), мощи которыхъ были открыты св. Амвросіемъ 17 Іюня 386 г. [2]), наконецъ, на наступившій послѣ гоненій полный миръ, который заставляетъ даже скорбѣть Амвросія о прошедшихъ дняхъ гоненій, столь благодѣтельныхъ для укрѣпленія вѣры (11, 22). Нужно полагать, что въ послѣднемъ случаѣ Амвросій имѣетъ въ виду миръ не 386, а скорѣе 388 г., когда, со смертію Юстины и затѣмъ Максима, настало полное церковное и политическое успокоеніе [3]). Съ другой стороны, книга De Isaac, составленіе которой слѣдуетъ относить ко времени послѣ 388 г., еще не была написана, такъ какъ въ ней (4, 17) онъ уже говоритъ о существованіи толкованія на CXVIII псаломъ.

Отсюда весьма вѣроятно, что Expositio in psalmum CXVIII написано не раньше конца 388 года, скорѣе же всего, въ 388—389 году [4]).

Въ опредѣленіи года написанія *De officiis ministrorum* ученые расходятся: одни (Ihm [5]), Schanz [6]), Schmidt [7]) стоятъ за 386 годъ и вообще время послѣ этого года, другіе (Rauschen [8]) за время послѣ 387 года, третьи (Fessler [9]), Förster [10]), Reeb [11]) относятъ изданіе этого творенія къ 390—391 г. Послѣднее мнѣніе имѣетъ за собою больше основаній.

---

[1]) Ср. Rauschen, 494—495.

[2]) Ср. Ihm, 24; Labriolle, 93; Rauschen, 244.

[3]) Ihm, 24; Rauschen, 495.

[4]) Ihm (24) говоритъ о написаніи этого сочиненія послѣ 388 г., Kellner (153) стоитъ за 387 и отчасти 388 г., Rauschen (495, 577)—за время послѣ 387 или 388 г., наконецъ, Schanz (310)—за 386 (самое позднее).

[5]) S. 27. [6]) S. 310. [7]) S. 12. [8]) S. 247. 274.

[9]) Institut. patrol. I, 704—705. [10]) S. 93—94.

[11]) I. Reeb. Ueber die Grundlagen des Sittlichen nach Cicero und Ambrosius. Vergleichung ihrer Schriften de officiis. Zweibrücken, 1876, S. 15.

Въ самомъ сочиненіи мы находимъ указанія на слѣдующія событія: 1) на выкупъ церковію у варваровъ плѣнныхъ, когда Амвросію ради этой цѣли пришлось продать церковные сосуды и тѣмъ навлечь на себя нареканія со стороны аріанъ (II, 15, 70; II, 28, 136), каковыя событія слѣдуетъ относить къ 378—379 [1]); 2) на recens exemplum ecclesiae Ticinensis, которая подверглась опасности со стороны императорской власти потерять довѣренное ей вдовой (II, 29, 150 sq), а это было, какъ полагаютъ (нельзя сказать, чтобы съ полной достовѣрностію [2]), въ началѣ 386 г., когда имп. Валентиніанъ былъ въ Тичинѣ; наконецъ, 3) на Arianae infestationis tempus, въ которое одинъ изъ клириковъ отпалъ отъ православія, а другой, дабы не подпасть суду за свое сребролюбіе, отрекся отъ церкви (1, 18, 72), что̀ тоже, очевидно, указываетъ на 386 годъ. Такъ какъ прямыхъ указаній на послѣдующіе годы въ книгѣ не имѣется, то нѣкоторые ученые на основаніи вышесказаннаго и полагали, что De off. m. написано въ 386 г. Однако, помимо того, что выраженіе объ аріанскомъ гоненіи, какъ о tempus, врядъ ли могло быть употреблено въ 386 г. [3]),— такъ говорятъ только о болѣе или менѣе давнопрошедшемъ,— есть другія данныя, которыя свидѣтельствуютъ о болѣе позднемъ происхожденіи настоящаго сочиненія. Въ I, 41, 201—202 Амвросій говоритъ о маккавеяхъ; о нихъ же онъ разсуждаетъ, но болѣе пространно, въ De Iacob II, 11, 45—53. Спрашивается, какая же изъ этихъ двухъ тирадъ о маккавеяхъ написана раньше? Нужно думать, что тирада въ De Iacob. Дѣло въ томъ, что разсужденіе о маккавеяхъ и похвалы имъ Амвросіемъ заимствованы изъ (ложно приписываемой Іосифу Флавію) книги περὶ λογισμοῦ αὐτοκράτορος (иначе озаглавливаемой Μακκαβαίων δ'); при чемъ, въ то время какъ въ De Iacob св. Амвросій дѣлаетъ изъ указанной книги довольно многочисленныя и почти буквальныя заимствованія [4]), въ De off. m. онъ, какъ это легко замѣтить, только сокращаетъ сказанное о маккавеяхъ въ De Iacob, подобно тому, какъ въ VI, 9, 72 Exameron'а онъ сократилъ сказанное въ 8,24 De Noe. Если приведенное нами соображеніе справедливо, то De off. m. появилось, очевидно, послѣ De Iacob. Но книга De Iacob написана послѣ De Isaac.

---

[1]) Ihm. 27. [2]) Cp. Ihm, 26; Rauschen, 247, Anm. 1.
[3]) Cp. Rauschen, 247, Anm. 1. [4]) Cp. Schenkl, pars II, p. XV.

а De Isaac послѣ Expos. in ps. CXVIII, откуда слѣдуетъ, что написаніе De off. m. нужно отодвинуть къ 390—391 гг.

Не надо упускать изъ виду и того, что эта книга составилась изъ цѣлаго ряда отрывочныхъ бесѣдъ [1]),—но не церковныхъ поученій, какъ думаютъ Fessler [2]) и Schanz [3]),—каковыя бесѣды Амвросій велъ со своими клириками въ пресвитеріумѣ. Позже онъ собралъ эти бесѣды или отрывки [4]) въ одно [5]), издавши ихъ въ видѣ трактата [6]), что̀ имѣло мѣсто уже въ позднѣйшіе годы епископства св. Амвросія [7]), такъ какъ настоящее произведеніе есть плодъ зрѣлой мысли опытнаго богослова, чуждаго уже увлеченія аллегоріей и, въ частности, филонизмомъ [8]).—На основаніи всего сказаннаго, изданіе De off. m. правильнѣе относить къ 390—391 гг. [9])

Указаніе на время написанія *De virginibus* дастъ самъ Амвросій въ II, 6, 39: Haec ego vobis, sanctae virgines, nondum triennalis sacerdos munuscula paravi. Такъ какъ Амвросій былъ посвященъ во епископа 7 декабря 374 года, то появленіе даннаго сочиненія нужно относить къ 377 году.

Можно съ увѣренностію полагать, что De virginibus было первымъ (если не считать рѣчи De excessu fratris sui Satyri) произведеніемъ св. отца [10]). Это видно изъ первыхъ главъ первой и второй книгъ, въ которыхъ такъ замѣтны боязнь и величайшее смиреніе начинающаго учить (устно и письменно) епископа. «Итакъ, — пишетъ онъ въ I, 1, 1,—не полагаясь на свои природные таланты, но по-

[1]) Ср. I, 3, 13; 4, 15; 8, 25 и др. [2]) Inst. patrol. I, 704—705.
[3]) S. 309—310. [4]) Reeb, 16. [5]) Ср. Ihm, 27.
[6]) Ср. De off. m. II, 6, 25; I, 7, 24.
[7]) Baunard, 383; Touvenot, Ed. Ambroise de Milan. Son temps et sa vie. Toulouse, 1896, p. 113.
[8]) Амвросій подробно трактуетъ здѣсь, между прочимъ, о четырехъ кардинальныхъ добродѣтеляхъ, причемъ ни разу не прибѣгаетъ къ аллегоріи, тогда какъ въ De paradiso при трактованіи о четырехъ рѣкахъ= четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ аллегоріи удѣлено весьма почтенное мѣсто.
[9]) За эту дату стоятъ: Baunard (383), Tamin (St. Ambroise et la morale chrétienne au IV-e siècle, étude comparée des traités „des devoirs“ de Cicéron et de St. Ambroise. Paris, 1895, p. 216) и Förster (93—94). Свящ. Артинскій („Св. Амвросій Медіоланскій“) видитъ въ немъ даже предсмертное завѣщаніе миланскаго епископа („Христіанинъ“, 1909, Іюнь, 68), каковое соображеніе имѣетъ свое значеніе.
[10]) Ср. Ebert, 148—149; Rauschen, 565; Ihm, 27—28.

ощряемый примѣрами божественнаго милосердія, я осмѣливаюсь начать (свою) рѣчь, ибо, по волѣ Божіей, заговорила даже ослица (Числ. XXII, 28). И вотъ, если предо мной, подверженнымъ бремени вѣка сего, предстанетъ ангелъ, то и я также открою свои давно безмолвныя уста: тотъ, кто въ этой ослицѣ разрушилъ преграды природы, можетъ, конечно, уничтожить преграды и моей неопытности». I, 1, 4: «Можетъ быть, кто-нибудь недоумѣваетъ, какъ это я, не умѣя говорить, осмѣливаюсь, однако, писать». II, 1, 2: «Мы слабы для убѣжденія и несильны въ наученіи (вѣдь, кто научаетъ, долженъ превосходить того, кто научается). И вотъ, дабы все же не показалось, что мы не исполнили принятой (на себя) обязанности или что слишкомъ много мы взяли на себя, намъ и разсудилось лучше поучать дѣву примѣрами, чѣмъ заповѣдями: можетъ быть, отъ примѣра будетъ даже больше успѣха».

Какъ видно изъ 1, 1, *De viduis* написано непосредственно послѣ De virginibus, откуда годомъ написанія этого сочиненія можно считать тотъ же 377-й [1]).

Въ свою очередь, къ De viduis примыкаетъ *De virginitate*. Это видно отчасти изъ 8, 46, гдѣ говорится о вдовицѣ, «о которой мы упомянули въ другой книгѣ», т. е., въ De viduis (cap. 9), а отчасти изъ 5, 24—26, гдѣ Амвросій защищается отъ нападокъ за свои рѣчи о дѣвствѣ, т. е., за De virginibus и De viduis, каковая самозащита, очевидно, должна была последовать вскорѣ послѣ произнесенія самыхъ инкриминируемыхъ святителю рѣчей. Отсюда, написаніе De virginitate правильнѣе относить вмѣстѣ съ мауриновцами къ 378, а не къ болѣе позднему времени, какъ то дѣлаетъ Ihm [2]).

De institutione virginis написано къ Евсевію, вѣроятно, епископу Бононскому и родственнику Амвросія. Племянница Евсевія—Амвросія приняла монашеское покрывало изъ рукъ самого миланскаго первосвятителя. Послѣдній послѣ ея постриженія и написалъ къ Евсевію книгу о воспитаніи дѣвы. Указаніе на время появленія этой книги мы находимъ въ 2, 15, гдѣ Амвросій упоминаетъ о написанныхъ уже имъ книгахъ, касающихся обязанностей дѣвства,—въ 6, 42, гдѣ онъ отсылаетъ читателей, какъ замѣчено было еще мауриновцами, ко II, 1—7 толкова-

---

[1]) Ср. Ihm, 28, Rauschen, 565, Schanz, 312, Alzog, Grundriss der Patrologie, Freiburg im Breisgau, 1888, S. 377.

[2]) S. 29; Ср. Rauschen, 565, Anm. 2, Schanz, 313, Alzog, 377.

ній на евангеліе Луки, и, наконецъ, въ 5, 35, гдѣ Амвросій говоритъ о еретикахъ, отрицавшихъ приснодѣвство Маріи. Послѣднее мѣсто имѣетъ въ виду, вѣроятно, Боноза, епископа сардикскаго (во Ѳракіи), который не признавалъ приснодѣвства Маріи и по поводу ученія котораго шли разсужденія на капуанскомъ соборѣ 391 г. [1]). Отсюда De inst. virg. появилось, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого собора, приблизительно, въ 391—392 г. [2]).

Exhortatio virginitatis. Когда въ мѣсяцѣ маѣ 392 г. Валентиніанъ II былъ убитъ и узурпаторъ Евгеній двинулся изъ Галліи въ Италію, Амвросій, дабы уклониться отъ встрѣчи съ нимъ, отправился изъ Медіолана въ Болонью, а оттуда—во Фавенцію. Приглашенный затѣмъ флорентійцами онъ прибываетъ во Флоренцію и тамъ, между прочимъ, освящаетъ церковь въ честь свв. мучениковъ Виталія и Агриколы, построенную благочестивой вдовой Юліаной. При освященіи церкви Амвросій держитъ рѣчь, въ которой убѣждаетъ сына и трехъ дочерей Юліаны сохранить дѣвство. Рѣчь была произнесена въ 393 г. [3]).

Трудно сказать что-либо опредѣленное о времени написанія *De mysteriis.* Впрочемъ, если фраза въ 1, 1: De moralibus quotidianum sermonem habuimus, cum vel Patriarcharum gesta, vel Proverbiorum legerentur praecepta имѣетъ въ виду сочиненіе «о патріархахъ», то появленіе De mysteriis падаетъ на время послѣ 388 года (такъ какъ этотъ годъ является для книги De patriarchis terminus'омъ, post quem), быть можетъ, къ 390 г. [4])

Очень трудно также точно опредѣлить время появленія книгъ *De poenitentia.* Въ Enar. in ps. 37, n. 1 Амвросій пишетъ: De poenitentia duos jam dudum scripsi libellos, откуда слѣдуетъ, что De poenitentia написано прежде ennar. in ps. 37, появившагося не раньше 394 года. Съ другой стороны, если слова II, 8, 73 этой книги: et ego laborem aliquem pro sancta ecclesia tua suscepi имѣютъ въ виду борьбу Амвросія съ Юсти-

---

[1]) Ihm, 29; Rauschen, 340 ff.

[2]) Ihm, 29—30; Ср. Rauschen 344, Anm. 4 и 378, Anm. 6, Schanz, 314.

[3]) Ср. Rauschen, 401, Schanz, 314. Ihm (30) отодвигаетъ написаніе этого сочиненія къ половинѣ 394 года, но, какъ доказываетъ Rauschen (491, Anm. 4), безъ достаточныхъ основаній.

[4]) Ср. Ihm (30), Kihn (II, 125), которые вслѣдъ за мауриновцами годомъ написанія считаютъ 387, такъ какъ они къ этому времени пріурочиваютъ появленіе книгъ „о патріархахъ“.

ной, то terminus'омъ, post quem, будетъ 386—387 гг. Отсюда написаніе De poenitentia можно относить къ періоду 386—390 гг. [1]).

Di fide, *De spiritu sancto* и *De incarnationis dominicae sacramento* написаны въ періодъ 378—381 гг. Имп. Граціанъ, отправляясь на Востокъ съ цѣлію помочь Валенту въ его войнѣ съ готами, устно и письменно просилъ Амвросія написать ему трактатъ о вѣрѣ. Амвросій исполнилъ его просьбу, написавъ и отославъ ему двѣ книги о вѣрѣ, которыя Граціанъ получилъ, во всякомъ случаѣ, до адріанопольской битвы (II, 16; 136 sqq.). Въ 379 г. Граціанъ снова обращается къ Амвросію съ просьбой: Rogo te ut mihi des ipsum tractatum, quem dederas, augendo illic de spiritu sancto fidelem disputationem [2]). На это Амвросій отвѣчалъ, что онъ исполнитъ желаніе Граціана, но проситъ отсрочки [3]), а пока посылаетъ остальныя 3 книги De fide, въ которыхъ подробно развиваетъ то, что онъ сказалъ въ первыхъ двухъ книгахъ. Отсюда, написаніе послѣднихъ трехъ книгъ De fide падаетъ на время между 379 г. и появленіемъ книги о св. Духѣ (въ которой находится указаніе на De fide [4]), т. е., 381 г., значитъ, на 379—380 гг. [5]).

Въ книгѣ De spiritu sancto мы находимъ упоминаніе (1, prol. 17) о смерти готскаго короля Атанарика, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ январѣ 381 г. Съ другой стороны, изъ n. 18 того же prolog. видно, что александрійскій епископъ Петръ, умершій въ первой половинѣ этого же 381 года, былъ еще живъ. Такимъ образомъ, написаніе книги De spir. s. падаетъ на первую половину 381 г. [6]).

Книга De incarn. d. s. является продолженіемъ книгъ De fide, на которыя въ ней имѣется нѣсколько ссылокъ (de incarn. 7, 62; 8, 79, 81; 9, 100); наоборотъ, въ ней нѣтъ ни одного упоминанія о книгѣ De spir. s. Отсюда, какъ основательно доказываетъ Schermann [7]), появленіе ея правильнѣе относить

---

[1]) Мауриновцы написаніе De poenitentia относятъ къ 384 г., тоже — J. Tixeront (Histoire des Dogmes. II. De Saint Athanase à Saint Augustin (318—430). Paris, 1909, p. 320). Rauschen же (331)—къ 380—390 гг.

[2]) Gratiani ad Ambr. ep., 3—MPL, XVI, 876; De fide III, 1, 1. [3]) Ep. 1, 7.

[4]) I, 5, 63; II, 121; De fide V, prolog. 7.

[5]) Ср. Ihm, 31—32; Rauschen, 33, 34, Anm. 2; 73, 74, Anm. 1; Schanz, 316.

[6]) Ср. Ihm, 32—33; Schanz, 316; Rauschen, 110, Anm. 6; Th. Schermann, Die griechischen Quellen des. hl. Ambrosius in 11. III de Spir. s. München, 1902, S. 6.

[7]) Ibidem, S. 5, Anm. 3.

ко времени между написаніемъ книгъ De fide—380 г. и De spir. s.—381 г. [1]), а не къ болѣе позднему времени, какъ то дѣлаютъ другіе ученые [2]).

Sermo contra Auxentium de basilicis tradendis сказана Амвросіемъ во время великаго сидѣнія въ церкви, окруженной вооруженнымъ отрядомъ императорскихъ войскъ. Такъ какъ въ рѣчи (16, 22. 24) упоминается кровавый эдиктъ 23 января 386 г., то, очевидно, эта рѣчь была произнесена не въ 385, а въ 386 г. [3]).

Рѣчь *De excessu fratris sui Satyri*, какъ теперь можно считать доказаннымъ, появилась въ 375 г. Основаніемъ для такого заключенія служатъ слова 1, 32, изъ которыхъ видно, что Сатиръ, желавшій возвратиться изъ Африки въ Италію, былъ удерживаемъ своимъ начальникомъ или, вообще, покровителемъ, знаменитымъ Симмахомъ. Послѣдній же, какъ извѣстно, былъ проконсуломъ Африки въ 373—374 г.; во всякомъ случаѣ, онъ покинулъ Африку не позже 7 сентября 375 г. [4]). Если же возвращеніе Сатира въ Италію, какъ то видно изъ рѣчи (I, 50), имѣло мѣсто зимою, то, очевидно, здѣсь нужно разумѣть зиму 374—375 г. По возвращеніи въ Италію Сатиръ заболѣлъ еще прежде, чѣмъ достигъ Милана (n. 16), гдѣ вскорѣ послѣ того и умеръ (n. 17) 17 Сентября. Если въ n. 30—32 Амвросій говоритъ объ опасности, которая ко времени путешествія Сатира угрожала Италіи со стороны варваровъ, то подъ послѣдними можно разумѣть сарматовъ и квадовъ, въ 375 г. готовившихся вторгнуться въ Италію [5]).

De obitu Valentiniani consolatio была произнесена въ Миланѣ при похоронахъ Валентиніана, убитаго 15 мая 392 г. Такъ какъ тѣло Валентиніана цѣлыхъ два мѣсяца оставалось въ Миланѣ не похороненнымъ [6]), то, очевидно, погребеніе состоялось въ м. августѣ 392 г.; отсюда и произнесеніе надгробной рѣчи Амвросія нужно относить къ августу 392 г.

De obitu Theodosii oratio была сказана въ 40 день (n. 3) по кончинѣ имп. Ѳеодосія, умершаго 17 января 395 г. [7]).

---

[1]) Cp. Rauschen 111, Anm. 1.

[2]) Ihm появленіе De incarn. d. s. относитъ (33) къ 380—383 гг., Förster (89) и Schanz (317) къ 382 г.

[3]) Cp. Ihm, 34—36; Schanz, 322; Rauschen, 246. [4]) Cp. Rauschen, 475.

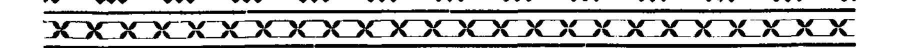
[5]) Rauschen, 475—476. [6]) De obit. Valent., n. 49.

[7]) Въ настоящей статьѣ хронологіи писемъ св. Амвросія мы не касаемся.

На основаніи вышеизложеннаго хронологія сочиненій св. Амвросія можетъ быть представлена приблизительно въ такомъ видѣ:

De excessu fratris sui Satyri—въ 375 г.
De virginibus—въ 377 г.
De viduis—въ 377 г.
De virginitate—въ 378 г.
De Paradiso—376—378.
De Cain et Abel—376—378.
De Noe et arca—378.
De fide—378—380.
De incarnationis dominicae sacramento—380.
De spiritu sancto—381.
De Abraham—381—384.
Apologia profetae David—384—385.
Sermo contra Auxentium de basilicis tradendis—386.
Expositio evangelii secundum Lucan, 385—387.
De poenitentia—386—390.
Enar. in. ps. 1—послѣ 387 г.
Expositio in ps. CXVIII—388—389.
De interpellatione Iob et David—послѣ 388.
Enarr. in pss. 45—61—послѣ 388.
Exameron—около 389 г.
De Isaac, De bono mortis, De Jacob, De Joseph, De patriarchis—389—390.
De mysteriis—около 390.
De officiis ministrorum 390—391.
De Helia, De Tobia, De Nabuthae—послѣ 390.
De fuga saeculi—391.
De institutione virginis—391—392.
De obitu Valentiniani—392.
Exhortatio virginitatis—393.
Enar. in pss. 35—40—послѣ 394.
De obitu Theodosii—395.
Enar. in ps. 43—397.

Григорій Прохоровъ.

Воспоминанія о С.-Петербургской духовной академіи.

Въ августѣ 1855 года изъ воспитанниковъ Саратовской семинаріи на казенный счетъ пріѣхавъ и поступивъ въ С.-Петербургскую духовную академію, я благополучно окончилъ въ ней курсъ въ іюнѣ 1859 года съ ученой степенью кандидата.

Студенчество мое я считаю счастливѣйшимъ періодомъ моей жизни.

Ступивъ на порогъ академическій, я сразу былъ очарованъ порядками и благоустройствомъ этого по истинѣ высшаго учебнаго заведенія. Плѣнило меня благородное настроеніе старшихъ студентовъ, прежде насъ принятыхъ въ академію, съ *удареніемъ* повторявшихъ намъ, новичкамъ, слѣдующія *золотыя* вь устахъ молодежи слова: *у насъ принято не пить.* Скоро я замѣтилъ, что студенты серьезно занимаются наукою.

Въ то время управлялъ нашею академіею преосвященный Макарій, епископъ Винницкій, докторъ богословія, авторъ многочисленныхъ сочиненій, знаменитый богословъ-историкъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій.

Преосвященный Макарій, всегда добрый къ намъ и ласковый, въ теченіе 15 лѣтъ—лучшей поры своей жизни, сначала какъ помощникъ инспектора, баккалавръ [1])—іеромонахъ, потомъ какъ инспекторъ, архимандритъ—профессоръ, наконецъ какъ ректоръ—епископъ, энергично и вліятельно трудился надъ созиданіемъ добрыхъ нравовъ и желательныхъ успѣховъ студенчества при участіи профессорской корпораціи, въ составъ которой входили люди широкообразованные, даровитые, талантливые, умственно и нравственно стоявшіе на высокой ступени развитія. Многіе изъ нихъ заявили себя въ печати солидными произведеніями по научнымъ вопросамъ разнаго рода.

Наши академическіе просвѣтители и воспитатели въ отно-

[1]) Нынѣшній доцентъ.

шеніи къ служебному долгу отличались *точностью*, исполнительностью. Не помню, чтобы когда-нибудь кто-нибудь изъ нихъ не былъ на лекціи. А у г. Родосскаго въ его „Біографическомъ словарѣ студентовъ С.-Петербургской духовной академіи" (изд. 1907 г.), на страницѣ 245 о бывшемъ въ наше время ординарномъ профессорѣ Е. И. Ловягинѣ сообщается такое любопытное извѣстіе, что онъ, г. Ловягинъ, въ теченіе своего 46-лѣтняго профессорства не пропустилъ „ни одной лекціи".

Въ виду столь почтеннаго и ученаго *ареопага* мирно текла наша студенческая благоустроенная жизнь, доставляя намъ всѣ способы къ расширенію нашихъ познаній, частію путемъ слушанія академическихъ *лекцій*, которыя мы студенты *аккуратно* посѣщали, частію путемъ *чтенія* книгъ, которыя мы брали въ своей академической или Императорской публичной библіотекѣ, во многихъ случаяхъ по *указанію* нашихъ академическихъ преподавателей, вполнѣ компетентныхъ въ той или другой отрасли знанія, составлявшей спеціальность каждаго изъ нихъ. Кстати сказать, ихъ отношенія къ намъ всегда были деликатныя, благородныя.

Вообще наше время въ академіи было время *трудовое*.

Наши очередныя сочиненія по разнымъ предметамъ подавались кому слѣдуетъ и подвергались со стороны академическихъ рецензентовъ *строгой* критикѣ, направленной къ тому, чтобы студенты съ большимъ вниманіемъ относились къ письменнымъ упражненіямъ и заботились о тщательной обработкѣ ихъ. Студенты внимали и *совершенствовались* въ этомъ родѣ.

Кромѣ обычныхъ, обязательныхъ занятій, у студентовъ были *особые*, экстраординарные труды. Въ то время въ академіи совершался переводъ твореній св. Іоанна Златоуста съ греческаго языка на русскій для печатанія въ „Христіанскомъ Чтеніи", доселѣ издающемся при С.-Петербургской духовной академіи. Редакція журнала предлагала названную работу профессорамъ и баккалаврамъ, а тѣ предварительно поручали дѣлать переводы студентамъ желающимъ съ платою по *пяти рублей* за печатный листъ. Я былъ въ числѣ желающихъ. Эти упражненія принесли мнѣ великую пользу. Опыты мои, подъ руководствомъ профессора Е. И. Ловягина, знатока греческаго языка, постепенно дѣлались лучше и лучше, наконецъ я научился переводить точно, красиво, литературно. Въ такомъ видѣ потомъ печатались труды мои въ „Христіанскомъ Чтеніи".

Въ средѣ студентовъ находились знатоки древнихъ и новыхъ языковъ.

Знакомство съ греческимъ языкомъ весьма пригодилось мнѣ впослѣдствіи, когда въ августѣ 1867 года [1]) по новому

[1]) До этого я 8 лѣтъ состоялъ въ Самарской семинаріи преподавателемъ церковной исторіи, литургики, каноники.

уставу, выдержавъ пробную лекцію, я занялъ въ Самарской духовной семинаріи каѳедру греческаго языка съ повышеннымъ окладомъ (1200 р. въ годъ). Тутъ выпала на мою долю миссія—*поднять значеніе греческаго языка* въ системѣ богословскихъ наукъ семинаріи. Насколько успѣшно выполнялась эта задача, можно судить по тому, что чрезъ 3—4 года по личному усмотрѣнію *перваго* ревизора новопреобразованной Самарской семинаріи въ связи съ *рекомендаціями* преосвященнаго епископа Герасима [1]) и ректора архимандрита Владиміра [2]) я „за отлично усердную и полезную службу", получилъ первый, притомъ *высшій* орденъ—св. Анны 3-й степени помимо Станислава той же степени. При мнѣ греческая литургія въ разное время совершалась въ Самарской семинарской церкви, потомъ это вошло въ преданіе: доселѣ въ означенномъ храмѣ каждый годъ послѣ Пасхи, въ недѣлю женъ мироносицъ, совершается греческая литургія. Говоря о Самарской семинаріи, я не могу умолчать о выдающемся случаѣ такого рода. Въ Самарѣ пришла мнѣ въ голову мысль быть не только учителемъ, но и *воспитателемъ*, а для этого вести съ своими учениками *бесѣды практическаго* характера. Бесѣды мои нравились ученикамъ и они, бывало, скажутъ мнѣ въ классѣ: „Гавріилъ Симоновичъ! поговорите съ нами". О пользѣ *бесѣдъ* я получалъ впослѣдствіи детальныя свѣдѣнія въ разное время и разныхъ мѣстахъ при встрѣчѣ съ моими бывшими самарскими питомцами, изъ коихъ иные уже были съ академическимъ или университетскимъ образованіемъ. Помнили и благодарили.

Продолжимъ разсказъ объ академіи.

Въ наше время не было *экстерновъ*, студентовъ, живущихъ на квартирахъ въ городѣ. Единственное исключеніе составлялъ мой товарищъ по курсу Н. В. Бажановъ, пріѣзжавшій въ каретѣ на академическія лекціи, жившій у своего отца, знаменитаго протопресвитера, духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ Василія Борисовича *Бажанова*.

Студенты обоихъ курсовъ—старшаго и младшаго (числомъ менѣе ста) состояли на полномъ казенномъ содержаніи, были снабжены всѣмъ необходимымъ въ достаточной мѣрѣ, занимали значительную часть громаднаго, каменнаго, величественнаго, трехъ-этажнаго академическаго дома и пользовались всѣми удобствами.

Студенты *охотно* выполняли дисциплинарныя требованія въ религіозномъ, учебномъ, бытовомъ, гигіеническомъ отношеніяхъ. Въ нашихъ занятныхъ комнатахъ, спальняхъ, умывальнѣ, столовой, пріемной, гардеробной, ретирадахъ и коридорахъ *никогда не было табачнаго запаха*. Правда, нѣкоторые студенты покуривали (начальство не преслѣдовало),

[1]) Скончался въ 1880 году въ санѣ епископа Астраханскаго.

[2]) Скончался въ 1900 году въ санѣ епископа Нижегородскаго.

но для этого они спускались внизъ, въ опредѣленное мѣсто въ подвальномъ этажѣ,—и это *строго* соблюдалось, конечно, съ *выгодой* для здоровья студентовъ.

Дисциплинарныя правила входили въ *нравы* и *обычаи* студентовъ и выражались у нихъ въ такой *милой* фразѣ: *у насъ принято*... принято не пить, принято посѣщать богослуженіе въ академическомъ храмѣ, принято бывать на утренней и вечерней молитвахъ, принято заниматься въ академіи въ опредѣленные часы, принято ходить на лекціи, принято не опаздывать въ академію во время отпусковъ по билетамъ въ воскресные и праздничные дни, принято... принято все доброе и прекрасное. Духъ благородства настолько былъ развитъ въ академіи, что студенты стыдились дѣлать что-нибудь неприличное, предосудительное. Въ насъ укоренялось уваженіе къ *порядку*, а порядокъ—душа дѣла. Нами наживалась та или другая хорошая *привычка*, а привычка—вторая природа. Чтобы студентъ явился въ академію пьянымъ, этого не видно и не слышно было: всегда всѣ были трезвы. Тѣ рамки, въ которыя мы *свободно*, *сознательно* ставили свою *волю*, держатся на *основныхъ* началахъ *правильнаго* воспитанія. Мы хорошо сознавали это и потому были корректны.

Свѣтъ академической науки *равномѣрно* распространялся въ нашей студенческой средѣ: въ то время не было дѣленія на группы.

Лекціи въ академіи съ *точнымъ* соблюденіемъ положеннаго для каждой изъ нихъ времени велись такъ, что мы интересовались преподававшимися намъ науками, начиная съ богословскихъ, которымъ принадлежало первое мѣсто въ кругу нашихъ занятій. Во главѣ академическихъ богослововъ стоялъ ординарный профессоръ епископъ, *свѣтило науки*, ректоръ Макарій, преподававшій догматическое богословіе. Лекціи преосвященнаго Макарія представляли рядъ блестящихъ *импровизацій*, которыми увлекались студенты слушатели. Той же манеры—*говорить* въ аудиторіи, а не читать по тетради, держалось большинство нашихъ профессоровъ и баккалавровъ. Такой преподавательскій пріемъ, въ большинствѣ случаевъ соединенный съ *воодушевленнымъ* настроеніемъ того или другого изъ нашихъ академическихъ наставниковъ, намъ очень нравился, и мы старались подражать ему.

Богословскія науки въ академіи преподавались въ строго-православномъ духѣ; за этимъ наблюдалъ ректоръ-епископъ. Онъ же слѣдилъ за преподаваніемъ и свѣтскихъ наукъ; вслѣдствіе этого учебная система слагалась стройно и вліятельно по отношенію къ студентамъ.

Главная заслуга ректора академіи Макарія состоитъ въ томъ, что онъ, по выраженію Херсонскаго архіепископа Никанора[1]), „далъ благотворный толчекъ разработкѣ богословской науки".

[1]) „Архіепископъ Никаноръ. Біогр. матеріалы". Одесса. 1900 г., т. I, стр. 125.

Хочу отмѣтить еще одну *черту* въ преподаваніи наукъ, для насъ важную и *существенную.* Замѣтно было, что академія разными способами, при всякомъ случаѣ, готовитъ умы наши къ борьбѣ въ жизни съ *лжеученіями* разнаго рода. Мы внимательно и сочувственно относились къ такой *тенденціи*, красной нитью проходившей чрезъ лекціи нашихъ профессоровъ и баккалавровъ, и, еще сидя на студенческой скамьѣ, уже готовы были вступить борцами за идею правды и истины. Приходилось мнѣ слышать отъ товарищей, какъ тотъ или другой изъ нихъ держалъ *диспутъ* при встрѣчѣ гдѣ-либо въ городѣ съ атеистомъ или крайнимъ политическимъ либераломъ. По этимъ фактамъ можно заключить, что студенты были *убѣжденные* юноши по вопросамъ первостепенной важности, преданные престолу и отечеству.

Что нравственное воздѣйствіе нашей академіи на ея питомцевъ было хорошее, достаточто привести свидѣтельство почитаемаго всею землею русскою о. Іоанна Кронштадтскаго, который съ любовью относился къ своей Alma Mater и говаривалъ, что онъ научился благочестію и окрѣпъ въ немъ, именно благодаря академіи. О. Іоаннъ Кронштадтскій, изъ воспитанниковъ С.-Петербургской духовной академіи XXI курса (1851—1855 г.г.), учился всѣ четыре года въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи при преосвященномъ Макаріи въ бытность его ректоромъ академіи.

Хорошо читалось Нравственное Богословіе. На этой каѳедрѣ въ то время отличался добрый и деликатный инспекторъ академіи, докторъ богословія, ординарный профессоръ архимандритъ Кириллъ [1]), своими лекціями производившій сильное религіозное вліяніе на академическую молодежь.

Студенты священнаго сана: монахи, священники, діаконы, состояли на особомъ положеніи. Для нихъ въ первомъ этажѣ было отведено отдѣльное помѣщеніе, такъ называемая „монашеская“, изъ двухъ-трехъ большихъ комнатъ съ койками по числу живущихъ въ нихъ лицъ и со всѣми приспособленіями. Тутъ они занимались, молились, читали *правило*, готовясь къ служенію въ нашемъ храмѣ въ воскресные и праздничные дни. Служеніе (при богатыхъ ризахъ) въ домовой академической церкви всегда было *соборное*, торжественное при предстоятельствѣ кого-либо изъ начальствующихъ и учащихъ лицъ, напр. инспектора академіи-архимандрита или соборнаго іеромонаха-баккалавра. Студентъ въ стихарѣ прислуживалъ въ алтарѣ. На правомъ клиросѣ пѣлъ отличный хоръ изъ студентовъ. Были и прекрасные чтецы изъ нашей же братіи; они стояли на лѣвомъ клиросѣ и въ свое время пѣли, чередуясь съ хоромъ. На большомъ коврѣ,

---

[1]) Скончался въ 1866 году въ Казани на покоѣ въ санѣ епископа, бывшаго Мелитопольскаго.

раскинутомъ во всю ширину храма до средины его, стояли ближе къ алтарю—направо старшіе студенты, налѣво—младшіе студенты. На коврѣ среди храма противъ царскихъ вратъ находилась архіерейская каѳедра. Сзади студентовъ стояли приходившіе изъ города въ нашу церковь. Въ великій постъ на первой недѣлѣ и на страстной студенты говѣли. Въ субботу первой недѣли поста преосвященный Макарій обыкновенно совершалъ литургію въ академической церкви и самъ причащалъ студентовъ. Въ великій четвергъ онъ отсутствовалъ, принимая участіе въ сослуженіи съ митрополитомъ въ какомъ-либо изъ столичныхъ соборовъ.

Студенты заниматься занимались, но и берегли свое здоровье по весьма полезному распоряженію нашего попечительнаго академическаго начальства. Въ шесть часовъ утра встать, въ одиннадцать часовъ ночи лечь спать — было непремѣннымъ правиломъ каждаго изъ насъ. Въ 11 часовъ наши занятныя комнаты запирались и мы шли на ночлегъ. Наши спальни были наверху—въ третьемъ этажѣ. Въ каждой спальной комнатѣ съ желѣзными койками въ переднемъ углу предъ иконою во всю ночь горѣла лампада. Постельное бѣлье часто перемѣнялось и было всегда чистое. Спальни на день запирались. Рядомъ съ спальнями умывальня съ необходимыми принадлежностями; входъ въ нее былъ изъ корридора.

Наши занятныя, занумерованныя комнаты, съ красивою и удобною обстановкою находились во второмъ этажѣ (я жилъ въ десятомъ номерѣ въ компаніи 11 товарищей студентовъ). Наши спальни и занятныя комнаты были расположены налѣво отъ входа въ академію.

Въ томъ же второмъ этажѣ были устроены: церковь, квартира ректора (направо отъ входа въ академію), двѣ аудиторіи съ блестящими каѳедрами и партами, одна направо, другая налѣво отъ церкви, библіотека съ физическимъ кабинетомъ и обширный, великолѣпный залъ съ портретами императоровъ (во весь ростъ до пола) и митрополитовъ въ изящныхъ золоченыхъ рамахъ, съ грандіозною, величественною каѳедрою для ораторовъ, съ хорами съ двухъ сторонъ Въ этомъ залѣ происходили экзамены и акты. Здѣсь же студенты обоихъ курсовъ—старшаго и младшаго—соединенно слушали нѣкоторые предметы, напр., св. Писаніе. Эту каѳедру въ то время занималъ знатокъ св. Писанія, ординарный профессоръ М. А. Голубевъ [1]). На случай лекцій ставились для студентовъ въ залѣ парты въ такомъ видѣ: второй рядъ выше перваго, третій выше второго и такъ далѣе до конца.

Церковь, залъ и библіотека стояли въ одинъ рядъ, выходили окнами на фасадъ зданія и были въ два свѣта, зани-

---

[1]) Скончался въ 1869 году.

мая такимъ образомъ вверху нѣкоторое пространство третьяго этажа, остальная часть котораго (направо отъ входа въ академію) была назначена для учрежденій академіи того времени: Внутренняго Правленія, Внѣшняго Правленія и Конференціи, а также для помѣщенія канцеляріи, архива и письмоводителей-студентовъ. Присутственная комната съ зерцаломъ служила мѣстомъ засѣданій Внутренняго Правленія, Внѣшняго Правленія и Конференціи въ разное время. Предсѣдателемъ этихъ трехъ учрежденій былъ ректоръ академіи, члены были разные. Въ то время существовали духовно-учебные округа: С.-Петербургскій, Кіевскій, Московскій и Казанскій. Каждой изъ четырехъ академій были подчинены въ извѣстной степени и въ опредѣленномъ числѣ духовныя семинаріи. Внутреннее Правленіе занималось дѣлами академіи, Внѣшнее Правленіе занималось дѣлами окружныхъ семинарій. Конференція носила не административный, какъ тѣ Правленія, а чисто *ученый* характеръ и, между прочимъ, занималась присужденіемъ *ученыхъ* степеней окончившимъ курсъ академіи студентамъ главнымъ образомъ на основаніи ихъ курсовыхъ разсужденій. Въ составъ конференціи, кромѣ служащихъ въ академіи профессоровъ, входили и члены-*экстерны*, напр. изъ ученыхъ протоіереевъ столицы. Въ то время въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ выпуски производились чрезъ два года—въ Московскомъ и Казанскомъ округахъ въ четные года, а въ С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ—въ нечетные года.

Въ первомъ этажѣ были устроены: а) направо отъ входа: квартира инспектора и квартиры для профессоровъ изъ монашествующихъ и свѣтскихъ лицъ не семейныхъ; б) налѣво отъ входа: пріемная (здѣсь студенты принимали своихъ родныхъ и знакомыхъ), „монашеская", наша столовая съ особымъ черезъ комнату столовымъ отдѣленіемъ для студентовъ священнаго сана, наша гардеробная и опять профессорскія квартиры.

Во всѣхъ перечисленныхъ помѣщеніяхъ всѣхъ трехъ этажей, за исключеніемъ нашихъ спаленъ и умывальни, полы были *паркетные*; полы въ спальняхъ и умывальнѣ были обыкновенные, хорошо выкрашенные, мылись каждый день.

Въ обширномъ вестибюлѣ съ 12 колоннами, раздѣлявшемъ зданіе на двѣ равныя части, при входѣ въ академію находился швейцаръ. Вестибюль сквозной, чрезъ него можно отъ входа въ противоположныя двери пройти на небольшой дворъ, а оттуда прямо въ садъ. Изъ вестибюля по лѣстницамъ направо и налѣво поднимались во второй этажъ — въ церковь, аудиторіи, залъ и библіотеку.

Во всѣхъ этажахъ окна были большія, пропускавшія много свѣта; вездѣ была хорошая вентиляція. Во всѣхъ этажахъ лѣстницы, а также полы въ корридорахъ и вестибюлѣ были каменные (предосторожность на случай пожара).

Въ третьемъ этажѣ (направо отъ входа въ академію), съ разрѣшенія начальства, имѣлъ помѣщеніе вольный поваръ съ своею кухнею и своими припасами, готовившій кушанья по заказу жильцовъ академіи.

Въ подвальномъ этажѣ [1]), сухомъ и хорошо вентилируемомъ, при меньшихъ окнахъ и съ каменными полами были устроены: кухня, пекарня, слесарня, кладовыя для храненія разныхъ вещей и помѣщенія для швейцара, поваровъ, квасниковъ, пекарей, слесарей и сторожей съ вахтеромъ во главѣ. Этотъ служительскій персоналъ, выдержанный и дисциплинированный, вообще исправный и трезвый, относился къ студентамъ почтительно, при случаѣ повторяя слово баринъ: „Баринъ! что вамъ угодно?“ и проч.

Бывало по академіи куда ни зайдешь, куда ни заглянешь, всегда вездѣ было *чисто* и *опрятно*.

Бывали такіе случаи: пріѣдетъ студентъ-новичекъ слабаго здоровья, поживетъ въ академіи и окрѣпнетъ, благодаря *регулярной* жизни, хорошей *санитарной* обстановкѣ, *хорошему питанію* и пользованію прекраснымъ академическимъ *садомъ*, раскинутымъ на значительномъ пространствѣ.

Росписаніе кушаній на каждую недѣлю составлялось студентами, просматривалось экономомъ (изъ баккалавровъ) и ректоромъ. Внизу была подпись: „Ректоръ Академіи Макарій, Епископъ Винницкій“. Росписаніе обыкновенно вывѣшивалось на стѣнѣ въ столовой.

Кушанья приготовлялись всегда изъ свѣжихъ припасовъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ-трехъ блюдъ, а ужинъ изъ одного блюда горячаго съ достаточнымъ количествомъ хлѣба, хорошо приготовленнаго. Столъ нашъ вообще былъ вкусный, сытный, удовлетворительный, отличался разнообразіемъ, иногда роскошью, въ большіе праздники, напр., намъ подавались слоеные пироги. Столъ нашъ строго согласовался съ уставомъ православной церкви, посты соблюдались вполнѣ. Утромъ и вечеромъ въ положенные часы чай съ хлѣбомъ.

Въ нашей столовой, во время обѣда и ужина, на столахъ, разставленныхъ направо и налѣво вдоль столовой съ свободнымъ по срединѣ пространствомъ и накрытыхъ бѣлыми скатертями, кромѣ тарелокъ, салфетокъ, ножей и вилокъ, ставились графины съ хорошимъ квасомъ и чистою водою, предварительно прокипяченною и охлажденною.

Въ нашей столовой, во время обѣда и ужина, присутствовалъ (обыкновенно прохаживаясь) одинъ изъ двухъ помощниковъ инспектора по очереди (изъ баккалавровъ), наблюдалъ за порядкомъ при подачѣ кушаній, подавалъ звонокъ, когда студентамъ нужно пѣть положенную молитву предъ столомъ и послѣ стола.

Впереди у стѣны подъ иконою стоялъ покрытый бѣлою

[1]) Подвальный этажъ студенты звали *катакомбами*.

скатертью *пробный* столикъ съ кушаньями извѣстнаго дня. Предъ иконою горѣла лампада.

Студенты входили въ столовую и выходили изъ нея въ опредѣленномъ порядкѣ по двое въ рядъ.

Студенты каждую недѣлю въ четвергъ мылись въ банѣ на академическомъ дворѣ и надѣвали на себя чистое бѣлье. У многихъ студентовъ было въ обычаѣ умываться послѣ обѣда.

Внѣшній видъ студентовъ нашего времени производилъ пріятное впечатлѣніе. Бывало, смотришь, ходятъ студенты, чисто, прилично одѣтые, спокойные, довольные, свѣжіе, бодрые, жизнерадостные.

На случай заболѣваній къ нашимъ услугамъ была (одноэтажная) больница съ медикаментами и со всѣми санитарными приспособленіями, устроенная на академическомъ дворѣ и обращенная окнами въ садъ. Полы въ больницѣ были обыкновенные, хорошо выкрашенные, мылись каждый день. При больницѣ постоянно жилъ фельдшеръ. Въ опредѣленные часы пріѣзжалъ изъ города врачъ для наблюденія за больными. Заболѣванія обыкновенно были болѣе или менѣе легкія, скоро проходившія, и то въ маломъ числѣ. За всѣ четыре года моего студенчества въ академіи смертныхъ случаевъ было два.

Нашъ курсъ XXIII въ лѣтописяхъ академіи называется *юбилейнымъ*. Помню, въ свое время шли большія приготовленія въ нашей академіи къ празднованію ея пятидесятилѣтняго существованія (1809—1859 гг.). Предсѣдателемъ бывшаго по этому случаю въ стѣнахъ академіи, 17 февраля 1859 года, блистательнаго собранія приглашенныхъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ былъ владыка митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Григорій изъ студентовъ перваго курса нашей академіи.

По смерти Московскаго митрополита Макарія, послѣдовавшей 9 іюня 1882 года, я написалъ статью подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о московскомъ митрополитѣ Макаріи". съ эпиграфомъ: *Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ*. Эта статья, касающаяся внутренней жизни нашей академіи въ *эпоху* Макарія, въ свое время была напечатана и перепечатана въ разныхъ изданіяхъ [1]). Много выдержекъ изъ этой статьи находится въ „Біографіи митрополита Макарія Булгакова", составленной профессоромъ Кіевской духовной академіи протоіереемъ Титовымъ и первоначально печатавшейся отдѣльными статьями въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи".

Храмовой праздникъ С.-Петербургской духовной академіи въ честь 12-ти апостоловъ совершается 30 іюня. Помню,— всѣ студенты нашего XXIII курса въ 1859 году старались

---

[1]) Напр. въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1883 г.

подать и дѣйствительно *всѣ* подали свои *курсовыя* сочиненія *до* академическаго престольнаго праздника, такимъ образомъ *закончивъ* наши обязательныя научныя отношенія къ академіи. Съ какою радостію въ томъ году 30 іюня мы собрались въ нашемъ храмѣ на торжественное богослуженіе, какъ горячо благодарили Господа Бога, что наконецъ мы окончили курсъ и въ высшемъ учебномъ заведеніи. *15 лѣтъ* я пробылъ въ школѣ—низшей, средней и высшей. Мои благодаренія Всевышнему на этотъ разъ выразились еще въ другой формѣ. Послѣ 30 іюня 1859 года, проживая вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей въ двухъ большихъ, отведенныхъ для окончившихъ курсъ, комнатахъ и продолжая пользоваться полнымъ казеннымъ содержаніемъ впредь до опредѣленія насъ на должности въ ту или другую семинарію, я въ августѣ того же 1859 года, въ Успенскій постъ, говѣлъ, исповѣдался у нашего академическаго духовника о. игумена и причастился Св. Таинъ въ Александро-Невской лаврѣ (рядомъ съ академіею). Это послужило для меня и *духовнымъ напутствіемъ* въ предстоявшую мнѣ общественную дѣятельность.

Состоя на службѣ, я по временамъ бывалъ въ Петербургѣ и каждый разъ моимъ первымъ дѣломъ въ столицѣ было—съѣздить въ академію, сдѣлать *визитъ* моей Alma Mater, посмотрѣть на этотъ величественный, почти столѣтній, но *крѣпкій* въ столпостѣнахъ своихъ, *„Домъ* [1]) *мудрости“*, на этихъ, много говорящихъ міру, Ангеловъ съ крестомъ, погулять въ саду и вспомнить былое (бывали встрѣчи съ студентами). Академія стала для меня чѣмъ-то близкимъ и родственнымъ.

Вспоминаю о С.-Петербургской духовной академіи съ чувствомъ живѣйшей и глубочайшей благодарности высшему духовному начальству, чрезъ гуманнѣйшихъ и образованнѣйшихъ мужей позаботившемуся о нашей юности въ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія.

Г. Рыбаковъ.

Г. Оренбургъ
30 іюня 1910 г.

27 Января 1910 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи епископъ *Георгій*.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи
Петръ Смирновъ.

[1]) Выстроенъ третьимъ ректоромъ нашей академіи Филаретомъ, впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ. Филаретъ все дѣлалъ *прочно*.